ISSN 0131–0097
НОЯБРЬ № 46 1991
THE WEEKLY MAGAZINE
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

ДАЛЬШЕ — ТИШИНА?

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года
УЧРЕДИТЕЛЬ — ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 46 (3356)
9 — 16 ноября

Главный редактор
Л. Н. ГУЩИН

Редакционная коллегия:
А. Ю. БОЛОТИН,
В. Л. ВОЕВОДА,
Г. В. КОПОСОВ,
Б. Д. МИНАЕВ,
Н. М. НОВИКОВ
(главный художник),
В. В. ПЕРФИЛЬЕВ
(ответственный секретарь),
Г. В. РОЖНОВ,
В. Б. ЧЕРНОВ,
А. С. ЩЕРБАКОВ
(первый заместитель главного редактора),
В. Б. ЮМАШЕВ
(заместитель главного редактора).

Совет редакции:
П. Г. БУНИЧ, Е. А. ЕВТУШЕНКО,
М. А. ЗАХАРОВ, В. А. КОРОТИЧ,
Ю. В. НИКУЛИН, С. Н. ФЕДОРОВ,
Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Фото Сергея ПЕТРУХИНА. (См. в номере материал «Последние».)

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.
Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп.,
на полгода — 23 руб. 40 коп.,
на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 18.10.91. Подписано к печати 01.11.91. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 790 000 экз. Заказ № 1010. Цена 1 рубль.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Справки по рекламе — 212-12-00.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Типография издательства «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

© «Огонек», 1991.

НА ВЕЧНОМ ОГНЕ

События в Чечено-Ингушетии таковы: чеченское население выбрало себе Президента. Новое государство провозгласили Чеченской республикой. Первый чеченский Президент заявил, что Ингушетия, которая в выборах не участвовала, в любой момент может присоединиться к новой республике. Тогда будет образована единая Вайнахская республика.
Однако Ингушетия претендует на часть своих бывших земель на территории Северной Осетии — еще один международный спор.
В 1957 году, когда после 13-летней ссылки из Казахстана и Киргизии возвращались чеченцы и ингуши, я жил в Грозном, учился в школе. Помню тихие разговоры взрослых о том, что чеченцы пока живут в палатках, строят саманные дома на окраине города. Говорили, что они привезли много денег.
Мы жили в центре, на Августовской, школа была рядом. В нашей школе их дети пока не учились.
Я думал, что Грозный — такой же российский город, как Курск.

...Через много лет я узнал центр города. Вот школа, вот фонтан. В центре сразу два митинга: один — перед зданием Совета Министров, другой — на площади, где раньше стоял памятник Ленину. На каждом из митингов люди указывали рукой в противоположную сторону и утверждали, что те, другие, «куплены»

Нет больше «единой семьи народов», и «дружба на все времена», бывает, легко переплавляется в ненависть в огне национальных конфликтов.

и за участие в митинге получают деньги. Стоявшие в стороне русские женщины, преподаватели музыкального училища, которое было рядом, сказали мне, что боятся проявлений национализма, и даже не основная, а единственная тема разговоров у них — как уехать из Чечено-Ингушетии. Реакция русского населения, знакомая по другим республикам.

Шел дождь. На Вечном огне грели чайник. В городе детства было неуютно.

Вокруг было много вооруженных людей. Мне объяснили, что оружие на случай «нападения России», введения войск. Требование Ельцина разоружиться имело здесь обратное действие. Генерал Дудаев говорил о «политическом бандитизме российского руководства и продолжающемся геноциде чеченского народа». На черном рынке поднялись цены. Пистолет стал стоить 28 тысяч, один патрон — 15 рублей. Об этом мне рассказал один министр. Он закупал партию оружия для своих людей. Говорили, что нельзя допустить, чтобы люди стали стрелять друг в друга. Начнется родовая кровная месть, и тогда — все. Но, когда много политических группировок и много оружия, оно обязательно начнет стрелять. Так было в Грузии, когда гвардейцы Китовани противостояли гвардейцам Гамсахурдиа.

На крыше СИЗО маячили силуэты заключенных. Три недели, как они захватили внутренний двор и пытались вырваться на свободу. «Нас судил коммунистический суд,— утверждали они,— а этот суд, по определению, преступный, и его решения не имеют силы. Пусть нас освободят и судят снова судом свободной республики!»

Генерал Дудаев на пресс-конференции заявил, что тюремный бунт — тоже провокация российского руководства, имеющая целью дестабилизацию обстановки и введение войск. Администрация тюрьмы была иного мнения.

А в Гудермесе было тихо. Василий Кондратьевич Вайсерт, в обиходе Магомед Хаджи Вайсерт, поправлял забор. Советский немец, он вместе с другими советскими немцами в начале войны был выслан в Казахстан. В Карагандинской области познакомился с высланными туда чеченцами. Ему пришлись по душе их обычаи, обряды. Постепенно он пришел к исламу. Женился на чеченской девушке Тамаре. Этого не могли понять ни немцы, ни чеченцы, ни русские, ни спецкомендатура. Его допрашивали, показывали врачам, сулили срок в 25 лет... В 1956 году вместе с другими чеченцами он попытался переехать на Кавказ. Неудачно. В Минеральных Водах их задержали и отправили назад. Оказывается, они не соблюли очередность возвращения. В Караганде представитель местной власти Агафонов долго не ставил их на очередь. Через год им дали разрешение, и они переехали под Гудермес. Вайсерт построил саманный дом, где живет до сих пор. У него восемь детей. На снимке он с женой и внучкой перед этим домом. В прошлом году совершил паломничество в Мекку. А еще он стал духовным отцом студентки из Германии, которая училась в Грозном и приняла ислам.

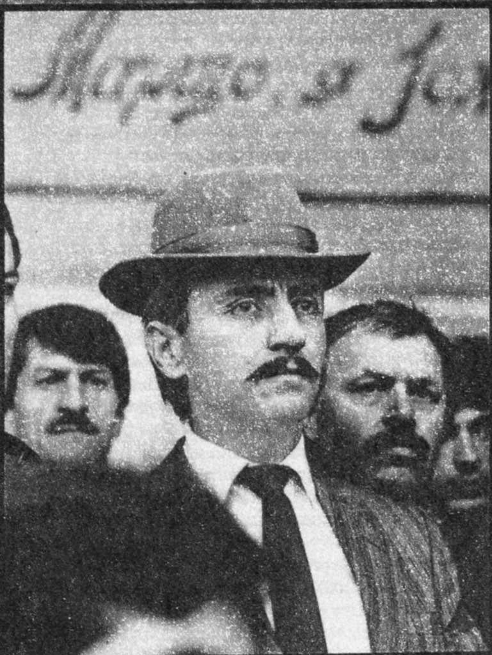

На выборах Президента Вайсерт голосовал за генерала Дудаева.

О стрельбе в воздух из автоматов, пистолетов и ружей на центральной площади Грозного в честь победы Дудаева писали многие газеты, сообщало телевидение.

Да, я ошибался, когда думал в детстве, что Грозный такой же российский город, как Курск. Впрочем, в Курске я давно не был...

Марк ШТЕЙНБОК
Фото автора

ИЗ ПОЧТЫ ОДНОГО ДНЯ

●

Почему так настойчиво устремились выйти из «нерушимого» Союза не только республики, но и области? Не потому ли, что они по-настоящему захотели быть свободными, свободными не столько от Союза, сколько от тоталитарной системы командования ими? И все-таки будущее нашей страны я вижу в объединяющем республики Союзе. Когда это произойдет, предсказывать не берусь, но все же произойдет.

А. НОВОГРУДСКИЙ
Ставрополь

●

Только сплошная приватизация и введение подлинной частной собственности в масштабах всей страны могут создать условия для нормальной жизни. Причем одновременно это оздоровило бы межнациональные отношения, создав заинтересованность народов друг в друге. Не могу в этой связи не выразить разочарование пассивностью наших демократов, которые, похоже, в большинстве своем просто не понимают принципиальной роли частной собственности и пытаются добиться улучшения в рамках существующих структур.

Н. КОРОЛЕВА
Харьков

●

Меня тошнит от высказываний некоторых экономистов-демагогов, что прежде, чем освобождать цены, необходимо подготовить рыночные структуры, провести приватизацию и прочее, а иначе это приведет к полному обнищанию населения. Что за ерунда! Плачу-то я все равно в 2—15 раз больше номинала, вопрос только кому! Куда идут мои деньги? Я финансирую преступность, то есть чтобы меня, мою жену или вас стукнули как-нибудь вечером по голове. Я уверен, что свободные цены приведут к решению проблемы, которую милиция не решит и через тысячу лет,— придет конец ненавистной мафии в торговле, на базах, в автосервисах и где там еще.

Д. ВИЛЬШАНСКИЙ
Москва

●

Уже не однажды читала и слышала по радио, что создаются общества по «защите В. И. Ленина». От кого? От своего народа, который на себе испытал и узнал весь абсурд его идей и дел, пережил все последствия этого. Ведь не со стороны кто-то пришел и решил «обидеть вождя», а свои люди путем горького опыта пришли к такому выводу, и причем большинство из нас. Какая уж тут защита?

Е. ВАСЮТКИНА
Черногорск, Красноярский край

●

Нам импонирует новое руководство МО СССР. Хочется верить, что коррумпированный генералитет, высшие офицеры, косвенно или прямо поддержавшие путчистов, будут изгнаны из армии. К руководству, начиная с полка, должны прийти честные, преданные народу, законно избранным властям офицеры и генералы. Мы уверены, что такие люди есть в армии.

И. БОНДАРЬ
с. Покровка, Приморский край

■

Мы живем в Челябинской области, в той самой, куда в сорок восьмом году приехал И. В. Курчатов. И в рекордно короткий срок под его руководством под Кыштымом было создано предприятие ПО «Маяк» для выработки плутония. Техника безопасности на «Маяке» была на очень низком уровне. Поэтому на «Маяке» за первые три года погибло две тысячи, а получили острую лучевую болезнь четыре тысячи специалистов. Радиоактивные отходы производства сливали прямо в реку Течу, на берегах которой жили и живут сотни тысяч людей. Люди пили воду из реки, купались в ней, поили скотину, поливали огороды. Они болели и умирали, не зная от чего: диагнозы никому не объявлялись. Люди переезжали в другие города и регионы. Сколько и куда уехали — неизвестно. И поэтому никто не знает числа погибших.

Наступило время гласности, и мы постепенно узнали, что ядерный щит родины нас не только не защищает, но и убивает. Пораженные размерами трагедии, мы сначала и не думали, что же происходит с плутонием дальше. А он продолжал губить наш народ. Только теперь на полигонах.

За два дня до смерти Андрей Дмитриевич Сахаров успел дать интервью журналисту «Комсомольской правды» Владимиру Рериху, которое было опубликовано в «Собеседнике» № 27 (июнь 1990 г.). В этом интервью академик Сахаров предложил ряд акций, с помощью которых можно отказаться от ядерных взрывов, не уменьшая обороноспособности страны. Сахаров считал, что Советский Союз должен объявить односторонний бессрочный мораторий на ядерные испытания и начать сокращение обычных видов вооружений.

Мы решили поддержать идеи академика Сахарова и в прошлом году начали сбор подписей под требованием:

бессрочного одностороннего моратория на военные ядерные взрывы;

одностороннего сокращения обычных вооружений до паритетного равновесия;

запрещения мирных взрывов в исследовательских целях. Ведь мирные взрывы так же опасны для здоровья и жизни человека, как и военные. Нападать мы ни на кого не собираемся, а отвечать взрывами на взрывы — значит, соревноваться в том, кто больший вред нанесет своему народу.

В августе этого года в Москве проходил X Международный конвент за европейское ядерное разоружение. На нем работал Форум по запрещению ядерных взрывов. Мы докладывали на форуме о своей работе. К нам присоединились представители «зеленых» из различных регионов страны — от Санкт-Петербурга до Дальнего Востока. Нас поддержали и зарубежные гражданские движения.

Будущее наших детей, нашего народа пока еще в наших руках. Помните об этом.

С. ЛУЧИЧ,
член Координационного совета Демократической партии «зеленых»
Челябинск

■

Осужденных по политическим мотивам в тридцатые годы и полностью реабилитированных в годы «хрущевской оттепели» остались буквально единицы. Я был незаконно репрессирован в апреле 1937 года, будучи студентом института. Тогда мне было неполных 19 лет. Отбыл в ГУЛАГе 10 лет. Полностью реабилитирован в мае 1956 года. Сейчас мне пошел семьдесят четвертый год... Конечно, большинство незаконно репрессированных в те далекие годы были старше меня. Немногие выжили, пройдя через ужасы гулаговских застенков. Многие потеряли своих родных и близких. Мои родители были расстреляны: отец — на Соловках в сентябре 1937 года, мать — в 1938 году. Реабилитированы посмертно в 1958 году. Сегодня жертвы репрессий тридцатых годов — больные старики, зачастую не имеющие средств к существованию. В союзном и Российском Верховных Советах давно обсуждается вопрос о материальной компенсации людям за годы, проведенные в тюрьмах и лагерях. Сегодня наше государство стремится стать правовым. Но допустимо ли растягивать выработку подобного закона на неопределенный срок, если принять во внимание то, что людей, репрессированных в тридцатые годы, с каждым днем становится меньше? Не будет ли разумно немедленно принять закон о денежной компенсации незаконно репрессированным, но деньги выдавать поэтапно: сначала — репрессированным в тридцатые, потом — в сороковые и пятидесятые годы...

На том свете деньги никому не нужны!

Ю. ВИШНЕВСКИЙ,
ветеран труда,
член всесоюзной ассоциации жертв незаконных репрессий
Санкт-Петербург

■

Приехал я в родную деревню Курапово Клепиковского района Рязанской области навестить родственников, походить за грибами, за ягодами. Природа здесь прекрасная: смешанный лес, зеленые луга, речки, озера... Кругом столько зелени, что дух захватывает, чистый воздух, тишина...

Все бы хорошо, но вот началась уборка картофеля. Работа эта тяжелая и вся ведется вручную. И стар, и млад впрягаются в плуги, сохи и распахивают борозды, а потом руками вытаскивают из земли клубни. Помогают дети, внуки... Копают и лопатами, и вилами... Даже изготовили специальные плуги, чтобы удобнее впрягаться и пахать на себе. И мне пришлось тащить такой плуг, помогая сестре-пенсионерке. Я как-то таким пахарям-соседям заметил: «Ну как до революции». На это последовал ответ: «Что вы, до революции у каждого лошадь была, по одной и даже по две». Сейчас лошадей нет ни в совхозе, ни в личных хозяйствах крестьян. Механизации никакой, вот и приходится крестьянам, в большинстве своем пожилым, пахать землю на себе, как волам.

Увиденное в родной деревне меня потрясло. Вот вопрос, который должен стоять на сессиях Верховных и местных Советов, на съездах народных депутатов.

В. А. БУКОВ,
ветеран труда
Кишинев

■

Сейчас много говорят и пишут о проблеме русскоязычного населения в обретающих независимость регионах бывшей империи. Упоминаются и пренебрежение русской культурой, и дискриминация, и даже геноцид. Чего только не предпринимали радетели великодержавия: объявляли экономическую блокаду, организовывали саботаж местных законов, делили людей на «наших» и «не наших», пока в своем маразме не докатились до ГКЧП (первый их клич: «союзные» законы превыше всех прочих). А между тем следовало бы просто оглянуться на не столь уж далекое историческое прошлое.

Известно, что в прибалтийских государствах в 20—30-х годах существовали русскоязычные издательства и театрально-зрелищные заведения. Там продолжали свою творческую деятельность многие представители русской культуры и искусства, оказавшиеся вне границ своего Отечества. В Риге состоялось становление знаменитых эстрадных певцов Петра Лещенко и Константина Сокольского. Значительную часть продукции рижских фирм грамзаписи «Беллаккорд Электро» и «Бонофон» составляли пластинки с репертуаром на русском языке.

Если бы Украина в 1920 году отстояла свою независимость, то нелепо предполагать, что кто-то мог бы воспрепятствовать киевскому поэту Павлу Герману создавать свои романсы, одесситу Леониду Утесову и харьковчанке Клавдии Шульженко петь на русском языке. То же самое можно сказать и о грузинских певицах Тамаре Церетели, Кэто Джапаридзе, Нани Брегвадзе.

Прошлое и настоящее республик, насильственно поглощенных имперским «союзом нерушимым», свидетельствуют, что страсти межнациональной нетерпимости надуманные и провоцируются профессиональными мизантропами в штатском, которые, кроме как руководить «пролетариями всех стран» из своих комфортных кабинетов, больше ничего не умеют.

И вот разваливается на суверенные части империя казарменного социализма, «развитого» до полного абсурда. Кто-то грустно вздыхает, вспоминая о былом мнимом могуществе Советского Союза. Ведь столько десятилетий мы засыпали и просыпались с мыслью о том, что родились в многонациональной самой великой и справедливой стране. Воистину привычка — вторая натура! Но нам предстоит перешагнуть через эти иллюзии. И прежде всего выбросить из головы, что нации могут быть одна лучше или хуже другой. И зафиксировать эту азбучную истину в законодательстве всех суверенных республик без исключения. Как это сделали все цивилизованные государства.

Б. КОТЛЯРЧУК
Мариуполь

■

По всему видно, что государство больше не в состоянии быть милосердным по отношению к своим неимущим гражданам. Виной всему, разумеется, новоявленные бизнесмены, выкачивающие свои миллионы из карманов бедняков. Как же по-другому в «совке» разбогатеешь?

Но ведь при правильно поставленной налоговой политике бизнесмену, наоборот, выгодно вкладывать средства в развитие социальных программ. Не делай он этого, отдавая значительную часть прибыли через налоги в бездонные «закрома Родины», что получится? После перераспределения в центре большую часть денег «съедят» бюрократы, космос да ВПК. То есть дети, пенсионеры, инвалиды в любом случае останутся ни с чем.

Между тем, приученные за 74 года лжи видеть во всем подвох, мы с недоверием встречаем и благотворительные акции Российской товарно-сырьевой биржи, и «дни открытых дверей» в московском метро, организованные объединением «МММ»... Не спорю, некоторые из подобных начинаний имеют не много практического смысла и лишь «подставляют» их авторов. Вот и мало еще кому известное объединение «Оранта Голд», затеявшее бесплатную подписку для неработающих пенсионеров, наша независимая пресса обвинила в отмывании грязных денег. Даже если допустить, что криминал во всей этой благотворительности присутствует, что в таком случае мешает вмешаться следственным органам? Или они уже куплены теневиками и новыми коммерсантами из КПСС? В этом случае остается поздравить и тех, и других.

Только за что тогда, спрашивается, боролись?

В. КОРНЕЕВ
Москва

■

Председатель Сахалинского крайисполкома В. Федоров отчаянно борется против возвращения Японии четырех Курильских островов. Он выступает на митингах, в печати, обращается к ученым, в Верховный Совет РСФСР, заявляет, что Ельцин разбазаривает Россию, что это предательство интересов народа и тому подобное. В общем, караул, нас предали! Но председателю крайисполкома следовало бы здраво и спокойно рассудить и сделать объективные выводы. Во-первых, эти острова были захвачены Советским Союзом после второй мировой войны. Решения Крымской конференции, на которые ссылаются сторонники присоединения к СССР Курильских островов,— это не договор, а лишь план окончания второй мировой войны. А договор с Японией до сих пор не подписан. Во-вторых, передача четырех Курильских островов даст нам большие выгоды. Япония за острова заплатит хорошие деньги, будут успешно развиваться экономические отношения, Япония даст кредиты, а это — путь к преодолению экономического кризиса. В-третьих, большой ценности для нас острова не представляют. Во всех отношениях это выгодная сделка. Единственные препятствия — это амбиции некоторых наших чиновников вроде В. Федорова и его компании. Они еще мыслят старыми коммунистическими установками: «Нам чужой земли не надо, но и своей вершка не отдадим». Да дело в том, что эта земля-то не наша!

В трудную годину, когда страна находится в глубоком экономическом кризисе, нужно все сделать, чтобы спасти ее от надвигающейся катастрофы, а не разжигать шовинистические страсти вокруг островов. Но председателю исполкома В. Федорову и его сподвижникам нет дела до тягот народа. Им не грозит нужда. Им нужна слава защитников дальневосточных рубежей. А где слава, там и широкая дорога вверх по служебной лестнице.

А вот в маленькой Греции, которая не испытывает экономического кризиса, власти объявили, что продадут 17 островов, принадлежащих Греции, всем желающим. И никто в Греции не возмутился, не устроил политической истерики.

А. СИНДЕЕВ,
учитель-пенсионер
Коми ССР,
Княжпогостский район, п. Ракпас

■

Нам, вчерашним выпускникам военных академий, очень хотелось бы обратиться к руководству МО СССР и лично к министру обороны маршалу авиации Шапошникову. В это трудное для страны время абсолютное большинство из нас правильно понимают прогрессивные изменения в обществе. Мы готовы решать сложнейшие задачи, стать основной опорой в ходе реформ в Вооруженных Силах. Однако на деле наши стремления сдерживаются консервативным руководством на местах. Наше желание взять на себя ответственность и реально осуществлять демократические преобразования в армии пресекается людьми либо невежественными, либо трусливыми. Но ждать и бездействовать сейчас непорядочно!

Н. ГОЛИКОВ,
майор, выпускник Военной академии им. Ф. Э. Дзержинского
Архангельская область

■

Я хочу поделиться одной идеей с председателями колхозов, не желающими выделять землю под фермерские хозяйства. Отказывая в выдаче земли, они нарушают закон! Им надо не препятствовать, а убедить подавшего заявление самому добровольно отказаться от этой затеи. Для этого необходимо обнажить самую страшную и тяжелую сторону фермерского труда, а именно: работу вместе со своей женой. Работу без заначки! Какой нормальный мужчина сможет жить без заначки? Надо напомнить подавшему заявление, какую радость приносили ему незапланированные премии. Пусть он вспомнит, как удобно было покрывать любую задержку домой служебными делами. Отныне от этого придется отказаться. А если будущий фермер имел обыкновение, поссорившись с женой, обиженно молчать неделями, то пусть учится азбуке немых: обет молчания и фермерство — вещи несовместимые.

Как и всякий советский человек, он частенько раньше выпивал после работы с коллегами бутылочку-другую винца. С кем он разделит это удовольствие теперь? С женой? Предложенной бутылки он не увидит до 8 Марта или до Нового года, в зависимости от времени предложения. А больничные листы, выпрошенные у знакомого терапевта? Какое было дело жене, что он ездил в эти дни на зимнюю рыбалку или смотрел весь день телевизор? Теперь, чтобы насладиться покоем амбулаторного режима, ему придется по крайней мере сломать себе ногу. И женщины, в конце концов. Просто необходимо напомнить подавшему заявление о многочисленных хорошеньких сослуживицах, за которыми он, может быть, имел обыкновение ухаживать. Что же его ждет теперь?

Думается, всего вышеперечисленного нормальному человеку будет достаточно, чтобы отказаться от своего решения и забрать заявление. И тогда председатели колхозов смогут по-прежнему сидеть на земле, как «собака на сене».

А. ГОРОШКОВ
Санкт-Петербург

■

Я праздники не люблю, это тяжелые дни в моей жизни. Тем более что все дни у меня рабочие: зимой — весь отопительный сезон, летом — весь сенокосный период. Работа моя физически изматывает. Топим мы разными дровами, иногда длиной до двух метров. Чурки эти надо уметь поднять на плечо, без умения можно надорваться. Я непьющая, но состояние опьянения испытываю после каждой смены. К концу работы ноги как ватные.

Сначала дрова нужно занести с улицы в котельную и уложить в штабель, а затем в топку. Отапливаем мы школу, мастерскую, школьный гараж, два детских садика, 8 двухэтажных домов, интернат, магазин и больницу. Чтобы подложить одну топку, трачу 30 минут. После топки делаешься вся мокрая и в висках как будто молоточки стучат. Хорошо, сын приходит и помогает. Ему 15 лет... Тут летят все законы об условиях труда женщин и детей. После смены отхаркиваешься чернотой. А как руки и все тело болят после смены... Я иногда думаю: а надолго ли меня так хватит? Платят нам 90 рублей оклад и 27 рублей за чистку золы.

А летом — сенокос, и с косой я наравне с мужиками становлюсь. Да, верна пословица: «Кто везет, на том и едут». В поле работаем с 6 утра до 5 вечера. Больше 300 рублей не заработать. Мне бы очень хотелось знать, кто все эти нормы придумал и почему мне приходится жить в таком аду? Почему кругом такая безысходность? Кручусь как белка в колесе, а живу по-нищенски. Может, я сама виновата, ведь говорят, что каждый человек — хозяин своей судьбы. Извините, если что не так, я ведь понимаю, что нас много.

Е. ЕРМОЛАЕВА
Коми ССР, п. Приуральск

■

Многое всплывает из глубин памяти, когда стоишь перед мемориальными камнями где-нибудь в глубинном литовском Рокишкисе и читаешь многочисленные имена ссыльнопоселенцев, погибших далеко на востоке. Круглые камни — как сложенные головы...

Лепинас Антанас, 1910—1943; Лепините Вида, 1940—1941. Отец и дочь. А где мама? Жива и приходит сюда, вспоминая, как хоронила одного за другим?

Калвелене Мариена, 1861—1942; Калвелис Антанас, 1940—1941. Бабушка и внук. Догадываешься: восьмидесятилетняя женщина знала, что уже не увидит Литву, но не знала, что ей суждено еще увидеть смерть внука... И рассеян прах ее земляков по всему пространству «республик свободных». Алтай, Караганда, Балхаш, Тюмень... Многое прочтешь на серых валунах сталинского ледникового периода.

Не очень далеко от памятных камней, лежащих у костела города Рокишкис, другой памятник — Якову Смушкевичу. Местный уроженец, дважды герой, летчик. Воевал против фашистов в Испании. В октябре 41-го, когда фашисты стояли под Москвой, Смушкевич стоял перед следователем НКВД и отвечал на последние вопросы. Его арестовали еще до войны. Не побежденный в воздухе врагами, он был на земле блистательно раздавлен «своими».

В Каунасе, в музее мемориала «Девятый форт», наряду с экспозицией о временах Гитлера есть экспозиция о временах Сталина и о борьбе со сталинщиной. Это вызывает массу мыслей и чувств. Думаешь: если бы не предвоенная власть Сталина в Прибалтике, то во многом иначе воспринимался бы населением и приход немецкой армии и повторный приход советской. Впрочем, история не признает вопроса «что было бы, если бы». Было то, что было. Январские события этого года — тоже история, из строчек которой имена убитых уже не вычеркнешь...

На Вильнюсском вокзале, в подземном переходе, неожиданно замечаешь еще один «мемориал»: нацарапанные на стенах многочисленные имена наших соотечественников и названия мест, откуда они прибыли. Миша и Маша, Саша и Паша... Алтай, Караганда, Балхаш, Тюмень... Так и живем — мешая горькие слезы, превратившиеся в камни, и камни, способные рассмешить до слез.

Камни Литвы... Там, в Рокишкисе, к памятному камню девочки Виды моя дочка Ира положила цветы.

В. ЕГОРОВ
Санкт-Петербург

■

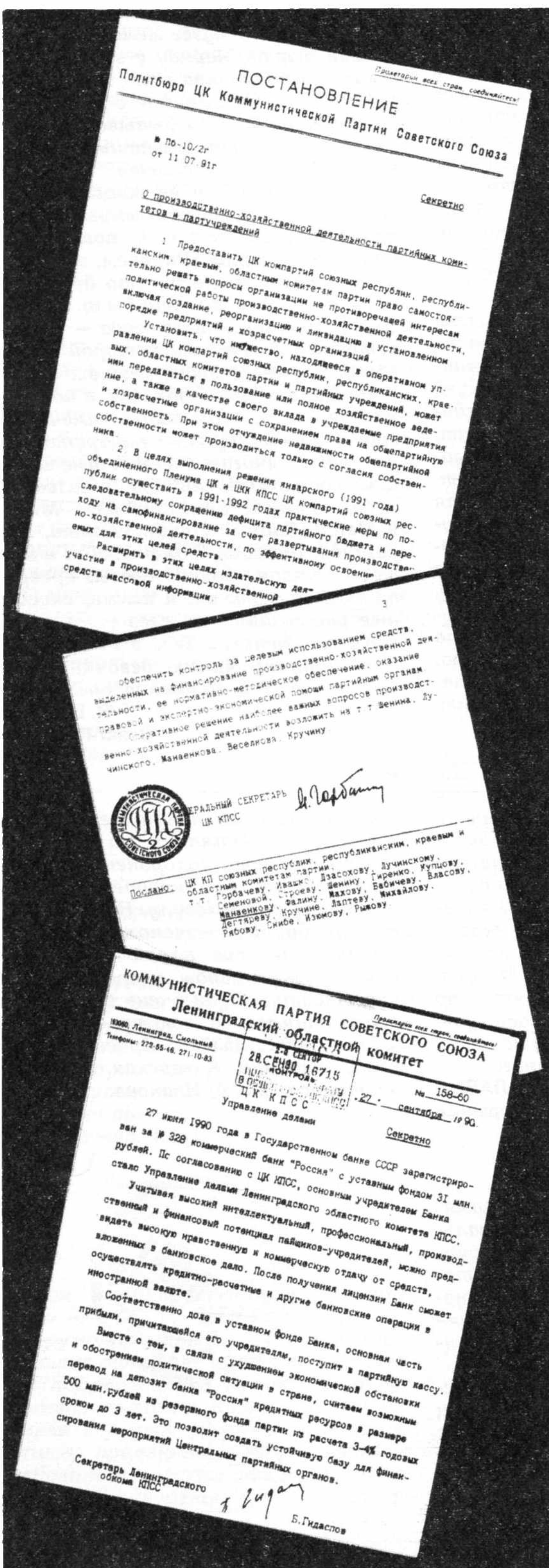
Очень надеюсь найти через «Огонек» друзей в Германии. На кладбище города Вурцена похоронен мой маленький внук. Его родители собираются посетить могилу. Но Германия теперь другая, незнакомая для нас страна. Хочется иметь там хороших друзей, чтобы уверенней себя чувствовать. Буду очень благодарна отозвавшимся на мою просьбу.

Мой адрес: 353710, Краснодарский край, станица Каневская, ул. Коллективная, 25. А. Иванова.

«КАПИТАЛ», ТОМ ПОСЛЕДНИЙ?

О ФИНАНСОВЫХ И ИНЫХ СЕКРЕТНЫХ ПАРТДОКУМЕНТАХ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Политбюро ЦК Коммунистической Партии Советского Союза

№ По-10/2г
от 11.07.91г

Секретно

О производственно-хозяйственной деятельности партийных комитетов и партучреждений

1. Предоставить ЦК компартий союзных республик, республиканским, краевым, областным комитетам партии право самостоятельно решать вопросы организации не противоречащей интересам политической работы производственно-хозяйственной деятельности, включая создание, реорганизацию и ликвидацию в установленном порядке предприятий и хозрасчетных организаций.

Установить, что имущество, находящееся в оперативном управлении ЦК компартий союзных республик, республиканских, краевых, областных комитетов партии и партийных учреждений, может ими передаваться в пользование или полное хозяйственное ведение, а также в качестве своего вклада в учреждаемые предприятия и хозрасчетные организации с сохранением права на общепартийную собственность. При этом отчуждение недвижимости общепартийной собственности может производиться только с согласия собственника.

2. В целях выполнения решения январского (1991 года) объединенного Пленума ЦК и ЦКК КПСС ЦК компартий союзных республик осуществить в 1991-1992 годах практические меры по последовательному сокращению дефицита партийного бюджета и переходу на самофинансирование за счет развертывания производственно-хозяйственной деятельности, по эффективному освоению выделенных для этих целей средств.

Расширить в этих целях издательскую деятельность и участие в производственно-хозяйственной деятельности средств массовой информации.

3

обеспечить контроль за целевым использованием средств, выделенных на финансирование производственно-хозяйственной деятельности, ее нормативно-методическое обеспечение, оказание правовой и экспертно-экономической помощи партийным органам.

Оперативное решение наиболее важных вопросов производственно-хозяйственной деятельности возложить на т.т. Шенина, Дучинского, Манаенкова, Веселкова, Кручину.

...ЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК КПСС [подпись]

Послано: ЦК КП союзных республик, республиканским, краевым и областным комитетам партии,
т.т. Горбачеву, Ивашко, Дзасохову, Лучинскому, Семеновой, Строеву, Шенину, Гиренко, Купцову, Манаенкову, Фалину, Махову, Бабичеву, Власову, Дегтяреву, Кручине, Лаптеву, Михайлову, Рябову, Снибе, Изюмову, Рыжову

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Ленинградский областной комитет

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

193060, Ленинград, Смольный
Телефоны: 272-55-46, 271-10-83

2-й СЕКТОР 28.СЕН90 16715 КОНТРОЛЬ

№ 158-60
27 сентября 1990

ЦК КПСС
Управление делами

Секретно

27 июня 1990 года в Государственном банке СССР зарегистрирован за № 328 коммерческий банк "Россия" с уставным фондом 31 млн. рублей. По согласованию с ЦК КПСС, основным учредителем Банка стало Управление делами Ленинградского областного комитета КПСС.

Учитывая высокий интеллектуальный, профессиональный, производственный и финансовый потенциал пайщиков-учредителей, можно предвидеть высокую нравственную и коммерческую отдачу от средств, вложенных в банковское дело. После получения лицензии Банк сможет осуществлять кредитно-расчетные и другие банковские операции в иностранной валюте.

Соответственно доле в уставном фонде Банка, основная часть прибыли, причитающейся его учредителям, поступит в партийную кассу.

Вместе с тем, в связи с ухудшением экономической обстановки и обострением политической ситуации в стране, считаем возможным перевод на депозит банка "Россия" кредитных ресурсов в размере 500 млн.рублей из резервного фонда партии из расчета 3-4% годовых сроком до 3 лет. Это позволит создать устойчивую базу для финансирования мероприятий Центральных партийных органов.

Секретарь Ленинградского обкома КПСС [подпись] Б.Гидаспов

Документы, которыми располагает редакция, думаем, небезынтересны читателю. В особых комментариях они вряд ли нуждаются. Бдительные защитники «ума, чести и совести», видимо, вновь возмутятся выдергиванием «фактиков из контекста». Что ж, если нам, темным, недоступен секретный партийный контекст, придется довольствоваться скромной оценкой в контексте собственного бытия.

О БЕДНЫХ ОБКОМАХ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО!

К спору о том, «отмывает» ли партия свои миллионы, или грабят ее нещадно господа демократы, можем предложить пока два документальных сюжета. Эта деловая переписка, возможно, не стоила бы нашего внимания, если б не кое-какие вопросы... Почему, к примеру, искренняя забота о «финансовом оздоровлении КПСС» скрывается под грифом «совершенно секретно» или даже просто «секретно»? И как соотносятся даты документов с принятием и вступлением в силу 1 июля этого года российского закона о собственности? Или — как расценивают авторы документов российское законодательство о банках, где политическим организациям запрещается создание коммерческих банков? Впрочем, ответы в самих документах...

27 сентября 1990 года
СЕКРЕТНО

ЦК КПСС
Управление делами

27 июня 1990 года в Государственном банке СССР зарегистрирован за № 328 коммерческий банк «Россия» с уставным фондом 31 млн. рублей. По согласованию с ЦК КПСС, основным учредителем Банка стало Управление делами Ленинградского областного комитета КПСС.

Учитывая высокий интеллектуальный, профессиональный, производственный и финансовый потенциал пайщиков-учредителей, можно предвидеть высокую нравственную и коммерческую отдачу от средств, вложенных в банковское дело. После получения лицензии Банк сможет осуществлять кредитно-расчетные и другие банковские операции в иностранной валюте.

Соответственно доле в уставном фонде Банка, основная часть прибыли, причитающейся его учредителям, поступит в партийную кассу.

Вместе с тем, в связи с ухудшением экономической обстановки и обострением политической ситуации в стране, считаем возможным перевод на депозит банка «Россия» кредитных ресурсов в размере 500 млн. рублей из резервного фонда партии из расчета 3—4% годовых сроком до 3 лет. Это позволит создать устойчивую базу для финансирования мероприятий Центральных партийных органов.

Секретарь Ленинградского обкома КПСС
Б. ГИДАСПОВ

СЕКРЕТНО

ЦК КПСС

О просьбе Ленинградского обкома партии

В Управление делами ЦК КПСС обратился Ленинградский обком партии (т. Гидаспов Б. В.) с просьбой о переводе из страхового фонда КПСС на депозит коммерческого банка «Россия» денежных средств в размере 500 млн. рублей из расчета 3—4 процента годовых сроком на 3 года.

Коммерческий банк «Россия», основным учредителем которого является Управление делами Ленинградского обкома партии, зарегистрирован в Государственном банке СССР 27 июня 1990 года с уставным фондом 31 млн. рублей.

Управление делами ЦК КПСС считало бы возможным частично согласиться с просьбой Ленинградского обкома партии и направить из страхового фонда КПСС 50 млн. рублей на депозит коммерческого банка «Россия» сроком на 2 года из расчета 6 процентов годовых.

Указанная сумма будет учитываться в переходящем остатке бюджета КПСС и в случае ликвидации банка подлежит возврату в бюджет КПСС.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается.

Управляющий делами ЦК КПСС Н. КРУЧИНА
22 марта 1991

Авторам следующей депеши, видимо, повезло больше. А может, все дело в дате послания: надо было торопиться...

1 авг. 91

ЦК КПСС
тов. ИВАШКО В. А.

Уважаемый Владимир Антонович!

Ухудшающееся финансовое состояние партийных организаций заставляет нас незамедлительно пересмотреть стратегию укрепления материальной базы партии. Ранее надежные источники пополнения партийного бюджета сегодня не в состоянии обеспечить эффективную жизнедеятельность партийных органов.

Возрастает число членов КПСС, уклоняющихся от уплаты членских партийных взносов, продолжается уменьшение численности первичных парторганизаций; редакционно-издательская деятельность в связи с значительным удорожанием стоимости бумаги и других компонентов полиграфии становится убыточной. С ростом цен на эксплуатационные, коммунальные и хозяйственные услуги возросла расходная часть партийного бюджета.

Производственно-хозяйственная деятельность партийных организаций, которая могла бы значительно восполнить дефицит партийного бюджета, фактически запрещена Законом РСФСР «О собственности в РСФСР» (п. 7).

В настоящее время в г. Москве в связи с принятием мэром и вице-мэром города распоряжений, обязывающих исполкомы районных Советов в срок до 1.08.91 г. произвести отчуждение всего партийного имущества в виде зданий и помещений и реализовать его с аукциона, принимаются соответствующие решения местных Советов.

В Черемушкинском, Бауманском, Сокольническом и Красногвардейском районах уже приняты решения по освобождению парторганами занимаемых ими помещений. УД МГК и МК КПСС дважды письменно обращалось к прокурору г. Москвы о принятии мер, предусмотренных Законом, однако действенных мер на это не последовало.

Таким образом складывающаяся политическая и экономическая ситуация в г. Москве требует оперативного решения и принятия мер, способных сохранить партийные структуры Московских городской и областной парторганизаций.

МГК И МК КПСС совместно с юристами и специалистами провели ряд совещаний и встреч по вопросам обеспечения нормальной деятельности парторганов и сохранения партийного имущества в сложившейся ситуации.

По мнению юристов, единственно правильным решением является создание Акционерного общества закрытого типа со сменой собственности

КПСС: ПОДПОЛЬНЫЙ ВАРИАНТ

Продолжая тему секретных партийных документов, мы решили обратиться к доктору исторических наук, профессору, председателю Комитета по делам архивов при Совете Министров РСФСР Рудольфу ПИХОЯ. Человеку, в ведении которого оказалось ныне оставленное нам документальное наследство.

Ровно 74 года назад большевики вышли из подполья. После 23 августа, говорят, в него возвратились. А может, не выходили? Роковой парадокс истории: 74 года абсолютного правления КПСС — это 74 года абсолютно конспиративного подполья. Парламентские слушания, ставшие сенсацией последних недель,— лишь первые результаты «раскопок». Что таят в себе архивы КПСС, правящей (в прошлом) и «совершенно секретной» (тоже, будем полагать, в прошлом) организации?

и передачей своей доли в уставной капитал, в виде основных фондов.

МГК И МК КПСС подготовили необходимые документы для создания Акционерного коммерческого общества (АКО), где 70 процентами акций будут владеть партийные комитеты г. Москвы и Московской области, т. е. определять политику АКО, кроме этого, АКО компенсирует партии стоимость основных фондов, передаваемых в уставной капитал.

В связи с изложенным просим Вас поддержать наше предложение по созданию Акционерного коммерческого общества закрытого типа и разрешить передачу в полное владение с правом выкупа основных фондов, находящихся на балансе Московских городской и областной парторганизаций КПСС, на баланс АКО.

Первый секретарь МГК КПСС
Ю. ПРОКОФЬЕВ.
Первый секретарь МК КПСС
Б. БАЛАШОВ.

Резолюция В. Ивашко появилась уже на следующий день: «Тов. Шенину О. С. Тов. Манаенкову Ю. А. Тов. Кручине Н. Е. Прошу безотлагательно разобраться и принять необходимые решения».

Управляющий делами ЦК КПСС тоже ответ не задержал:

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

В соответствии с поручением рассмотрено письмо секретарей МГК и МК КПСС тт. Прокофьева Ю. А. и Балашова Б. И., в котором ставится вопрос о наделении Московского городского и областного комитетов партии полномочиями по созданию акционерного общества с передачей на его баланс основных фондов партийных органов стоимостью 116,6 млн. рублей.

Согласно действующему законодательству, а также резолюции XXVIII съезда КПСС «О бюджете и имуществе КПСС», Уставу КПСС и постановлению ЦК КПСС от 11 июля 1991 года № ПБ-10/2г «О производственно-хозяйственной деятельности партийных комитетов и партучреждений» ЦК Компартий союзных республик, республиканским, краевым, областным комитетам партии предоставлено право самостоятельно решать вопросы, связанные с созданием предприятий и хозрасчетных организаций партийных комитетов...

Вместе с тем, по мнению тт. Прокофьева Ю. А., Балашова Б. И., Моссоветом ведется активная работа по национализации партийного имущества.

С учетом сложившейся ситуации полагали бы возможным согласиться, в порядке исключения, с предложениями тт. Прокофьева Ю. А., Балашова Б. И., возложив на них ответственность за решение вопросов, связанных с созданием акционерного общества и материальным обеспечением деятельности городской и областной партийных организаций, в связи с передачей их основных фондов на баланс акционерного общества.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается.

Управляющий делами ЦК КПСС
Н. КРУЧИНА
5 августа 1991 года.

Проект постановления, предложенный управделами, был принят (разумеется, «совершенно секретно») на секретариате ЦК 9 августа 1991 года с одной маленькой поправкой. В первом пункте, где предлагалось «согласиться, в порядке исключения, с предложениями первых секретарей Московских городского и областного комитетов партии тт. Прокофьева Ю. А. и Балашова Б. И. о передаче основных фондов городской и областной партийных организаций на баланс создаваемого с участием этих партийных комитетов акционерного общества», слова «в порядке исключения» зачеркнуты. Многообещающая поправка...

Бдительный читатель, вероятно, заметил в ходатайстве Н. Кручины ссылку на постановление Политбюро ЦК КПСС «О производственно-хозяйственной деятельности...». Что ж, мы имеем возможность процитировать и этот документ с грифом «секретно» и с характерной датой — 11 июля. В частности, там указывались и такие меры:

«Создать фонд инвестирования производственно-хозяйственной деятельности, направив на эти цели часть страхового запаса денежных средств партии.

Разрешить Управлению делами ЦК КПСС использовать в 1991 году до 600 млн. рублей на выделение ЦК компартий союзных республик, республиканским, краевым, областным комитетам партии с учетом финансового положения партийных организаций и готовности к осуществлению производственно-хозяйственной деятельности, поручив им принимать решения о порядке использования выделяемых средств и обеспечении их возвратности.

...использовать в рамках производственно-хозяйственной деятельности современные организационно-правовые формы хозяйствования (акционерные общества, малые предприятия, привлечение надежных иностранных партнеров и другие)...»

Подписан документ генеральным секретарем ЦК КПСС М. Горбачевым.

КАК АМЕРИКАНСКИЙ ОПЫТ ПОМОГ РОССИИ...

Эта любопытная бумага — тоже из аппарата ЦК. Видимо, политическая борьба требовала все же меньшей конспирации. А может, утеря бдительности и привела к столь плачевным результатам? Замечательный сценарий, старательное, как мы все наблюдали, его воплощение на сцене российских выборов президента и — никаких аплодисментов... Обидно. Хочется крикнуть — «автора!». Увы, пока неизвестен.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ТАКТИКИ ПРЕДСТОЯЩЕЙ ПРЕДВЫБОРНОЙ БОРЬБЫ ЗА ПОСТ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ОПЫТА США)

Предстоящая избирательная кампания будет характеризоваться наличием у соперничающей группировки популярного лидера, вокруг которого готовы и способны сплотиться все противостоящие партии силы, что создает благоприятные предпосылки для его победы на выборах Президента с труднопредсказуемыми негативными последствиями для Союза ССР, КПСС и РКП. Несмотря на эти очевидные преимущества Б. Ельцина, его победа на предстоящих выборах еще абсолютно не гарантирована, а его шансы быть избранным (по крайней мере сколько-нибудь значительным большинством, дающим право на противостояние союзному руководству) могут быть кардинальным образом уменьшены, если РКП сумеет своевременно противопоставить ему собственную эффективную тактику, основанную на использовании, в частности, американского опыта.

Эта тактика тезисно могла бы сводиться к следующему:

1. Против Б. Ельцина должно быть выставлено несколько (лучше до 10—12) кандидатов от РКП, что позволит распылить силы пропагандистской машины противника и одновременно «обкатать» в общероссийской избирательной кампании группу перспективных политических лидеров партии. В состав кандидатов необходимо обязательно включить 1—2 высокопоставленных партийных функционеров на уровне не ниже члена Политбюро. Эти люди, вокруг которых должно быть создано мнение, что они являются главными кандидатами партии, будут играть роль громоотвода и отвлекать на себя главные силы оппозиции и ее пропагандистского аппарата. Ни один из них не должен и не может рассчитывать на победу. Победитель должен будет появиться из группы, составленной из руководителей, наиболее благополучных с точки зрения экономического и социального положения населения областей РСФСР, пользующихся популярностью и получивших опыт предвыборной борьбы в ходе недавних выборов в местные органы власти.

2. Необходимо юридически обеспечить принцип предоставления средствами массовой информации равного места в прессе и равного времени на радио и телевидении для всех кандидатов без исключения. Это требование имеет принципиальное значение ввиду уникальности складывающейся в президентской борьбе обстановки, когда оппозиция не может выдвинуть нескольких популярных лидеров, не рискуя подорвать шансы на победу Б. Ельцина. В то же время значительное количество кандидатов от РКП позволяет организовать мощное и хорошо скоординированное наступление на позиции Б. Ельцина, вынуждая его распылять свои силы, отвечая на персональную критику каждого из них, и не будучи уверенным в том, что удар наносится по самому для него опасному конкуренту.

3. Потенциальные кандидаты должны быть подобраны в кратчайшие сроки, а переговоры с ними относительно их участия в предвыборной борьбе можно было бы скрытно провести в ходе предстоящего Пленума ЦК КПСС.

Тактика ведения ими предвыборной борьбы может обсуждаться только устно, а руководство ими должно осуществляться строго на индивидуальной основе, без привлечения других кандидатов от партии и тем более ее выборных органов с целью избежать утечки информации, способной нанести позициям партии непоправимый ущерб.

4. Главной задачей тактики партии в предстоящей предвыборной борьбе должно стать недопущение победы Б. Ельцина в первом туре. Можно рассчитывать, что популярные областные лидеры, построившие избирательную кампанию на демонстрации своих реальных достижений в противовес открытому политиканству Б. Ельцина, получат поддержку населения своих областей и даже прилегающих регионов, отняв таким образом соответствующие голоса у Б. Ельцина и не допустив его всенародного избрания.

5. В ходе второго тура все кандидаты от РКП должны будут объединиться вокруг одного, набравшего наибольшее число голосов избирателей в первом туре. Не исключено вступление в борьбу нового, альтернативного Б. Ельцину и ведущему кандидату РКП, деятеля, например, А. И. Лукьянова.

Долгие годы общество, в котором народ и партия едины, воспитывало своих граждан в священном трепете перед официальной бумагой. Возможно, не зря. Возможно, в наш недоверчивый век она действительно окажется вполне надежным свидетелем...

Отдел внутренней политики

— Рудольф Германович, для начала хоть немного просветите, что вообще представляют собой архивы КПСС? Из чего состоят? Не только простые граждане мучаются догадками, миллионы коммунистов — точно так же...

— Хотите цифру? Около 70 миллионов архивных дел — это примерный масштаб архивов партии. Можете сделать вывод, какая предстоит работа. Центральный аппарат состоит как бы из трех структур. Если выстроить их по степени значимости с точки зрения самой партии, я бы сказал так: наименьшую ценность представлял Центральный партийный архив, впрочем, бесконечно интересный для нас и истории. Труды Ленина и Маркса, архив Коминтерна и другие фонды. Вторая структура, гораздо более ценная для КПСС,— это архивы ее ЦК. То, что хранилось непосредственно здесь, в комплексе зданий на Старой площади. По нашим подсчетам, это около 28 с половиной миллионов дел. Я был крайне удивлен, обнаружив здесь 148 совершенно разных архивов, каждый с собственным аппаратом и начальником.

— То есть они не связаны в единый комплекс?

— Наоборот, абсолютно децентрализованы. Никаких горизонтальных связей. Пользоваться можно было только строго по вертикальному принципу.

— Типичный прием конспирации?

— Да, я уверен, это сделано специально: рассредоточить информацию, блокировать связи даже внутри самого архивного ведомства. Но как бы то ни было, эти два комплекса — Центральный архив и архив ЦК — находятся в нашем распоряжении.

— А третий? Это то, что называют президентским архивом?

— Еще его называют сталинским, горбачевским архивом. В общем, 6-й сектор архива общего отдела ЦК, который ушел в аппарат президента.

— Вы думаете, что, с точки зрения партверхушки, он представлял наибольшую ценность?

— Скорее, особую политическую опасность. Этот архив был удален отсюда примерно за год до путча. Судя по оставшимся документам, можно догадываться, что это обеспечивало аппарату некую защищенность. Материалов Политбюро здесь осталось сравнительно немного. В основном последние. Остальные, вероятно, там.

— Вы надеетесь получить к ним доступ?

— Переговоры идут. Как ни странно, они велись еще и аппаратом ЦК. Видно, профессионалам даже здесь была ясна нелепость такой разорванности фондов. Но не удалось. В октябре, я знаю, Ельцин направил письмо Горбачеву, в котором ставился вопрос о возвращении архивов. Решать придется. Так же, как и с архивами КГБ. Пока, естественно, идут споры. КГБ намерен отдать лишь то, что хочет отдать. Мы считаем, что должны получить все. Создана парламентская комиссия во главе с Д. А. Волкогоновым, я — его заместитель. Думаю, в течение этого месяца проблему решим.

— А пока вернемся к тому, что имеете. Здесь, на Старой площади, у каждого отдела был свой архив или действовали другие принципы?

— Знаете, здесь все настолько своеобразно, что трудно выявить закономерности. У каждого отдела ЦК действительно свой архив, иногда не один. Но есть и нечто совершенно уникальное. Например, архив руководящих кадров — около миллиона дел на всю номенклатуру. На каждого работника ▶

заведена карточка, заведено дело, которое тщательным образом сформировано и «хранится вечно». Кстати, сам вопрос о номенклатуре считался очень важным. Постоянно список пересматривался — какие уровни включить, какие исключить — строгий регламент.

— Клондайк для историков и журналистов?

— Да как вам сказать, у американцев доступ к личной информации разрешен только с ведома и согласия самой личности, а норма секретности — 75 лет — совершенно «убийственная» для нас с вами. Но таков закон. У нас пока правовой механизм отсутствует. Сейчас подготовлен проект закона об архивах и архивном деле. Ждем, когда будет принят.

— Если есть досье на соратников по номенклатуре, должны быть и на противников. Как насчет лидеров-демократов, к примеру?

— Да, попадались мне в руки и такие папочки... Знаете, просто поражен был предусмотрительностью здешних хозяев. Человек еще, кажется, рта не раскрыл, а на него уже дело заводится, по самым немыслимым источникам информацию собирают: когда развелся, как с женой жил и т. д. и т. п. А дальше дело шло вкруговую, по руководству, дабы заранее готовились, как человека нейтрализовать. Полагаю, вы не думаете, что назову фамилии?.. Известные фамилии.

— Одно время была довольно распространена версия об особой тайной партийной полиции — сусловской, помните? Что-нибудь выяснили?

— Да Бог его знает! Ни подтвердить не могу, ни опровергнуть. Судя по тем досье, которые видел, не понимаю, зачем еще полиция при таком аппарате и таком КГБ.

— Я, когда шла сюда, все думала: ну, каких еще сенсаций ждем? Вроде все и так знали. Если не знали — догадывались. Чем нас сегодня удивишь? Для вас тоже особых открытий не было?

— Пожалуй, все-таки были. Меня, честно говоря, потряс размах партийной коммерции. Все рассуждения об идеологии, о нравственности — все мура, понимаете? К концу 80-х партию по-настоящему волновала только собственная коммерческая деятельность. После знакомства с документами стало понятно, почему аппарат не особенно бился за политическую власть, оставив ее идиотам из ГКЧП. Продуманно и хладнокровно они отошли на заранее подготовленные экономические позиции. Произошло то, что должно было произойти: миллионы коммунистов, о единстве с которыми вопили на каждом шагу, остались сами по себе, а небольшая группа просто сделала шаг в сторону.

— В последние год-два действительно было ощущение какой-то легкой самоустраненности партийной верхушки. Или это тоже обман зрения?

— Нет, работа, конечно, шла. Они могли себе позволить очень серьезно заниматься формированием РКП, к примеру. Остались любопытные документы. Парламентская комиссия работает, предъявят факты.

— И все-таки многое удалось уничтожить сразу после путча?

— Очень многое, невероятное количество. В тот момент, когда мы сюда зашли, в первый же день все было забито остатками уничтоженных документов. И потом, когда бывшим сотрудникам ЦК разрешали прийти за личными вещами, вскрывали для них опечатанные комнаты, они тут же, на глазах рвали документы. Что поделаешь? Но бумага — вещь загадочная. Каждый документ ведь имел несколько копий. Найдем. Те огромные кипы текущих документов, что мы буквально подбирали в первые дни, около 300 тысяч, их ведь вообще еще не систематизировали. Все пока на ощупь.

— А как вам, с профессиональной точки зрения, здешнее хозяйство? Побогаче, чем у других, пограмотней?

— Первое — безусловно. Мы о таком материальном обеспечении только мечтать могли. Что касается второго... Знаете, здесь, конечно, и профессионалы работали — заработки побольше, пайки всякие... Но было много людей из той же номенклатуры. Тут как-то один из директоров архива, называя страшную цифру уничтоженных им документов, все доказывал нам: ну, и правильно сделали, там же ерунда всякая была, подготовительные материалы. Основной-то документ сохранили. И невдомек этому профессионалу, что в архивном деле подготовительные материалы представляют наибольшую ценность. Типичный подход соваппаратчика: есть бумага с подписью начальства — и порядок.

— А может, он вовсе не так наивен? Я знаю, вы многих бывших сотрудников этих архивов принимаете вновь на работу. Не боитесь?

— Чего? Вредительства, что ли?.. Во-первых, есть профессиональная этика, во-вторых, у нас много и новых для этих стен сотрудников. Но главное, архивы, видите ли, не любят резкой смены кадров. Уйдут специалисты, знающие, где что стоит, и потребуются еще годы на поиски.

— И сколько лет уйдет на изучение архива?

— Одна моя приятельница из Кембриджа считает, что лет 50 хватит.

— Спасибо, не 74. А как вы думаете, когда удастся открыть широкий доступ к «святая святых»?

— Для этого придется решить две крупные проблемы. Нужна, повторяю, правовая основа и материальная база — читальный зал, научно-справочный аппарат. Ничего же нет. Сейчас ни один исследователь здесь не работает. Только парламентская комиссия, которая практически тоже вынуждена работать методом «тыка». Но к Новому году рассчитываем открыть доступ.

— Однако, как я поняла, не ко всему?

— Естественно. Во всех архивах мира некоторые фонды остаются закрытыми. Те, в которых затрагиваются вопросы национальной безопасности. Здесь ведь чего только нет! Разработка любого вида оружия проходила через эти стены, и космос здесь, и всевозможные мобилизационные планы... Руководящая роль, она, видите ли, обязывала.

— Ну хорошо, а на вечные вопросы родной истории мы все-таки найдем ответы? Скажем, убийство Кирова...

— А что вы хотите найти? Подпись Иосифа Сталина под указанием Генриху Ягоде организовать теракт? Такого документа нет и не было. Что можно найти? Пожалуй, лишь материалы расследования, проведенного в начале 60-х годов. Еще аргументы, еще информация. Как ни печально, даже у архивов нет готовых ответов. Найдем огромное количество новых вопросов, новых сведений и фактов, но осмысливать придется самим.

— Суд над КПСС?

— Возможно. Суд не над миллионами коммунистов, а над организацией, которая повела их за собой, провозглашая одно, а занимаясь совершенно другим...

Тоскливое серое здание, мокрый подъезд. Отвернуться бы от убогих твоих тайн, сделавших убогой нашу жизнь, зачеркнуть бы, забыть. Начать все сначала. Да заберите с собой ваши «совершенно секретно», избавьте от груза разоблачений... Но куда деться от собственной истории, на кого скинуть свою судьбу? И придется «хранить вечно», придется копать до конца. Иначе кому-нибудь из подполья опять очень захочется повести нас в светлое будущее.

Беседу вела Ирина ЖУРАВСКАЯ

ПРОШУ СЛОВА!

ОПЕРАЦИЯ «ГАЗОН»

Я долго молчал, скорее всего унес бы с собой в могилу тайну этой операции, но последствия катастрофы на Чернобыльской АЭС подтолкнули меня обнародовать ее.

В 1968 г. я служил на Краснознаменном Черноморском флоте в должности командира группы водолазов экспериментальной подводной лодки. 6 сентября меня вызвали в штаб флота. Там я получил приказ убыть в г. Балаково для выполнения правительственного задания особой важности.

7 сентября прибыл на корабль, и мы снялись для перехода по плану. На борту было восемь водолазов, которыми командовал старшина С. К. Паламарчук, впоследствии награжденный орденом за разминирование вьетнамских портов. Водолазный состав имел серьезный опыт по поиску и обезвреживанию боезапаса, ориентировался в кромешной темноте и мог найти иголку в стоге сена на любой глубине.

В шлюзах канала мы встречались с гражданскими судами типа «река — море». Матросы нас спрашивали: не идем ли мы на поиски атомной бомбы, которая упала в марте в Саратовское водохранилище? Этот факт они узнали из «голосов».

Мы прибыли одновременно с другим кораблем, на борту которого было девять высококвалифицированных водолазов во главе с мичманом А. В. Никулиным.

Я представился командиру отряда кораблей капитану III ранга Е. Герасимову и получил приказ на поиски космического объекта. Командир, как и его предшественники, не сообщил, что собой представляет этот объект. Представитель ВВС Приволжского военного округа подполковник И. Капустян ответил мне: ищите, что ни попадется, докладывайте, а мы разберемся.

17 сентября приступили к поиску объекта, не имея ни малейшего представления о нем. От местных жителей я узнал, что в марте над Балаковом спускался с парашютом шар, который сопровождал вертолет. Поднявшийся ветер отнес шар в Саратовское водохранилище. Когда шар (будем его называть спутник) приводнился, от него отделился буй с фалом. Фал длиной метров 50 окружностью 11 мм (это уже по рассказу И. Капустяна). Вертолет дал команду проходящему судну-сухогрузу поднять буй на борт. Судно застопорило ход, не отдав якоря. Моряки прочитали на буе надпись: «Радиоактивно! Руками не трогать!» Тогда они завернули восьмеркой фал на кнехты, а судно без якоря дрейфовало по течению. В результате фал лопнул, волна захлестнула шахту, где лежал парашют общей площадью 500 кв. метров, и спутник затонул.

Об этом было доложено министру обороны маршалу А. А. Гречко, который приказал: "Найти и достать». Найти и достать поручили флоту. Было приказано выслать два тральщика и затралить спутник. Тральщики протралили все водохранилище, но безуспешно. И только после постигшей неудачи было принято решение привлечь водолазов. А с этого надо было начинать. План работ был утвержден командующим ПриВО генерал-лейтенантом авиации К. Цедриком.

Что представляет собой дно Саратовского водохранилища? Судоходный фарватер в основном чист, грунт — твердая глина. Под водой деревья (лес), лозовый кустарник, разрушенные строения, колодцы и т. д. Глубина — от 7 до 32 метров, течение 3—4 км в час. Ширина водохранилища — 4 км в районе падения спутника. Видимость под водой нулевая. Стоит ли говорить, как тяжело было работать.

Обследовали площадь по квадратам. Но, повторяю, мы не знали, что ищем. И вот мной был найден металлический предмет, что-то вроде затонувшего буя. На быстроходном тральщике к нам прибыло авиационное начальство: генерал Цедрик, 11 полковников и один гражданский товарищ. Потом я узнал, что гражданский был секретарем ЦК КПСС по космическим исследованиям. Докладывал я гражданскому. Оказалось, объект не тот. Осмелев, я заявил, что нужна конкретная информация, иначе мы объект можем не найти. Человек в гражданском разрешил генералу Цедрику нас проинформировать. Рисунок я храню до сих пор. Мы полагали, что ищем металлический объект, но оказалось, что спутник покрыт керамической плиткой. На нем установлен ликвидатор с зарядом взрывчатки 350 кг. Если на буе была надпись «Радиоактивно», то и весь спутник должен излучать радиацию. Я предложил использовать средства радиационного контроля. Предложение не было принято. Гражданский товарищ подчеркнул особую важность задания и обещал высокие награды в случае успеха. Не думаю, что он бросал слова на ветер.

Работая до 31 октября, на дне мы находили все что угодно, кроме спутника. Это единственная неудача в моей долгой водолазной практике. Я доставал артснаряды, мины, торпеды, самолеты, и вдруг осечка. Тщательно проанализировав неудачу, пришел к выводу, что скорее всего сухогруз, дав ход, когда лопнул фал, зацепил пером руля парашют и отбуксировал спутник вверх по течению. Затем парашют где-то оборвался. Перо руля мы нашли. Но, возможно, тральщики затянули парашют в колодец и завалили. Однако это маловероятно, ведь его площадь полтысячи метров.

Мне известно, что поиски спутника не возобновлялись за эти 25 лет. Если случится беда, то и спросить будет не с кого из-за дальности ушедшего времени. Менялись правительства и генсеки, военные министры действовали по принципу: после меня — хоть потоп.

Долго замалчивали ядерный взрыв в Кыштыме в 1957 г. Замалчиваются последствия взрыва на корабле в приморском порту Шкотово. Не надо бояться посеять панику. Лучше, считаю, знать правду, чем жить в страхе. Живы участники операции, у меня сохранились карты. Конечно, рассказывая об этом, я рискую быть привлеченным к суду за разглашение тайны операции «Газон», но молчать не могу.

Что сейчас делать? Начать новые поиски? Не знаю. Может быть, будет достаточно убедительного квалифицированного ответа специалистов для доказательства, что на дне Саратовского водохранилища не таится взрывное устройство.

В. НИКИТЕНКО,
бывший старший водолазный специалист группы поиска
Керчь

КОМПЬЮТЕР — МОГИЛЬЩИК КОММУНИЗМА

УЧЕНЫЕ ВСЕХ СТРАН, ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ!

Я не сторонник самобытного пути России. Строго говоря, любой путь во вселенной самобытен. Другое дело, что есть традиции и не надо от них отказываться. Мы ведь даже коньяк пьем залпом. Умри, а не научишь нас тянуть пятидесятиграммовую рюмку дольше трех секунд. Поскольку разговор о традициях может затянуться надолго, я остановлюсь только на одной. «Они» — все те, кто не живет на одной шестой части земной суши, в свободное время ведут беседы на коктейлях, парти, приемах, а чаще всего в барах и кафе. Мы вот уже семьдесят с лишним лет, с той зимы, когда в Петрограде не стало хлеба и дров, беседы ведем на кухнях. Вот и я с моим хорошим знакомым, Степаном Александровичем Пачиковым, директором совместного советско-французского предприятия «Параграф», разместился на кухне. Так что простите за обращение на «ты», которое в интервью не принято.

— Когда мы познакомились, ты, показав на персональный компьютер, сказал: «Эта штука погубит коммунизм». Неужели должность могильщика от пролетариата перешла к электронной машине?

— Есть очевидная истина: тоталитарный режим нуждается для своего существования в контроле над средствами массовой информации и в контроле над армией. Сорок лет назад, чтобы обманывать людей, достаточно было контролировать газеты, радио, телевидение, проводить идеологические совещания. Для того чтобы контролировать армию, мало держать в подчинении миллионы вооруженных людей, нужно следить и за производством вооружений. 40 лет назад легко было проверять этих яйцеголовых: инженеров, математиков. Ты обещал, что граната пролетит километр, а она летит только на 250 метров. Поэтому в каком-то смысле военным хватало образования, чтобы контролировать ученых. Ситуация изменилась радикально в последние двадцать пять лет. Основным вооружением стали ракеты, истребители, авианосцы, напичканные электроникой. Электроника — это в первую очередь программы, которые управляют системами. Программы — это сотни тысяч команд. Не то чтобы какой-нибудь генерал или военспец-программист не в состоянии разобраться в чужой программе. Но если человек от самого начала до самого конца не контролирует процесс производства программы, он не в состоянии узнать все ее детали.

Человек, который изобрел компьютерные вирусы, внес свою крупную лепту в остановку коммунизма на Земле. Если я сделал программу, никто и никогда не сможет узнать, есть в ней вирус или нет.

— Следовательно, ученые могут тайно объединиться против военных?

— Я думаю, уже объединились. Ни западные, ни советские генералы не имеют гарантий, что программы, управляющие вооружением, идеальны. И самое главное — это нельзя проверить. Нельзя запустить ракету и посмотреть: правильно она летит или нет? Потому что подпрограмма срабатывает только при боевом запуске, только тогда, когда набраны координаты, предположим, Нью-Йорка, а не точки в океане.

Перестройка как крах прежней системы началась четверть века назад. В семьдесят первом году, если точно. В том году фирма «Интел» создала первый микропроцессор «4004», и началась микропроцессорная революция в мире. Компьютерное оборудование стало проникать во все поры цивилизации: от кофемолки до автомобиля... Телефаксы, лазерные принтеры, персональные компьютеры. Уже пятнадцать лет назад программисты печатали «Архипелаг ГУЛАГ», Ахматову, Мандельштама, используя старые большие компьютеры. Но компьютеров тогда в стране было считанные единицы. Сейчас в Советском Союзе около миллиона персональных компьютеров. Что произошло: контролировать вооружение невозможно, контролировать информацию невозможно. У каждого человека при желании может появиться на столе издательство.

Контроль над информацией в стране можно было бы сохранить. Но для этого нужно было бы остановить научно-технический прогресс, отказаться от компьютеров и превратиться, ну, скажем, в Албанию пятилетней давности. Но технический прогресс, к счастью, хорош тем, что от него зависит и армия.

ЗАЧЕМ НАМ НУЖЕН РЫНОК?

— Что же в итоге? Миром управляют микропроцессоры, они сделали свой октябрьский переворот, а люди теперь только подстраиваются под их решения?

— Так сказать — все равно что сказать: миром управляет телевидение. Другое дело, что и то, и другое есть факторы, сильно влияющие на цивилизацию.

Что же касается микропроцессоров, то, я думаю, их роль в истории цивилизации вряд ли больше, чем изобретение электричества или телефона.

Мне не нравится фраза: «Микропроцессоры управляют миром». Миром на самом деле в некотором смысле никто не управляет. Есть такое понятие — «система». Система, если под ней подразумевается государство, может быть хорошо отрегулирована, и тогда различные ее элементы — правительство, биржа, директора заводов, рабочие, профессора — находятся в определенном взаимодействии. Так вот, эта структура взаимодействия и управляет государством, как одна большая вычислительная среда, как большая ЭВМ... Система может оказаться разрегулированной...

— И тогда для ее восстановления необходим рынок?

— Одна из самых больших проблем в нашей стране заключается в том, что никто не хочет объяснить людям: зачем нам нужен рынок? Зато везде только о нем и говорят. Рынок нам действительно очень нужен. Но никто не объясняет почему, если завтра большой завод по производству холодильников распродаст тысячам владельцев свои акции, холодильников будет больше?

Мне все время хочется это объяснить. Вопрос не в том, сколько хозяев будет у КАМАЗа. Есть сфера производства, и есть труд, необходимо распорядиться: кто, где должен делать определенный продукт, например, тот же холодильник. Это основная задача управления. Когда Госплан занимался такими расчетами, он сталкивался с сотней тысяч производств, миллионами видов товаров, тремястами миллионами людей. Каждому из миллионов надо расписать, что он должен делать! Средние расчеты показывают, что Госплану требуется 20 лет, чтобы распределить труд по сферам производств на год (при условии, что там сидят умные люди и пекутся о благе дела). ЭВМ, которая могла бы рассчитать такую страну, как Советский Союз, не существует. Никакие персональные компьютеры, вместе соединенные, не в состоянии в приемлемые сроки посчитать, сколько нужно произвести сигарет, печенья, при этом распределить по регионам, чтобы везде все было и не затоваривалось. Главное достоинство рынка не в том, что ты хозяин земли, хозяин завода. Это только один, и вообще-то говоря, второстепенный аспект рыночного механизма. На заводах «Форда» ни один рабочий на себя не работает, и директора не являются владельцами, и даже президент фирмы не собственник конвейера. Везде наемные служащие, но работают хорошо. Довод, что приватизация заставит людей лучше работать, довод второстепенный.

Главная задача приватизации — сделать так, чтобы капитал начал свободно двигаться. Чтобы, купив акции КАМАЗа, ты первым делом имел бы право их продать, если в этот завод не веришь. Продать на бирже по той цене, по которой у тебя их купят, и купить, допустим, акции завода телевизоров. Что происходит? Люди деньгами голосуют за то, что нужно. Процессы купли-продажи недвижимости, земли, акций, заводов — это и есть механизм вычисления того, что сейчас нужно, а что нет.

— И все входит в естественный процесс регулирования, то, что ты назвал отлаженной Системой. Похоже на природу, которая при нормальной экологии сама за собой строго следит. Но как посчитать распределение труда в государстве, если все приватизировано?

— Считает механизм биржи. Двести, триста, пятьсот ее маклеров, у каждого из которых в голове ЭВМ весом в два килограмма, непрерывно стремятся материализовать собственную прибыль, думая только о себе. Но эти сотни эгоистов, спаянные общими правилами игры, образуют уникальную вычислительную систему, выдающую в экономику управляющие импульсы.

Я боюсь, что приватизации не получится по одной причине. Если не разрешат продавать собственность, землю, акции. Такое решение убивает основную функцию рыночного механизма. Она заключается не в том, что ты хозяин, а в том, что ты можешь от своей собственности немедленно избавиться.

— Но, как любит повторять Президент, рыночная экономика есть в большинстве стран, но нормально работает не более чем в двух десятках...

— Я не хочу никого обманывать: если завтра у нас будет отлаженный рыночный механизм, то мы с завтрашнего дня начнем хорошо жить. Механизм управления — это еще не колбаса в магазине. И проблема не в отсутствии сырья, оно у нас есть, проблема в другом: средний уровень квалификации населения чрезвычайно низкий.

— И это ты говоришь о стране, которая гордится своим всеобщим образованием...

— Это миф. У нас много мифов. И то, что у нас высокий интеллектуальный потенциал, и то, что у нас лучшие в мире программисты. Это такой же миф, что в КГБ все про всех знали.

Все боятся безработицы. Но в стране нет шоссейных дорог, нет домов, нет холодильников, нет еды. Сколько всего нужно сделать? Чтобы построить одни только дороги, всех людей занять можно. Но безработица будет. К сожалению, цивилизация устроена так, что одну и ту же работу можно сделать двумя способами. Либо сотней квалифицированных людей, либо ста тысячами неумеющих.

Отсутствие квалификации и будет, на мой взгляд, основным препятствием быстрого расцвета. И если просить кредитов, то надо большую часть этих денег вкладывать в образование людей. Самый большой дефицит в стране — это дефицит квалифицированных людей...

— Итак, нужен не рынок, а рыночный механизм управления экономикой.

— Крик на бирже: «Продано» — это сигнал в экономику. И каждый из брокеров, отказавшийся купить акцию, тоже выпускает управляющие команды, и экономика начинает двигаться, капитал перетекает из КАМАЗа, предположим, в электронную промышленность.

Вот у тебя скоро будет, положим, десять тысяч рублей — стартовая цена приватизации. Можешь вложить в сельское хозяйство, можешь — в самолетостроение. Ты увидишь, что к концу года эти десять тысяч в сельском хозяйстве принесут тебе столько же и еще десять на следующий, а в самолетостроении ты их просто потеряешь. Скорее всего никто не вложит деньги в советскую конверсию, в МИГ-31. Я уверен, большинство предпочтет производство кастрюль, утюгов.

Меня за границей больше всего поражало, что в магазине стол, стул стоит столько, сколько стоит цветной телевизор, видеомагнитофон. Я понимаю, мы не можем сделать малюсенький компьютер на 496-м процессоре, но красивое кресло, наверно, можно освоить, если цена за него 400 долларов. И что же тогда нам мешает завалить ими Запад? Почему мы не экспортируем на Запад то, что у них ценится?

И я сформулировал экономический закон: в условиях развитой индустриальной экономики в массовом производстве цена товара пропорциональна его весу. Можно найти исключение, но оно лишь подтверждает правило. Что дороже — диктофон, в который я сейчас говорю, или диван? Хороший диван — долларов восемьсот, магнитофончик, самый хороший,— двести. Я объясню, почему это так. Из чего состоит стоимость часов или видеомагнитофона? Из материала, труда и некоего интеллектуального вклада. Микропроцессор — вещь чрезвычайно сложная, в нем сотни тысяч транзисторов, но когда они идут с конвейера сотнями миллионов, то вся инженерная

часть, вся интеллектуальная сторона раскладывается на эти сотни миллионов и уходит почти в ноль. Главное, что остается,— расход материала. Почему Советский Союз не может вывозить на Запад тяжелый, следовательно, дорогой товар? По одной простой причине. Наладить производство диванов можно, но возить их слишком дорого. Сто тысяч микросхем я могу уложить в одном кейсе. Сто тысяч диванов требуют десятка пароходов.

— Поскольку речь зашла о развитом индустриальном обществе, я не могу не вспомнить, что в свое время на этой кухне родилась и такая теория: капитализм и социализм — величины несопоставимые, так как капитализм — экономическая формация, социализм — нравственная.

— Точнее говоря, нельзя рассматривать социализм как альтернативу капитализму. Капитализм — это форма хозяйствования, форма управления экономикой; социализм — это форма организации общественной жизни. На самом деле что такое социализм? Лет 200—250 назад появилась идея справедливого общества, идея, развиваемая социалистами-утопистами как мечта человечества о справедливой организации жизни. Я думаю, западные демократии, западный способ организации жизни и является на самом деле не полной, но реализацией этой идеи. Мы же произвели подмену понятий. Мы стали называть социализмом нечто другое.

— То есть у нас государственный капитализм?

— Нет, так как в капитализме заложен механизм реализации рыночного способа экономики. Когда капиталы не двигаются, капитализма нет.

Лет двадцать назад я написал статью без каких-либо шансов на публикацию. Я пытался в ней сформулировать вот что: нельзя говорить, что лучше — планирование или рыночный механизм. Я себя не опровергаю. Годится и та, и другая системы, но только по отношению к определенному размеру экономической ячейки. Когда речь идет о заводе, то внутри него никакого рыночного механизма не существует, там жесткое централизованное планирование. Не могут же рабочие, торгуя между собой деталями, определять тем самым, сколько сегодня произвести поршней, свечей? Если размер экономической ячейки маленький, то посчитать напрямую дешевле, выгоднее, чем отдать это рыночному механизму. Но цивилизация развивается, развивается и наука, все большие и большие ячейки она может просчитывать. И все большие и большие объемы на Западе управляются централизованным образом, то, что кажется нашим правым идеологам, смирившимся с рынком, управляемым рынком.

Но рыночная экономика — это не только движение капиталов. Даже если наука и позволила бы сейчас рассчитать любую отрасль напрямую лучше, чем это делает рыночный механизм, разумное правительство этого бы не позволило. Антитрестовское, антимонопольное законодательство существует еще и для того, чтобы такая, например, важнейшая часть государства, как связь, не контролировалась одним предприятием. Поэтому общество и настаивает на конкуренции. Закон о приватизации, который принял Верховный Совет СССР, работать не будет, он плохой. Готовящийся российский Закон предполагает приватизацию земли без права продажи. Но если землю нельзя продать, как экономика узнает ее истинную стоимость? А не узнав стоимость земли, как узнать цену хлеба?

— Есть проблема: если сейчас разрешить всем скупать и продавать землю, то кто-то всю землю и скупит...

— Положим, нельзя допускать, чтобы некоторые люди сразу стали богатыми. Но если вы не хотите, чтобы «теневой» капитал скупил землю, то и придумайте механизм, который бы препятствовал этому, но не убивайте механизм управления экономикой. Примите закон, чтобы человек, бывший пять лет секретарем обкома, не смог купить больше ста гектаров земли.

Хотя, откровенно говоря, я бы по этому поводу не стал сильно переживать. Экономика гораздо меньше пострадает от того, что сын какого-то партийного начальника станет наследником огромной фазенды, чем от лишения механизма саморегулирования.

ТОЛЬКО НЕ МЕШАЙТЕ!

— Обычные московские условия, кооперативная квартира, двое детей, подержанные «Жигули»... Что тебя задерживает здесь, когда люди твоей профессии вполне обеспечены работой, а следовательно, и заработком на Западе?

— Последний раз мне предложили пост президента компьютерной фирмы с окладом в 200 тысяч долларов в год. Так почему я не уезжаю? Мне самому этот вопрос интересен.

Но еще больше меня интересует, почему многие сотрудники «Параграфа», выдающиеся программисты, люди, которые без труда нашли бы себе работу в Калифорнии, Антон Чижов, Александр Пашенцев, Андрей Скалдин, Сергей Осокин, впрочем, я не собираюсь заполнять интервью нашим штатным расписанием,— почему они не уезжают?

Я думаю, что нас объединяет в «Параграфе» жажда успеха. Мы сможем стать серьезной, знаменитой фирмой. Не «одной из...», а просто «номер один». Ощущение успеха, спортивный азарт, присущие не только спортсменам, но и ученым, и бизнесменам. С самого начала мы решили заниматься только программами, а не продажей компьютеров, марганцевой руды, пиццы или еще чего-нибудь. Надо мной смеялись. Мои друзья из других СП говорили: «Мы смотрим на вас со смесью жалости и восхищения». Жалость объяснялась тем, что в этой стране заработать деньги ничем, кроме как куплей-продажей, невозможно. И мы существовали не то чтобы бедно, но деньги считали. Никогда на счете не было больше миллиона, никогда не было сумасшедших зарплат, иномарки нет ни одной, рэкет не посещал и не посетит, потому что у нас нечего взять.

Кстати, к разговору о СП.

Почти все СП собраны не по принципу слияния двух технологий, а по тому, что у СП благоприятные условия: меньше налоги, лучший выход на мировой рынок. Поэтому многие ищут партнеров, и я их искал. Все это похоже на фиктивный брак для прописки. Если все будет хорошо, то есть будут приниматься разумные решения, то такое неестественное образование, как СП, должно исчезнуть.

Мне кажется, самое плохое, что сейчас сможет сделать российское правительство в своем желании привлечь иностранный капитал,— забыть о том, что есть и свои, отечественные предприниматели.

Если завтра условия для иностранного капиталиста будут лучше моих, что я сделаю? Я зарегистрирую фирму на Западе, вложу там деньги и буду выступать у себя на родине как иностранный капиталист. Нельзя меня насильно заставить быть советским предпринимателем.

Первый нехороший признак — налоги для фирм, где сто процентов принадлежит иностранному капиталу, установлены в размере 25 процентов, то есть меньше, чем для СП, меньше, чем налоги для советских предприятий. Если так хочется сделать льготы иностранному капиталу, пожалуйста. Разреши легко привозить в СССР капитал, дай гарантию, что деньги можно вернуть обратно, что можно вывезти прибыль. Дай те же самые права на покупку земли, недвижимости. Но не ставь западного предпринимателя в лучшее положение, чем меня!

Самое страшное, что происходит с советской экономикой,— это то, что государственная власть всячески демонстрирует в своей стране неуважение к собственным деньгам. Меня пугают высказывания мэра Москвы, который все время что-то сдает или продает за валюту, это недопустимо. В стране не должно быть никакой другой валюты, кроме рубля. Если мы хотим собственную экономику выручать, то это первое, что мы должны сделать.

— Чем конкретно занимается твоя фирма?

— Мы поставили перед собой сложную задачу: решили создать программу чтения рукописного текста. То есть компьютер должен распознавать рукописный текст и переводить его в печатный. Если быть честным, то три года назад никто из нас не понимал до конца, что из этого может выйти и что на этом можно будет заработать много денег. Интуиция не подвела, но прежде всего нам хотелось сделать что-нибудь красивое и нетривиальное.

Приехав год назад на Запад на нашу первую выставку и сразу на самую крупную в США — «Комдекс» (компьютерная выставка, ориентированная на дилеров) — и показав нашу программу чтения рукописи, мы произвели фурор. Выяснилось, что они там тайком друг от друга давно этим занимаются, что почти вся западная промышленность постепенно переориентируется на новый тип компьютеров, в которые вводится информация с пера. Они уходят от клавиатуры обратно к ручке.

— Зачем от клавиатуры, то есть от привычной пишущей машинки, переходить опять к перу?

— Когда человек сидит над рукописью, ручка для него — механизм думанья. «Мышь» мешает человеку, она заставляет его думать по-другому: «помышиному». Поэтому все самые крупные фирмы мира: ИБМ, «ЭППЛ», «Атари», «Майкрософт» — все создавали «пен бейзд» — ориентированный на перо компьютер и ориентированные на перо информационные системы. Через три, через пять лет ты увидишь, как полицейские, продавщицы на маленькие компьютеры «от руки» будут записывать на небольшой «таблетке», покрытой специальным экраном, имена, номера машины, штрафы.

Все готово. Нет только программы, которая могла бы понимать слитный рукописный текст. И вдруг какая-то фирма из Москвы, какой-то «Параграф», умеет это делать.

Произошел некоторый бум. Си-эн-эн, статьи, интервью. Многие у нас хотят эту технологию лицензировать*. Мы создали для этого в США специальную фирму.

Кроме того, мы занимаемся массой других интересных вещей. Мы делаем программу, которая идентифицирует подпись человека. Ты ручкой расписался, а программа проверяет не только форму росписи, но и скорость, с которой ты это делаешь. Подпись сфальсифицировать можно, но сфальсифицировать скорость перехода верхней закорючки к нижней, от буквы «е» к букве «а» почти невозможно. У человека эта скорость совершенно индивидуальная. Мы делаем программы распознавания голоса, программы, которые, получая сообщения по факсу, не только переводят их в текстовые файлы, но и определяют, кому факс адресован.

— Может, вернемся к вопросу...

— Да, почему я не уезжаю. Это такое счастье, когда у тебя все получается. Когда получается работа, когда есть команда. Когда к тебе приходят журналисты. Корреспондентка «Интерфакса» мне сказала: «Когда я прихожу в «Параграф», у меня такое ощущение, будто я пересекаю государственную границу».

У меня здесь дело, которое мне очень нравится. Если взять весь «Параграф» и перенести его в Испанию, это уже будет другой «Параграф», испанский. Разговоры за столом будут совсем другие. Ребята будут ходить в испанские магазины, встречаться с испанскими женщинами.

Если бы богатство было целью моей жизни, то разбогатеть можно было бы и здесь, и давно. Для меня важнее то, что определяется словом «самореализация». И потом, я люблю эту страну. Не чиновников, не гнилые дороги и помидоры, не пьяных на улице, а место, к которому я привязан. Я здесь родился. Я ощущаю, что от моего дела страна станет лучше, ощущаю, что принимаю участие в историческом процессе.

Иногда мысли об отъезде меня посещают. Но есть только одна причина, которая может заставить меня уехать: страх за жизнь детей и жены. Когда пугают ростом преступности, когда твердят, что девочке одной нельзя гулять на улице, а после шести не стоит выходить и с мамой. Я не могу дать гарантию, что никогда не уеду. Я могу только сказать, что сейчас мне уезжать не хочется. Что будет через пять лет, не знаю.

— А что в ближайшие два, три?

— Я считаю, что нижняя точка кризиса пройдена. Был момент, когда все балансировало на грани обвала. Сейчас ситуация совсем другая. И то, что Запад занял правильную, жесткую позицию по отношению к нам, работает на улучшение ситуации. Подпортить ее может только продовольственная проблема.

Как только запустят рыночный механизм, можно будет купить землю, сюда хлынут не только капитал, но и люди, готовые заняться сельским хозяйством. Было бы очень плохо, если бы наши законы запрещали иностранцам покупать землю. Через два года начнет образовываться, по любимому выражению Горбачева, «единое экономическое пространство». В России будут фирмы «Сони» и «Мицубиси», «Дженерал моторс» и «КАМАЗ». И никто не будет паниковать, что вчера Форд купил Колонный зал Дома союзов. Ведь Колонный зал останется здесь, в Москве. Ну, примут закон, запрещается вывозить Колонный зал с территории Охотного ряда.

Все, коммунизм кончился. Этот вопрос решен. Две вещи, два верстовых столба, как говорят американцы, «майл стоунз». Это разрушение Берлинской стены. Это переименование Ленинграда в Санкт-Петербург**.

Мой оптимизм оформился окончательно, когда я увидел, сколько бирж появилось в стране.

Сейчас все призывают спасать индустрию информатики. В докладе «Стратегия выживания или стратегия успеха» я поставил вопрос, о какой индустрии идет речь, ведь их на самом деле две? Одна — государственная, сращенная с военно-промышленным комплексом. Огромные институты, миллиардные затраты. И есть другая индустрия — фирмы «Параграф», программное обеспечение, персональные компьютеры — другая совершенно лексика. Эту индустрию не надо спасать. Ей нужно только не мешать.

Интервью взял
Виталий МЕЛИК-КАРАМОВ

* Когда материал готовился к печати, мы получили сообщение о том, что один из крупнейших в мире производителей компьютеров — американская фирма «ЭППЛ» заключила лицензионное соглашение с СП «Параграф» на использование в компьютерах фирмы «ЭППЛ» программы распознавания рукописного текста. Эта программа позволяет в любого типа настольных, переносных, ручных компьютерах использовать перо вместо клавиатуры.

** Когда записывались эти слова, до 19 августа оставалось две недели. С утра 19-го бешено заработал факс «Параграфа», передавая указы Ельцина, которые сразу же пошли на распечатку. Большая часть сотрудников отправилась к «Белому дому», а Пачиков «сидел» на телефоне (связь работала отлично!). И всем зарубежным партнерам доказывал, что рвать контракты не надо — эта заваруха на три дня. Блефовал. А потом звонили к нему и спрашивали: «Степан, а от кого вы узнали про три дня?»

ПЕРМАВИА

«ПЕРМАВИА» — АКЦИИ С ВЕРТИКАЛЬНЫМ ВЗЛЕТОМ!

ЗА 3 НЕДЕЛИ ПРОДАЖИ ИХ СТОИМОСТЬ ВОЗРОСЛА В 3 РАЗА!

«ПЕРМАВИА»

– ЭТО ПОЛУВЕКОВОЙ ОПЫТ АВИАСТРОЕНИЯ.
– ЭТО МОЩЬ И ДОСТИЖЕНИЯ ОБОРОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.
– ЭТО РЕЗУЛЬТАТ СОТРУДНИЧЕСТВА КРУПНЕЙШИХ ПРЕДПРИЯТИЙ СТРАНЫ И ФИРМ ЗАПАДА.

САМЫЕ ВЫСОКИЕ ДИВИДЕНДЫ:

1992 год — не менее 25% годовых;
1993 год — не менее 35% годовых;
Нижний предел рентабельности — 70%.

«ПЕРМАВИА» — это не только СПАСЕНИЕ ОТ ИНФЛЯЦИИ, но и — УВЕРЕННОСТЬ В ЗАВТРАШНЕМ ДНЕ. САМЫЕ ДАЛЬНОВИДНЫЕ ПОКУПАЮТ АКЦИИ «ПЕРМАВИА» СЕГОДНЯ!

Продажа по текущей курсовой стоимости (номинальная — 250 рублей).

Подписку ведет специализированная инвестиционная брокерская фирма «Сигма-2».

ЗВОНИТЕ НАМ СЕГОДНЯ: (8-3422) 396-260 (8-3422) 456-741. Телефон в Москве 250-54-32

ЭСКАРТ

Владимир СОРОКИН

ОЧЕРЕДЬ

Владимир Сорокин — один из самых известных на Западе писателей бывшего советского «андерграунда». Бывшего, потому что судьба их после того, как рухнули те самые барьеры, «поверх» которых подпольно и запретно проникали книги «другой прозы», сложилась на удивление поразному. Причем независимо от того, где обосновались на жительство их авторы: здесь или там. Евг. Попов и Вик. Ерофеев стали «правофланговыми» новой литературной эры. Венедикт Ерофеев и Сергей Довлатов дошли к читателю практически лишь после смерти уже в качестве классиков. А многие, например, Сорокин или Мамлеев, пока остались в тени.

Книга «Очередь» — лишь один из многих головокружительных литературных экспериментов Сорокина. Бесконечные диалоги в бесконечной очереди «за чем-то темным», с одной стороны, интересны самой пластикой слова, начисто отрицающего любую литературную игру. С другой — они погружают нас в реальность, которая очень далека от поднадоевших символов сегодняшней политики и культуры и очень близка к нашему общему завтра.

Впервые книга В. Сорокина «Очередь» была издана парижским издательством «Синтаксис» в 1985 году.

Журнал «Искусство кино» обратил на себя внимание примерно три года назад яркими публикациями прозы (среди многих его удач и «Невозвращенец» Кабакова), другими материалами, на первый взгляд вроде бы далекими от чисто «киношных» проблем.

Вот и в будущем году читателя ждет неординарная проза, в том числе и «Очередь» В. Сорокина. А также повесть литовского писателя-эмигранта Антанаса Шкемы «Солнечные дни»; по признанию первых критиков, этот писатель, которого только начинают открывать русские читатели,— один из крупнейших прозаиков XX века. В числе наиболее заметных публикаций журнала — письма 17-летнего графа Иллариона Мусина-Пушкина, датированные 1918—20 гг. «Звездные» сценарии великих кинорежиссеров, статьи русских философов, обсуждение новинок видео- и киноэкрана. Это — чтение для настоящих интеллектуалов.

— Товарищи, кто последний?
— Наверно, я, но за мной еще женщина в синем пальто.
— Значит, я за ней?
— Да. Она щас придет. Становитесь за мной пока.
— А вы будете стоять?
— Да.
— Я на минуту отойти хотел, буквально на минуту...
— Лучше, наверно, ее дождаться. А то подойдут, а мне что объяснить? Подождите. Она сказала, что быстро...
— Ладно. Подожду. Вы давно стоите?
— Да не очень...
— А не знаете, по скольку дают?
— Черт их знает... Даже и не спрашивал. Не знаете, по скольку дают?
— Сегодня не знаю. Я слышала, вчера по два давали.
— По два?
— Ага. Сначала-то по четыре, а потом по два.
— Мало как! Так и стоять смысла нет...
— А вы займите две очереди. Тут приезжие по три занимают.
— По три?
— Ага.
— Так это целый день стоять!
— Да что вы! Тут быстро отпускают.
— Чего-то не верится. Мы вон с места не сдвинулись...
— Это там подошли, которые отходили. Там много.
— Отойдут, а потом подваливают...
— Ничего, щас быстро пойдет...
— Вы не знаете, по скольку дают?
— Говорят, по три.
— Ну, это еще нормально! Возле Савеловского вообще по одному.
— Так там нет смысла больше давать, все равно приезжие разберут все...
— Скажите, а вчера очередь такая же была?
— Почти.
— А вы и вчера стояли?
— Стояла.
— Долго?
— Да не очень...
— Не очень мятые?
— Вначале ничего, а под конец всякие были.
— Сегодня тоже, наверно, получше разберут, а плохие нам достанутся.
— Да они все одинаковые, я видел.
— Правда?
— Ага. Плохие они отбирают.
— Да, отберут они! Жди!
— Обязаны отбирать и списывать.
— Да бросьте вы! Обязаны! Они наживаются на этом будь здоров...
— Ну, посмотрим, чего спорить...
— Вон женщина идет. Вы за ней.
— Это та высокая?
— Да.
— Я за вами, значит?
— Наверное. Я вот за этим гражданином.
— Тогда я за вами.
— А я за вами.
— А вы за мной, хорошо. Теперь мне отойти можно?
— Конечно.
— Я на минутку, мне белье получить... это рядом...
— Они до шести сегодня?
— Кажется, до шести...
— Я тогда попозже сбегаю...
— Вы не видели, там капусту не привезли?
— Нет. Там за апельсинами очередь, а капусты нет.
— Так она плохая еще, ее брать смысла нет.
— На Ленинском давали молодую, вполне хорошая.
— Да ну! Одни листья.
— Молодая очень полезная.
— Вон подходят как, совсем обнаглели. Мужчина, зачем вы пропускаете?! Что, нам целый день стоять?! Подходят, подходят!
— Они занимали, отошли просто...
— Да ничего они не занимали!
— Мы занимали, чего вы кричите.
— Ничего вы не занимали! Я здесь с самого утра стою!
— Они занимали, я видела...
— Займут, а сами уйдут на полдня.
— А по-моему, они не занимали. Я их не видел.
— Занимали.
— Занимали, занимали...
— Да занимали они, успокойтесь!
— Сами успокойтесь!
— Ладно, не надо кричать из-за пустяка. Люди стояли, отошли. Ничего страшного...
— Чего-то она медленно отпускает...
— А вы видите?
— Немного.
— Та рыжая плохо отпускает. Вчера как вареная двигалась.
— А там одна разве?
— Две.
— Я и не вижу...
— А вы подойдите сюда, тут видно.
— А, да. Две. Та вроде побойчей.
— Черненькая быстрей отпускает.
— Да обе они нормально работают, просто народу много.
— Народу всегда много.
— А те еще копаются, выбирают.
— Так... совсем ни с места...
— Ничего, щас побыстрей пойдет.
— Хоть бы по три давали.
— Дадут.
— Успеть бы...
— Нам хватит.
— Вчера когда кончились, не знаете?
— Не помню что-то... я ушла...
— Простите, я не за вами?
— Нет, вы впереди.
— А, да! Я за вами.
— За мной.
— Еле успел.
— А что, они рано закрывают сегодня?
— За мной уже не пускали.
— Надо же...
— Скажите, а масло вы не на той стороне брали?
— Нет, в центре.
— На той утром было по три пятьдесят, а щас нет ничего.
— У них после обеда бывает...
— Утром тоже иногда привозят... Ну, что там они. Трепятся по часу!
— Опять черные подошли... Во, видите, видите, как у него просто! Женщина! Не пропускайте их! Наглецы!
— Наберут по двадцать штук, а потом перепродают.
— Это ясно... вот, правильно. И эту тоже гони!
— Вы не знаете, эта прачечная ничего?
— Хорошая, по-моему. Только делают медленно.
— Долго?
— Да. Месяц.
— Долго как. Но вещи не пропадают?
— Редко.
— Это хорошо... Вон, опять черный подошел...
— Я еще ни разу не видел, чтоб черный в очереди стоял.
— Знаете, наверно, пойду...
— Уходите?
— Да. Уже третий час, а все ни с места...
— Вы последний?
— Я.
— Девушка, проходите сюда. Тут молодой человек ушел, становитесь вместо него.
— Спасибо.
— Да не за что. Это ему спасибо. Вы гвоздики на рынке брали?
— Нет. В магазине.
— Это вот в этом, который направо?
— Да.
— Хорошие какие. Везучий человек.
— Да там все такие большие.

Рисунок Алексея МЕРИНОВА

— Мне вот никогда такие не попадались. А вы, значит, везучая.
— Да при чем здесь я?
— Ну, как же. Таким симпатичным всегда везет.
— Глупости все это... А вы долго стоите?
— Не очень.
— Медленно двигается?
— Теперь будет значительно быстрее.
— Почему?
— Потому что вы подошли.
— Да что вы, ей-богу! Остряк-самоучка!
— Обижаете. Не самоучка.
— А что ж, учились где-то?

‹...›

— Вы мне не купите? За двадцать восемь... вот я вам дам.
— Давайте.
— Если вам не трудно...
— Да не трудно, не трудно...
— Там небось за мороженым тоже очередь.
— Да, маленькая, ничего страшного.
— Как она в пальто стоит! С ума сойти.
— Не говори...
— А может, холодно человеку. Есть болезнь такая.
— Вы не знаете... не знаете, какой цвет?
— Разный.
— Там, говорят, светло-коричневые в основном.
— А темных нет?
— Есть и темные.
— Это хорошо.
— Мне-то вообще хотелось потемней...
— Ну, это как повезет. У них попеременно.
— Да. Как товар поступает, так и нам...
— Простите, я не за вами стоял?
— Нет, вы за той женщиной.
— А, да, да...
— Отойдут, а потом спрашивают...
— Что это там... непонятно...
— А что такое?
— Да вон... чего она кричит...
— Влез кто-то...
— А это кто...
— Правильно, правильно...
— Вот дурак-то...
— Гнать надо просто, да и все...
— Время теряем только.
— А вы поставьте сумку сюда. Тут удобно. На выступ.
— Точно.
— Вчера, говорят, в центре давали.
— Ну, там не подступишься.
— Зато темно-коричневые все.
— Правда?
— Да.
— Да их выбрасывают иногда, разве угадаешь где.
— Тут-то и то как снег на голову... еле успела...
— А мне соседка сказала. Вчера.
— Это через продавцов, наверно?
— Не знаю...
— Господи, ну что ж они так долго...
— Опять подошел! Ну, наглец!
— А его просто не подпускать надо.
— Детина здоровый какой, а чем занимается.
— У вас течет из сумки.
— Ой, спасибо! Это мясо... ой-ой-ой... Федь, подержи...
— Давай, давай скорее.
— Да держи за ручку! Чего ты...
— Вынь его из-под хлеба... сюда...
— Держи.
— Володя!
— На весу держи, ну что ты!
— Не кричи...
— Володя!
— Неужели по три дают?
— Вроде дают.
— Я за вами, да?
— Точно. За мной. Быстро купили?
— Ага. Вот сдача. Только оно течет немного...
— Ничего. Спасибо. Ой. Не обкапаться бы.
— Я боялся, что кончится.
— Уже кончалось?
— Ага.
— Володя! Ну, что ты там стоишь?! Иди сюда!
— Это по двадцать восемь?
— Ага. Там только такое и по десять.
— Фууу... жара какая...
— Еще немного — и тенек. А там близко.
— Сереж, возьми...
— Давай я на коляску повешу.
— Паразиты все-таки... смотри, как лезет...
— Черт... день невезения...
— Не переживайте. За́мка у меня нет, а вот вермут венгерский есть... подвиньтесь немного... вот... открывайте сами...
— Красивая бутылка какая.
— Вот из этих пить лучше.
— Да, да. Красивые бокалы...
— Так. Вот варенье. Хлеб. Масло достаньте там...
— Ага. Вот оно...

— Вадим, а вы есть хотите? Я лично хочу.
— Ну, я немножко чего-нибудь...
— А у меня только картошка жареная.
— Чудесно. Ах, картошка, объеденье, денье, денье...
— Любите?
— Да. По-моему, лучше всякого мяса.
— Правильно. Я от мяса тоже хочу отказаться.
— Смотрите, тучи какие низкие.
— Да...
— Люда, а это какой камень, интересно?
— Это обыкновенная бирюза.
— Красивый перстень.
— Нравится?
— Да... так...
— Ой, хватит, хватит... вы меня споите...
— Так он же легкий совсем.
— Ну вот. Сковородку пополам. Хорошо?
— Чудесно.
— Так. Все, кажется, на столе...
— Все. Все чудесно. Знаете, Люда, давайте выпьем за радость неожиданных встреч. У нас ведь радостей не так уж много. Так вот, пусть эта всегда будет. За встречу.
— Ну что ж... за встречу...
— . . . .
— . . . . вкусный . . . .
— Замечательное вино.
— Берите колбаску.
— Спасибо. Давайте я за вами поухаживаю...
— Хватит, хватит, Вадим... спасибо... себе положите...
— . . . . замечательная картошка . . . .
— . . . льет и льет . . .надо же . . .
— Угу... ммм... вкуснотища какая...
— Просто там зелени много . . . .
— . . . .ага . . . .ммм . . .
— . . . .
— . . . . .ммм . . . .
— . . . .
— Можно вам?
— Немного . . . .
— А теперь, Люда, за ваше здоровье. Будьте здоровы.
— Спасибо.
— . . . . . . .чудный вермут . . . . . .
— . . . . брр...
— Неужели не нравится?
— Нравится, нравится. Это я просто так.
— . . .вы чудно готовите, Люд... ммм . . .
— Мерси . . . .доедайте колбасу . . . .
— Спасибо . . . . . . .ммм . . . .
— . . . .
— . . . .
— . . . .
—
ммм... а за окнами дождь. Он идет днем и ночью... .
— Кстати, а чьи это стихи?
— Вашего нелюбимого Евтушенко.
— Серьезно?
— Да.
— Ну это, наверно, из ранних. Тогда он еще хорошо писал.
— Да...
— . . .вот и все . . .сейчас чаю попьем...
— Помочь вам?
— Нет, нет . . . . сейчас... все . . . .
— У меня сегодня фантастичный день.
— Да?
— Ага. Стоял в паскудной очереди, толкался, ждал чего-то. И вдруг пью вино с очаровательной женщиной...
— Ну, не преувеличивайте. Давайте чашку.
— Я не преувеличиваю. Какой-то философ, кажется, Платон, сказал, что недооценивать свою красоту еще хуже, чем переоценивать ее.
— Ха, ха...
— Вы удивительно похожи на одного человека.
— На какого?
— Ну... просто это было очень давно...
— А кто она?
— Мы вместе учились.
— И что? Вам покрепче?
— Все равно... Просто мы любили друг друга.
— Ну, учитывая, что я вас старше, это была не я.
— Вы очень похожи. Просто очень...
— Да не хочу я быть похожей на какую-то девчонку! Каждая женщина хочет быть похожей только на себя.
— Конечно, конечно... просто так... вспомнил...
— Не сердитесь... берите печенье...
— Спасибо. Давайте еще выпьем?
— Вадим, я уже опьянела.
— Ну, немного совсем?
— Ну, немного можно... Хватит, хватит!
— За ваши глаза. Чудные карие глаза.
— Ну почему все время за меня?! Давайте за ваши журналистские успехи лучше.
— Нет, нет, за ваши глаза.
— Господи, ну что они вам дались...
— За ваши глаза...
— За ваши успехи...
— К черту успехи. За ваши глаза.
— Как хотите . . . . . . .ой . . . . . .
— . . . .
— Все. Уберите бутылку подальше от греха...
— Неужели так не нравится?

‹...›

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ «КОМУС» РЕАЛИЗУЕТ

Комплект бланков:

1.	Главная книга — 75 листов	1 шт.
2.	Кассовая книга — 100 листов	1 шт.
3.	Платежное поручение	1000 шт.
4.	Платежное требование	500 шт.
5.	Реестр платежных требований	100 шт.
6.	Приходный кассовый ордер	50 шт.
7.	Расходный кассовый ордер	50 шт.
8.	Платежная ведомость	10 шт.
9.	Расчетно-платежная ведомость	20 шт.
10.	Счет	100 шт.
11.	Доверенность	100 шт.
12.	Командировочное удостоверение	100 шт.
13.	Авансовый отчет	100 шт.
14.	Приходная накладная	50 шт.
15.	Накладная на отпуск материалов на сторону	50 шт.
16.	Баланс предприятия	12 шт.
17.	Расчет налога с продажи	12 шт.
18.	Расчет налога в бюджет	12 шт.
19.	Расчет расходов на оплату труда	12 шт.
20.	Отчет о финансовых результатах ф№2	12 шт.

Стремясь работать хорошо, «КОМУС» добавляет в комплект 8 видов бланков и при этом не увеличивает СТОИМОСТЬ. Стоимость комплекта — 280 рублей.

Действующие «Единые нормы амортизационных отчислений» на полное восстановление основных фондов и «Типовые методические рекомендации» по нормированию средств ремонтного фонда предприятий. Оптовым покупателям предоставляется скидка до 30%.

Стоимость комплекта — 60 рублей.

Выбранные вами комплекты можно получить, перечислив их стоимость по реквизитам:
получатель: МФ ВКБ «Северный», МП «Комус-1»;
банк получателя: ГУ Госбанка РСФСР г. Москвы,
р/с 1161608 МФО 201791.

В конце платежного поручения укажите свой точный обратный адрес.

В Москве заказы можно получить по адресу:
ул. Верхне-Красносельская, 32 а, тел. 268-44-03.

Рассмотрим интересные разработки в экономико-нормативной области. Изготовим бланки по заказу. Купим бумагу.

Наш адрес: 109017, Москва, ул. Б. Ордынка, 41/1, «Комус», тел. 233-11-35.

Справки по телефонам: 350-17-48;
по отправке — 272-59-41 (факс).

В каждую бухгалтерию!

МОМЕНТАЛЬНО ВЫШЛЕМ!

О ГИБЕЛИ СТРАНЫ ЕДИНСТВЕННОЙ...

РУССКИЙ АРХИВ

Забытые имена, обстоятельства, тексты... стихи из редких журналов и альманахов, из ваших архивов и семейных альбомов будут возвращены к жизни «Русским архивом» — нашей новой поэтической рубрикой.

Владимир Алексеевич Смоленский родился 24 июля 1901 года в городе Луганске Екатеринославской губернии. Детство поэта прошло в имении его отца, полковника царской армии, расстрелянного впоследствии большевиками. В годы гражданской войны В. А. Смоленский сражался на стороне белых, в 1920 году эмигрировал в Париж. Здесь он окончил русскую гимназию и Высшую коммерческую школу, начал публиковать свои стихи в «Современных записках», «Возрождении», «Новом журнале».

Творчество Смоленского сразу обратило на себя внимание критики, его высоко ценили И. А. Бунин и В. Ф. Ходасевич.

Первая книга — «Закат» — вышла в 1931 году, вторая — «Наедине» — в 1938 году. Войну Смоленский встретил в Аррасе, где работал на часовом заводе, потом вернулся в Париж. В 1947 году при его участии был издан известный сборник «Орион».

Третья книга — «Собрание стихотворений» — увидела свет в 1957 году, а четвертая — уже после кончины Владимира Алексеевича, последовавшей в 1961 году.

В нашей стране подборка стихов В. А. Смоленского впервые была опубликована в журнале «Наше наследие». Мы продолжаем знакомство с творчеством этого поэта.

Владимир СМОЛЕНСКИЙ

* * *

Я слишком поздно вышел
на свидание,
Все ближе ночь, и весь в крови
закат,
Темна тропа надежд, любви,
мечтаний,
Ночь все черней, путь не вернуть
назад.

Я заблудился в этом мраке душном,
Глаза открыты — не видать ни зги,
Кружит звезда в эфире
безвоздушном,
О Господи Распятый, помоги!

Я стал немым, но лира плачет
в мире.
О Господи, дай смерть такую,
чтоб
В гробовой тьме я прикасался
к лире,
Чтоб лирой стал меня объявший
гроб.

* * *

Над Черным морем, над белым
Крымом
Летела слава России дымом.
Над голубыми полями клевера
Летели горе и гибель с Севера.
Летели русские пули градом,
Убили друга со мною рядом,
И Ангел плакал над мертвым
ангелом...
Мы уходили за море с Врангелем.

* * *

О гибели страны единственной,
О гибели ее души,
О сверхлюбимой, сверхъединственной
В свой час предсмертный напиши.

* * *

Мы вышли ранним утром
С тобой из кабака,
Мерцала перламутром
И золотом река.

Звезда еще сияла,
С огнем зари борясь,
И алым отливала
У подворотен грязь.

И облако укором,
Или надеждой мне,
Божественным узором
Летело в вышине.

И было в синей дали,
Прохладе и весне
Все то, о чем мечтали,
Что видели во сне.

* * *

Осталось немного — мириады в прозрачной пустыне,
Далекие звезды и несколько тоненьких книг,
Осталась мечта, что тоской называется ныне,
Остался до смерти короткий и призрачный миг.

Но все-таки что-то осталось от жизни безумной,
От дней и ночей, от бессонниц, от яви и снов,
Есть Бог надо мной, справедливый, печальный, разумный,
И Агнец заколот для трапезы блудных сынов.

Из нищей мансарды, из лютого холода ночи,
Из боли и голода, страха, позора и зла
Приду я на пир и увижу отцовские очи
И где-нибудь сяду у самого края стола.

Публикация В. ЛЕОНИДОВА.

СТИХИ ДЛЯ ЭМИЛЯ ГИЛЕЛЬСА

Когда шесть лет назад не стало Эмиля Гилельса, у меня возникла мысль составить мемориальный сборник. К сожалению, эту работу не удалось довести до конца. Среди других материалов в моем архиве остались стихи, посвященные Гилельсу.

Первое стихотворение — «Мелодия жизни» чешского поэта Франтишека Бранислава — никогда не звучало на русском языке. С просьбой перевести его я обратился к Давиду Самойлову.

Прислав из Пярну сделанный им перевод, Самойлов в небольшом письме причислил автора к «модернистам» и довольно сдержанно отозвался о стихах, добавив: «Перевел их по своему разумению. Кажется мне, что самое важное в них то, что посвящены Гилельсу». Но даже если бы Давид Самуилович не был излишне строг в своем отношении к поэтическому оригиналу,— разве мало примеров того, как стихи обретают новое качество, будучи переведенными «по своему разумению»? А перевод Самойлова поистине прекрасен.

Интересную историю рассказал мне драматург Георгий Капралов. В 1940 году он послал свое стихотворение Гилельсу. Вскоре оно было напечатано в «Огоньке» (№№ 17—18, 1940 г.). Однако публикация эта не принесла радости автору: открыв журнал, он вместо последнего четверостишия обнаружил нечто чужеродное, невесть откуда взявшееся. А когда обратился в редакцию за разъяснением, то услышал: «Мы же спасли ваши стихи!» Действительно, разве мог быть советский человек образца 1940 года «иноверцем», да еще «сдать без боя свободу свою» — самую свободную в мире!..

Владимир БЛОК

Франтишек БРАНИСЛАВ

Мелодия жизни

Эмилю Гилельсу

В деревьях звуки первой трели,
Скажи же — кто не знает хмури.
Вот-вот мелодию капели
Сыграет март по партитуре.

А в клавишах так бесшабашен
Еще снежок — не хочет кто-то,
Чтобы снега кустов и башен
Распались каплями без счета.

Чтоб под перстами пианиста
Нам что-то близкое запелось,
Чтоб лес шумел тысячелистно
И молодость сюда слетелась.

Чтоб дерзких ветерков забавы
На шепоты не отзывались
И чтобы все цветы и травы
Невинным ласкам предавались.

Весна ли это лета хочет
В ночи июньскими губами,
Когда кузнечики стрекочут
И пахнет спелыми плодами?

Слетают листья — не собрать их,
Свет осени горит повсюду,
Мне жизни музыку сыграйте.
Не позабуду. Позабуду?

Ах, мастер, задержите бури
Под пальцами, где страсть и нега,
Светает на клавиатуре
Для облака, росы и снега.

Перевел Д.САМОЙЛОВ.

Георгий КАПРАЛОВ

ПИАНИСТ

Посвящается Эмилю Гилельсу.

Он, фалды раскинув, садится и
ждет,
Пока опоздавших терзает простуда.
Но кашель и говор стихают. И вот
Молчанье взрывают аккорды
прелюда.

И крови биенье, и чувства твои
Звучат, словно звуки вливаются
в вены.
Сегодня ты прав не имеешь: живи,
Послушный тому, кто диктует со
сцены.

Уж огненным стало лицо у него,
И космы волос над глазами
нависли.
Неистовство страсти и рук
торжество —
Здесь звук обретает величие
мысли!

А музыка льется, и пальцы бегут,
Все сбили, все смяли, заполнили
звуки.
И страшно: сейчас захлестнут,
захлестнут...
Но падают с клавиш застывшие
руки.

Гнетет тишина, словно смерти
приход.
Лицо пианиста — суровей и старше.
Как светлая память о друге,
плывет
Щемящий напев похоронного марша.

Куда же ты падаешь, сердце мое?
Тебе не уйти от заветного плена!
Над свежей могилою ветер поет
В последних аккордах сонаты
Шопена...

Я слушаю дважды и дважды ловлю
Мотив, повторенный роялем и
сердцем.
Сегодня не будет никто
иноверцем:
Мы сдали без боя свободу свою.

Ленинград, 29.I.40 г.

Дмитрий ГУБИН,
собственный корреспондент
«Огонька»
Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Петербург в этом году
завален
дынями и арбузами,
у любой станции метро —
море разливанное
желтых макушек
и зеленых
поросячьих хвостиков,
привет
от солнечного ...стана
и местных плодоовощбаз,
перешедших на аренду.
Да-ра-гой,
покупай, да?
Полтора за кило,
червонец арбуз.
Дома уселись,
предвкушая,—
ба-бах, гнилой.
Сам виноват.
Можно было,
не снимая с весов,
попросить попробовать,
и попривередничать,
и в итоге уйти ни с чем,
но высказать все,
что думаешь
об этой скотской жизни.
С другой стороны,
один гражданин
высказался,
после чего
был сам взрезан
вместо дыни
полнокровным усачом
за прилавком.
Если б в Петербурге
было принято
питаться с бахчи...

НИКТО НЕ ДАСТ НАМ НАКОРМЛЕНЬЯ, или ПРЕДЧУВСТВИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ЗИМЫ

Беда в том, что петербуржцы судят о еде по картошке, капусте, мясу — так же, как вы, да я, да целый свет. В прошлом году область убрала и поставила 60 000 тонн картошки, и прошлой осенью она шла копеек по восемьдесят, а на Новый год на Сытном рынке я в одиночестве выторговывал полтинник с двух рублей за кило, и какая-то тетка, проходившая мимо, свирепо бросила: «Мульёнер!» В этом году, несмотря на заключенные-перезаключенные договора, область поставляет в город 24 000 тонн, и даже детский сад не верит, что разница объяснима неурожаем. Объеденье-денье, пионеров идеал улетает на север, плывет на восток — туда, где уж совсем бескормица, где вывернут карманы, но купят, в итоге пустота давит на цены, что противоречит лишь физике, а не бизнесу. Затормозит на проспекте Просвещения «шаланда»-КамАЗ, откинет картофельный борт: три рубля за кило — очередь с мешками.

Что там картошка! Под моими окнами и в ночи не гасит огней 9-й хлебозавод, современная красно-розовая громадина, 50 тонн ежедневной выпечки, но хлеба который день в ближайших магазинах ищи-свищи! В итоге гордый Питер, в очередях которого было принято болтать об австрийских сапожках и финских обоях, образовал новую очередь: молчаливую хлебную, холодную немоту которой я впервые почувствовал в селе Чернцы Шуйского района Ивановской области, когда пустой, как скорлупа от яйца, сельмаг с открытия заняли застывшие старухи, ждавшие послеобеденной хлебной фуры и от неподвижности казавшиеся умершими. В войну в Чернцах командовала колхозом моя бабушка, там же родилась моя мать; когда бабушка уходила на работу, то оставляла маленькой маме вместо соски завернутый в тряпочку хлебный мякиш. Я только все не спрошу бабушку: пекли его сами или тоже ждали из Шуи?

Единственное, чем отличаются петербургские старушки от чернских старух,— тем, что ждут, постелив на обшарпанный бетон ступенек газеты. Так что из-под неназываемо подлого цвета пальто торчит угол молодежной «Смены»: «Колбасу, картошку, лук нам подкинет ван ден Брук», хотя, конечно, старушки посолиднее стелют «Санкт-Петербургские ведомости», бывшую «Ленправду». И пьяная масть, расположившись рядом в явном виду опохмелки и клянча у старушек мелочишку, тычет пальцем по «Ведомостям»: «Во дают, мля, на работу штамповщиком, мля, в месяц две тыщи колов, мля, это же о-ху-ре-неть надо, скока водяры!..»

Кстати, господин Ханс ван ден Брук является председателем Совета Европейских сообществ, и у него недавно было попрошено Россией взаймы. Осенью 1991 года в городе-герое Санкт-Петербурге, у магазина на улице имени пролетарского поэта Бедного, веришь в успех этой акции особенно горячо.

ПОЛИТИКА

Год назад, движимый примерно тем же вопросом, что и бабульки в очереди, то есть «Куда подевалась еда?», я шагал общим для всей журналистской братии путем: в Ленсовет, мимо милицейского поста, направо и налево, минуя дверь с надписью «Наградной отдел»,— в комиссию по продовольствию. Ее председателем тогда только что стала Марина Салье, моя, признаюсь, идейная любовь, бывший геолог, знамя и флаг ленинградского нарфрон-

та. Мне нравилось бесстрашие этой уже с проседью в волосах женщины, умение оттачивать мысль, я голосовал за нее и радовался, что она прошла в Россию и в Ленсовет.

К несчастью, сама Марина Евгеньевна в мои прошлогодние визиты отсутствовала, кажется, была в Москве на сессии, но оставались молодые ребята при галстуках, с энтузиазмом объяснявшие, для чего и как трудятся в продкомиссии полторы дюжины человек. Это было время больших планов, и ветер будущего, говоря высокопарно, теребил свежие листы моего блокнота, засохшие ныне — хоть в гербарий.

Предполагалось основать, например, Прибалтийский рынок — лито-латоэстонские фермеры, хуторяне, прелести ганзейской кухни вроде вареных хвостов и копыт, отсутствие перекупщиков.

Далее: открыть на Невском магазинчик «Деликатесы Смольного», перебросив в него из партийно-гэбэшных столовок все эти условные банки с крабами и лососиной, с зернистой и паюсной, а прибыль — больным детям.

Третье — отстроить по западному проекту супермаркет с американскими продуктами, но по советским ценам (это была идея самой Салье, привезенная из США).

Как вы понимаете, ошалевшая толпа не разнесла супермаркет при его открытии только потому, что он не был открыт, как, впрочем, и рынок, и магазин на Невском.

— Марина Евгеньевна,— позвонил я в этом году,— давайте встретимся один на один, никаких посредников, и поговорим о продовольствии.

— Меньше всего я хотела бы говорить об этом,— отозвалась на том конце провода Салье,— кормит мэрия, мы определяем политику. Но полчаса нам хватит, да?

И опять мимо награддвери, направо-налево, только нет прошлогалстучных молодых людей, комиссия уменьшилась почти вдвое, «хотя для решения наших задач,— сказала Салье,— этого очень мало».

— Марина Евгеньевна, а почему вам так не хочется говорить о продуктах?

— Потому что есть мэр и есть мэрия, которые несут всю ответственность за снабжение города, причем это установка самого Анатолия Александровича Собчака. Тем не менее, как и в прошлом году, на нас валятся все шишки, хотя мы много работаем и делаем дело.

— Вы могли бы назвать в порядке значимости три вещи, которыми занимаетесь?

— Приватизация торговли, развитие прямых экономических связей и фермерство.

— Но аукционы по приватизации проводите разве вы?

— Мы думаем, как их проводить. Вот на прошлой неделе рассматривали вопрос отоваривания города водкой по талонам и пришли к выводу, что задача первоочередной важности — приватизация заводов, производящих пиво и вино. И мы будем вносить соответствующие предложения в мэрию, в Главное управление имуществ...

...Бывают, видимо, такие моменты, когда, говоря словами окуджавской героини, «хочется кричать, да хорошее воспитание не позволяет». Я не о том ходе вещей, когда вчерашние мастера митинговых баталий начинают вносить предложения в органы, опыт хождения по органам подсказывает, что иногда от внесений бывает толк. Но меня охватила тоска оттого, что продовольственная комиссия явно не подозревала, что вот уже с месяц пивная проблема успешно разрешена прибалтами, безо всякого, заметьте, Прибалтийского рынка торгующими своим пивом среди метрополитенных дынь и арбузов, бутылка — два пятьдесят! То есть идея приватизации пивзаводов витала сама по себе, а пиво лилось само по себе, а где-то посредине между идеей и пивом без видимых изменений шла и шла жизнь.

— Марина Евгеньевна, когда горожанин, просто выйдя на улицу, сможет заметить результат приватизации магазинов?

— Хотела сказать — год, хотела сказать — два, скажу — через полтора.

— А сколько на сегодня магазинов приватизировано?

— Сорок. Такая цифра ходит по Главному управлению имуществ. В действительности, наверное, больше.

— Все сорок работают?

— Восемнадцать, это очень высокий процент, ведь для них не создано ни горизонтальных связей, ни оптового звена.

— В какой бы из этих восемнадцати вы посоветовали сходить самой близкой подруге?

— Нет, не могу назвать...

НЕ ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ К БЫЛЫМ ВОЗЛЮБЛЕННЫМ

Когда разрешили открыться видеосалонам, они расплодились с интенсивностью кроликов, свергнув гипсовых вождей пролетариата в каждом общежитии и водрузив на обитую красным тумбу по телевизору с декодером ПАЛ/СЕКАМ. Когда разрешили коммерческие шмоточные лавочки, они утыкали Ленинград как при иглотерапии, на крохотном пятачке Пяти углов их, скажем, по штуке на угол. Если за год в городе не родилось ни одного мало-мальски заметного частного продовольственного магазина, одно из двух: либо идея приватизации слишком юна, чтобы зачать, либо кому-то надо отойти в сторону, дабы не мешать зачатию.

— Марина Евгеньевна, какое самое большое разочарование за год работы в Ленсовете вас постигло?

— Результаты аренды овощебаз. Они стали закупать дорогой товар, виноград, помидоры, дыни, а договора на картошку составили так, что уже в июле было ясно: колхозы ее не продадут. И мы пока не можем понять, почему так случилось. Казалось ведь: стали хозяевами...

— А вам не хочется все бросить и уйти?

— Хочется. Я тридцать три года отдала геологии, я стала доктором наук, а потом — бах — и все псу под хвост.

— Вы думали о чем-то другом?

— Я думала о том, о чем и всю жизнь: большевики не должны здесь править.

— А если б вы оказались на прежней работе?

— Тогда в городе установится единоличное правление Анатолия Александровича Собчака...

Прошло уже трижды по полчаса, и я понял, что пора уходить, ведь срок любой любви ограничен. Я не понимал еще, почему пробуксовывают Ленсовет и Салье, хотя твердо знал, что от них мой обеденный стол зависит не больше, чем раньше он зависел от передачи «Сельский час», даже когда ее вел такой замечательный журналист, как Юрий Черниченко.

Салье разъяснила при расставании свою фразу про Собчака: необходимо разделение законодательной и исполнительной властей, именно в этом суть правового государства, сама она по натуре законница, и что «именно поэтому дела. которыми я занимаюсь, идут так долго». И я чуть было не съехидничал: ...что умирают по пути? — но прикусил язык. С недавних пор я убедился в том, что законный путь, не приводящий к результату, во всяком случае, не лучше незаконного, к нему приводящего. И что бесцельная, то есть не достигающая цели, политика начинает пожирать саму себя, оборачиваясь оплаченным красноречием. 7 ноября 1990 года, когда напряжение между демократами и коммунистами высекало искры, дважды депутат, председатель комиссии Ленсовета по продовольствию Марина Салье вышла на Дворцовую площадь во главе колонны демократических сил под транспарантом «Позор коммунистическим палачам!» — точно не помню, но смысл такой. Это был первый день в Ленинграде, когда ребенок сказал мне: «Хочу булку!» — а мне было нечего ответить, поскольку все булочные города были отчаянно пусты.

Как лидер своей партии, Салье не могла, конечно, исключить такой день из политической борьбы.

Но семилетнему мальчику было трудно все это объяснить.

ВЛАСТЬ

Мой визит к Салье был, конечно, продиктован прошлогодними воспоминаниями, то есть сентиментальностью. Власть в городе Петербурге давно ушла из горсовета в мэрию, и не могла не перейти, потому что там, где депутатам требуются созыв сессии и кворум, мэр Собчак решает вопрос единолично. Это злит демократов, но журналисты в поисках утраченных продуктов спешат не в депутатскую продкомиссию, а в мэриевский продком; да и Марина Евгеньевна не спорит — конкретные вопросы решаются там, у Покровского, у него на это все права; ну и само собой, что исчезнувшие у Салье молодые люди, которые рассказывали мне о продовольственных планах, обнаружились на работе в новом месте.

Сергею Юрьевичу Покровскому 48 лет, он начинал с того, что ходил в море на судах рыбфлота, потом этими судами руководил, потом возглавлял два ленинградских мясокомбината, о нем идет слава человека жесткого и практичного — к таким Собчак мирволит.

— Сергей Юрьевич,— говорю я ему,— вот все сходятся на том, что продовольственная проблема — это клубок, но за какую ниточку считаете важным дернуть вы?

— А здесь нет ни одного кончика,— отвечает он,— все связано. Вот мы повысили цены на хлеб и правильно сделали, потому что там, где исчезает хлеб, исчезает все. Но одновременно мы полностью отпустили цены на плодоовощную продукцию. И сегодня цена на картошку взлетела в 10 раз. И все сразу переориентировались на хлеб, и сегодня в Ленинграде его съедают 1400 тонн в день. Такое бывало и раньше, но только в праздничные и предпраздничные дни. И так всё. Взлетят цены на свеклу — подорожает борщ...

В своих взглядах на происходящее в сельском хозяйстве Покровский оппозиционен как союзному, так и российскому руководству: по его мнению, лучший способ устроить в стране голод — это ввести безоглядный рынок. Причем такое убеждение Покровского базируется вовсе не на идеологии или тем более не на вере в скрытые преимущества колхозного строя, а на знакомстве с жизнью тех же колхозов, которым нет никакого куража играть в азартные игры бизнеса, поскольку для этого нужно все же слезать с печи.

И древний, как сказка про Емелю, консерватизм сельского жителя объясним вовсе не злобой на горожанина, переставшего поставлять в деревню по старым ценам платья и утюги. Консерватизм — это стремление довольствоваться прежним и малым, на все призывы к переустройству реагируя вековечным лапотным: «Чаво?» «Российское правительство,— разъясняет Покровский,— приняло решение предоставить селу право 30 процентов своей продукции реализовывать по свободным ценам, но вместе с этим повысило закупочную цену вдвое на оставшиеся

70...» — «И?» — «...и сельхозпроизводство тут же на эти 30 процентов сократилось, потому что зачем лентяю их выращивать, если и так повышена цена?» Современный крестьянин, по жизни которого не прошлись жесткой метлой идеи Сперанского, «предпочитает вырастить не сто килограммов картофеля, а десять, но продать по цене ста, потому что сейчас возьмут по любой цене!».

Так что рынок нужно не вводить, а готовить. «Допустим, вы в восемьдесят девятом году производили десять холодильников — значит, оставляем вам и план, и фонды на минус десять процентов, то есть девять холодильников в натуральном выражении вынь да положь!» Сверх плана можно производить что угодно и по каким угодно ценам, «но чтобы девять холодильников было!». Замените в примере холодильники картошкой или огурцами, и вы оцените идею Покровского. Государство, держащее контрольный пакет в своих руках, страхует производство от падения, цены — от роста, деньги — от инфляции, граждан — от беспредела. «Нельзя научить прыгать в высоту, не поставив планку».

— Но это, Сергей Юрьевич, из рубрики «Если б директором был я», то есть если б премьером были вы, а что происходит реально?

— Происходит следующее: хлеб в город поступает в прежнем количестве, но его не хватает. Молока мы получаем меньше на 30 процентов, мяса — тоже на 30. Картошки область поставляет меньше вообще в три раза, хотя убрали ее всю...

— Вы можете спрогнозировать рыночную стоимость картошки, скажем, к Новому году?

— Я однажды так спрогнозировал, и у меня были неприятности. Один из наших видных лидеров сказал: как ты вообще можешь на эту тему даже заикаться? Чтоб мясо стоило двенадцать рублей? А сегодня двенадцать рублей — это манна небесная...

— Говорят, вокруг Ленинграда складывается блокада поставок. Это так?

— Приведу один пример. Узбекистан должен был поставить нам 23 000 тонн лука. Там находится наш представитель, я сам был в Узбекистане, мы обо всем договорились. А вчера мне позвонили оттуда и сказали, что за каждый килограмм лука Ленинград должен поставить три килограмма картофеля, или мясо, или яйца. Я же прекрасно понимаю, что письменной команды на такой оборот дела не существует. И я понимаю, что такие устные команды исходят от президентов, премьер-министров. Это что — от любви к городу? Они ведь не осетрины от нас требуют, думая, что мы ее в Неве вылавливаем...

Мы еще долго говорили с Покровским — об обмане города селом и о влиянии на село городского эгоизма, о системе налогов и о потолке рентабельности, пока я не понял, что меня мучает та же тоска, что и в кабинете Салье.

И тогда я осознал, что пришло время задать вопрос, придуманный, если не ошибаюсь, тем же Юрием Черниченко и спасший не один десяток журналистов до меня:

— Сергей Юрьевич, а что произойдет, если ваш комитет со всеми его сотрудниками, телефонами, документами и вами лично провалится сквозь землю?

Хотя пепельница и стояла рядом, Покровский перегнулся через стол, вонзил сигарету в бывший рядом со мной хрусталь и ответил:

— Катастрофы не произойдет. Просто очень быстро будет набирать силу та катастрофа, что уже есть. Я, когда соглашался на эту работу, знал, на что шел, и не говорил, что моя задача — накормить город. Я говорил: моя задача сделать так, чтобы снабжение ухудшилось не резко.

— Это будет еще идти долго?

— Если не будут приняты очень жесткие экономические меры, то долго, три—пять лет.

— А что бы вы посоветовали ближайшему другу, чтобы спокойно пережить эту зиму?

— Я не знаю. Единственное, что могу сказать,— это нужно работать и нужно искать работу, которая бы хорошо оплачивалась.

Я искренность Покровского оценил.

ЖИЗНЬ

Как хотите, но о продовольственном кризисе свидетельствуют все же не гигантские очереди — в конце концов это вопрос организации. По всей независимой Эстонии раскинута сеть кулинарий-бистро, созданная на паях со шведами или же оборудованная и по их технологии снабжаемая. Но в каждом бистро — очереди, поскольку продавцы, которых шведы поставить забыли, работают с советско-эстонской медлительностью. Я не был в Швеции, но в Голландии, в Амстердаме, напичканном такими заведениями, как таллиннская колбаска горошком и перцем, народу в час ланча раза в три больше, а очередей нет вообще! Там пацан-сэйлзмен подбрасывает в воздух булку, вжикает ножом, и на прилавок падает уже прослоенный маслом, сыром и ветчиной сандвич. Публика рукоплещет и заказывает на «бис».

Куда более верный признак приближающегося голода — это сужение ассортимента. В сентябре попав под колпак лучшего в Петербурге Кузнечного рынка, вы могли обнаружить на нем всего 31 наименование товара — по сравнению с августовскими 34. В госторговле, по подсчетам центра независимой потребительской экспертизы, вообще 7—9 наименований, и то боюсь, что были сосчитаны оба сорта водящегося в городе чая: очень плохой и еще хуже. В тех магазинах, где додумались сдавать пустоту в аренду кооператорам, среди девственности хозяйских полок посверкивают лишь арендные водки «Смирнофф», «Горбачефф» и «Пушкин», причем разницы между тремя уважаемыми людьми нет — каждый под три сотни.

Второй признак — беспредел цен, невозможность прожить по ним даже хорошо оплачиваемым «серебряным воротничкам»: профессуре, менеджерам среднего звена, тем, кто вписывается в месячный круг от 1000 до 2000. Бывшему филологу, устроившемуся референтом в СП, человеку вообще-то не бедному, рыночное мясо по 50 рублей — деликатес, а не прокорм, не говоря о сметане по 30 и о меде по 60. Зарплаты еще хватит, чтобы с горя упиться «Пушкиным», но и это на один раз.

Страна подходит к пределу, когда нищает средний класс, ее стержень.

— Скажите,— спросил я Покровского, почти уже распрощавшись,— а возможно сейчас в Питере существование частного продмага, торгующего хоть по высоким, но не по безумным ценам? И чтобы еды в нем было пятьдесят сортов?

— Теоретически и только за забором, иначе спалят,— ответил Покровский, чем заставил меня усомниться в абсолютности своей практической хватки.

Друзья, есть на земле рай.

Если ехать из Ленинграда в Выборг по Приморскому шоссе, по правую руку которого красиво умирают осенние золотые клены, а по левую — уставшее дожидаться решения участи дамбы море, за час без малого вы достигаете поселка Репино, известного в прошлом проживанием одноименного художника, а в нынешнем — популярным курортом. И кооперативным магазином «Волна».

Там, на прилавке «Волны», плачет жирная розовая чавыча, сотни пельменей белеют в железном поддоне, к потолку вздымается Вавилон банок с крабами и ветчиной, желтеют за стеклом круги сыра, течет кровью парная свинина, строят рожи молочные поросята с цветочком во рту, и ждут очереди быть съеденными сметана, творог, мацони, яйца, масло простое и шоколадное, колбаса разных копчений, что-то еще в виноградно-капустных листьях, но не голубцы, хотя голубцы тоже есть. Ежедневно «Волна» продает не пять и даже не пятьдесят, а почти сто видов продуктов — булгаковская чертовщина, доперестроечный «Елисей», хотя в «Елисее» последние десять лет икра в стеклянном жбане не стояла, а в «Волне» стоит! Конечно, прочесть ее цену без присвиста невозможно, но это дело привычки. Если в Париже вам случится побывать в русском ресторанчике «Дан ля ви де Петроград», скосите глаз в меню: 50-граммовая порция осетровой икры в грейпфрутовой розетке (не правда ли, типичное русское блюдо?) стоит 2000 франков — 10 000 «деревянных» по курсу Госбанка!

История создания «Волны» проста, как идея расширенного воспроизводства, и сложна, как осуществление этой идеи в нашей печальной стране.

Три года назад женщина по имени Мара Козырицкая основала в Репине кооперативный ресторанчик «Волна», имевший среди отдыхающих успех. У ресторанчика появились отходы, и тогда Мара Григорьевна завела свиней, давших приплод. Поросят нужно было выпаивать молоком, и Козырицкая завела коров. Для того, чтобы коровы доились, понадобились коровники, луга и доярки... Трудно сказать, как скоро у «Волны» завелись бы порт, армия и горнорудное производство, только добрые люди ресторан сожгли.

Через месяц из ресторанного пепла возродился магазин агропромышленной фирмы «Волна».

Теперь в «Волне» работают 200 человек, минимальная зарплата — 900 рублей, не считая бесплатного обеда, на каждого работника — семь с половиной голов скота «со свиньями, коровами, лошадьми и собаками», как поясняет заместитель Козырицкой Григорий Комсуконянц, с которым мы разговариваем, пока Мара Григорьевна в отъезде. Комсуконянц готов раскрыть секрет, как при помощи трехрублевой пельменницы можно завалить пельменями Репино, он вообще готов объяснить что угодно, для него не существует фразы «это невозможно»,— при этом он ежесекундно по-американски улыбается. И вот эта стопроцентная улыбка выдает в нем принадлежность к слою, схоронившему в студентах трех генсеков, получившему диплом вместе с перестройкой и ушедшему затем в бизнес — самую лучшую игру, в которую когда-либо приходилось играть. Это не юные грустные политики в перелицованных пиджаках и не толстомордая тупая поросль мажорства, это особое племя, наши ребята О'Кей.

— Слушайте,— говорю я Комсуконянцу,— но ведь икра за 400 — это не для всех!

— Конечно!— Он улыбается, он абсолютно согласен, более того, это для очень немногих! Так же, как шампанское по сорок, коньяк по сто, крабы по восемьдесят пять банка, что, вообще-то говоря, могло продаваться дешевле, но продается намеренно дорого для действительно богатых людей: режиссеров из соседнего Дома творчества, шлюх с пляжа, дачевладельцев, гендиректоров концернов, биржевых брокеров, валютных спекулянтов, поэтов-песенников, кадрированных генералов. Если они согласны платить на отдыхе вдвое за американские сигареты, то почему бы им такую возможность не предоставить? Зато деликатесная сверхприбыль держит цены на повседневные продукты, «потому что в Доме творчества кинематографистов отдыхают не только богатые люди, но еще, например, кинокритики, а икру у нас кинокритик купить не может, но может — гамбургер за три пятьдесят. Вы, кстати, обратили внимание, что каждый гамбургер и бутерброд у нас завернуты в целлофан? Приятно ведь покупать, зная, что никто до тебя не хватал рукой твою колбасу...». (Улыбка.)

Таким образом, внутри одной «Волны» находится как бы два магазина — для богатых и для средних, и я прошу Комсуконянца на время про богатых забыть и представить, что в Репине на даче встретились две семейные пары... «Спиртное они у нас будут покупать?» — «Нет, оно у них с собой, по талонам...» — «Тогда пишите программу ужина», и я пишу:

Пицца, 4 штуки	20 руб.
Перец фаршированный, 800 г	10 руб.
Плов, 800 г	10 руб.
Бутерброды с икрой, 8 штук	32 руб.
Бутерброды с сервелатом, 8 штук	12 руб.
Бутерброды с сыром, 8 штук	4 руб. 40 коп.
Грибы соленые, 200 г	9 руб. 40 коп.
Пирожные разные, 16 штук	8 руб.
Итого:	105 руб. 80 коп.

— Что,— спрашивает Григорий,— для ужина с икрой это дорого?

И я соглашаюсь, что нет, не дорого, по нынешним ценам это просто пустяки, и тогда он начинает увлеченно показывать картину «Волны» к следующей весне: летнее кафе с видом на море («Заходи в одном купальнике или без него»), промтоварный магазин, новый продовольственный магазин, ресторан на 100 мест, автостоянка с мойкой, поскольку, «заходя в ресторан, вы будете просто отдавать ключи от машины, а вместе со счетом вымытую машину подкатят к дверям, и останется только сесть за руль, если, конечно, вы будете в состоянии это сделать».

Ну хорошо, это фантастика, это из вечных питерских бредней: «что было бы, если бы бывшая финская территория осталась финской» (девичья фамилия поселка Репино — Куоккала),— но сегодняшний ассортимент, сегодняшние шесть филиалов по Карельскому перешейку, сегодняшнее не скисающее три дня молоко — не фантастика?

— Григорий,— говорю я, пока мы пьем чай с «пирожными разными», выпекаемыми японской машиной в кондитерском цехе «Волны»,— что нужно для того, чтобы, скажем так, «Волна» захлестнула страну?

— Я убежден,— улыбается он,— что любой ресторан или магазин, начинающий дело без своей сырьевой базы, тут же вылетит в трубу. Если бы мы покупали свинину на рынке, то наша отбивная стоила бы не семь пятьдесят, а пятнадцать рублей.

— Бывает, люди работают от нужды, бывает, чтобы разбогатеть. Для чего работаете вы?

— Можно было на месте «Волны» поставить мангалы с видом на море, получить право коммерческой торговли коньяком и завалиться через сезон деньгами. Есть вообще очень простой путь — продавать продукты гостиницам «Интуриста», они их с удовольствием возьмут оптом. Но я скажу так: «Волна» — это место для людей, которые хотят делать дело, а не деньги...

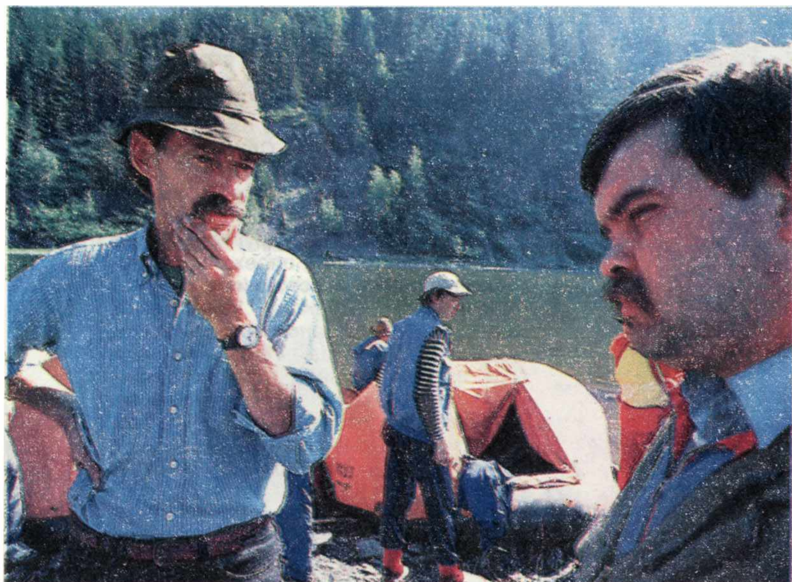
Я, признаться, решил, что Комсуконянц передо мной пижонит, желая создать образ этакого «сознательного» кооператора, сочетающего личное благо с благом любимой страны.

И думал так несколько дней, пока однажды не проснулся с простой мыслью: мы так привыкли, что вокруг все плохо, что не верим, когда встречаем хорошо. И так привыкли к второму смыслу слов, что для простой, без второго дна речи требуется переводчик. Я даже думаю, что мы так плохо работаем потому, что не можем поверить: для хорошей работы нужно просто хорошо работать...

Доев японо-репинские пирожные, мы допили чай, и Григорий О'Кей вынул из морозильника купленные мной перед разговором пельмени, положенные в лед на сохранение. Мы пожали друг другу руки, взаимно улыбнулись, и О'Кей на всякий случай напомнил дорогу к городу. Но я немножечко поразмыслил и пошел в торговый зал, чтобы купить еще кило.

Амстердам — Черноцы — Таллинн — Куоккала — Санкт-Петербург.

ОГОНЁК

СВОЯ СТРАНА

Очертания нашей страны так быстро меняются! От нашей льдины откалываются куски и дрейфуют самостоятельно. Большую часть того, что остается, занимает Сибирь.

Когда-то один из нас, работая над фотокнигой о Сибири, исколесил ее, а другой провел здесь часть детства. Так что, путешествуя этим летом с американскими фотографами, мы чувствовали себя как бы хозяевами. Это путешествие было предусмотрено проектом «Калифорния — Сибирь», о котором «Огонек» уже писал.

Авторы проекта — калифорниец

Дэвид Литчел, профессор фотографии, и Алексей Воеводин, предприниматель и фотограф из Красноярска,— решили устроить совместную работу фотографов двух стран в Сибири и Калифорнии. Этих двух благородных людей, в просторечии «боссов», как всегда чем-то озабоченных, вы видите на снимке. Случалось, они по-разному трактовали взаимные договоренности, но в конце концов приходили к консенсусу.

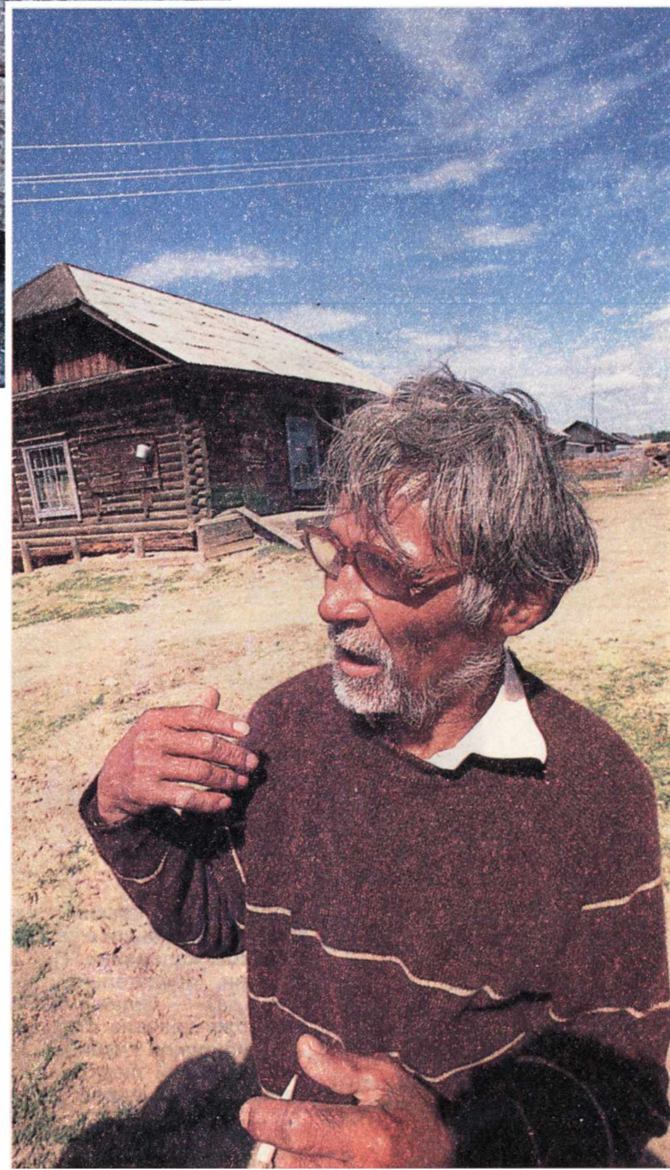
За месяц, сменяя друг друга, мы прошли, проплыли, проехали, пролетели изрядные расстояния в районах Красноярска, Абакана, Минусинска, Иркутска, Туруханска, Норильска, Дудинки, Диксона. Побывали там, где еще не ступала нога американского человека, например, в бывших туруханских лагерях или в норильских шахтах, опускались на вертолете на палубу ледокола и на берег таежной речки...

Мы работали рядом с американцами, снимали примерно то же, что

и они. Занятно было наблюдать, как менялось их восприятие нашей страны и как к ним относились наши люди. Первое время их внимание больше всего привлекала «чернуха»: грязные баки в столовых, убогие дома, пустые прилавки. Потом они ко всему этому привыкли, как давно привыкли мы, круг их фотографических интересов расширился. Надо сказать, американцы спокойно переносили бытовые и другие неудобства, за исключением, может быть, мошки в тайге. Это были люди закаленные, поездившие по миру, побывавшие даже в глухих районах Африки. Им было с чем сравнивать свои впечатления.

Не без нашей помощи в их лексиконе появились словечки: «заначка», «халява», «система» — универсальное слово, которое объясняло все плохое, что с нами происходило, «ты классный парень» — любимое выражение Дэвида, которое он употреблял к месту и не к месту, почему-то им нравилось повторять «будь готов!» с обязательным пионерским салютом. Наши отношения стали приятельскими, вместе с тем мы оставались совершенно разными людьми. Как-то американцы отказались от бу-

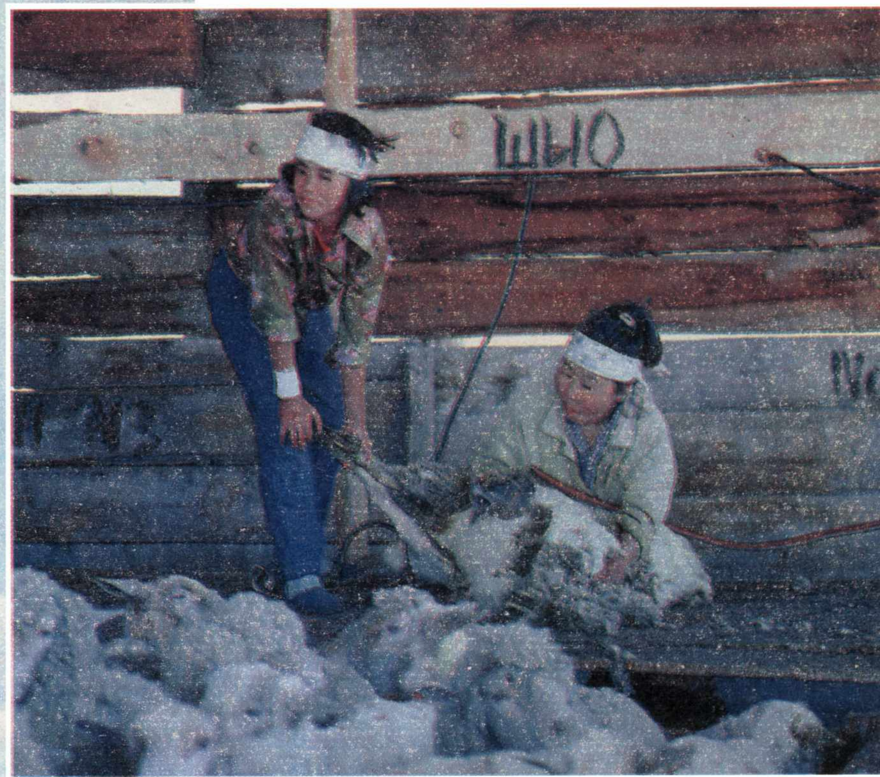

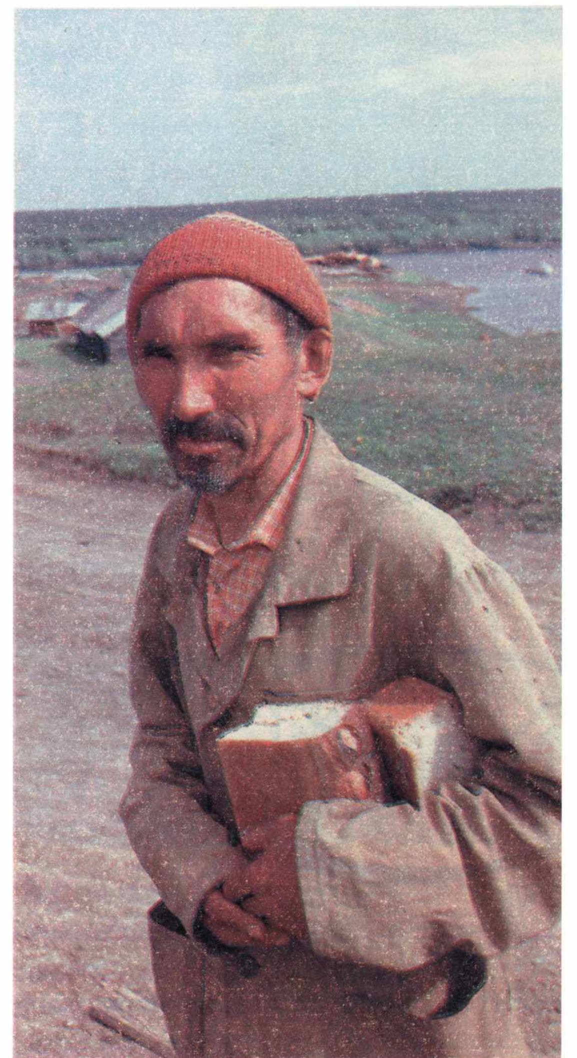

тербродов с красной икрой из-за того, что они были еще и с маслом — слишком калорийно. При виде сахара они обязательно произносили «уайт дэз» — белая смерть. От водки они тоже вначале отказывались!..

В сибирской глубинке наш небогатый, несытый люд одаривал американцев рыбой, икрой, шкурами, чуче-

лами, рогами, украшениями ручной работы, однажды была подарена даже шуба! В одной из деревушек в ответ на подаренную газовую зажигалку мужичок тут же притащил в мешке рыбину — лосося килограммов на пятьдесят... Это — наши люди, наша родная страна. Даже появлялось глуповатое такое чувство гордости.

Некоторая часть наших впечатлений о Сибири — на этих снимках.

Геннадий КОПОСОВ,
Марк ШТЕЙНБОК
Фото авторов.

ДАЙТЕ НАМ ШАНС СЭКОНОМИТЬ ВАШИ ВРЕМЯ И ДЕНЬГИ!

МММ

Объединение «МММ» предлагает:

компьютеры, совместимые с IBM PC/AT. XT с любой периферией, и оргтехнику.

А также широкий выбор:
дигитайзеров, пишущих машинок, электронных записных книжек, калькуляторов и т.д.

Без предоплаты. Оптовым покупателям предоставляется скидка.

ВЫ ВИДЕЛИ ГДЕ-НИБУДЬ БОЛЕЕ НИЗКИЕ ЦЕНЫ?
МЫ ПРОДАДИМ ЕЩЕ ДЕШЕВЛЕ!

КОМПЬЮТЕРЫ
IBM PC/AT-286 – 44000 руб.
IBM PC/AT-386 (Винчестер 120 МБ. ОЗУ 4МБ, 25 МГц) – 107000 руб.

ПЛОТТЕРЫ
(графопостроители)
Формат А3 – 31500–33000 руб.
Формат AI – 107000 руб.

ЛАЗЕРНЫЕ ПРИНТЕРЫ
Формат А4
«LASERJET II P» – 51000 руб.
«LASERJET III» – 85000 руб.

КСЕРОКСЫ
Формат А4
«SHARP Z-50» – 28000 руб.
«CANON FC-2» – 30500 руб.
Формат А3
«RICOH M 100» – 62000 руб.
«CANON 1215» – 80000 руб.

ТЕЛЕФАКСЫ
«MURATE-M5» и «FI» – по 21500 руб.

АВТООТВЕТЧИКИ
«PANASONIC» – 7750–8000 руб.

ТЕЛЕФОНЫ
«PANASONIC» – 3400 руб.

Адрес: 109518 Москва, ул.Газгольдерная, 10
(проезд: метро «Текстильщики», автобусы 29, 725 до остановки «Вычислительный центр»).
Телефоны в Москве: 171-03-97, 173-44-15, 171-13-81, 171-06-90.

АГЕНТСТВО СТОЛИЧНЫХ СООБЩЕНИЙ тел. 450-67-88, 412-95-06

ЕДИНСТВЕННЫЙ АКЦИОНЕРНЫЙ КОММЕРЧЕСКИЙ БАНК СТРАНЫ, ГДЕ СОХРАННОСТЬ СРЕДСТВ ВКЛАДЧИКОВ ОБЕСПЕЧИВАЕТСЯ ДОСТОЯНИЕМ ГОСУДАРСТВА

СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЙ БАНК РСФСР ПРЕДЛАГАЕТ... МАКСИМАЛЬНО ВЫСОКИЕ ПРОЦЕНТНЫЕ СТАВКИ ПО ВКЛАДАМ

■ Наиболее выгодно поместить сбережения на срочный вклад. Доход по этому виду вклада выплачивается в зависимости от фактического срока хранения сбережений (от 1 года до 3 лет — 5% годовых. от 3 до 5 лет — 7% годовых, свыше 5 лет — 9% годовых) и может выплачиваться как единовременно, так и ежегодно (выплата средств со вклада по частям не производится).

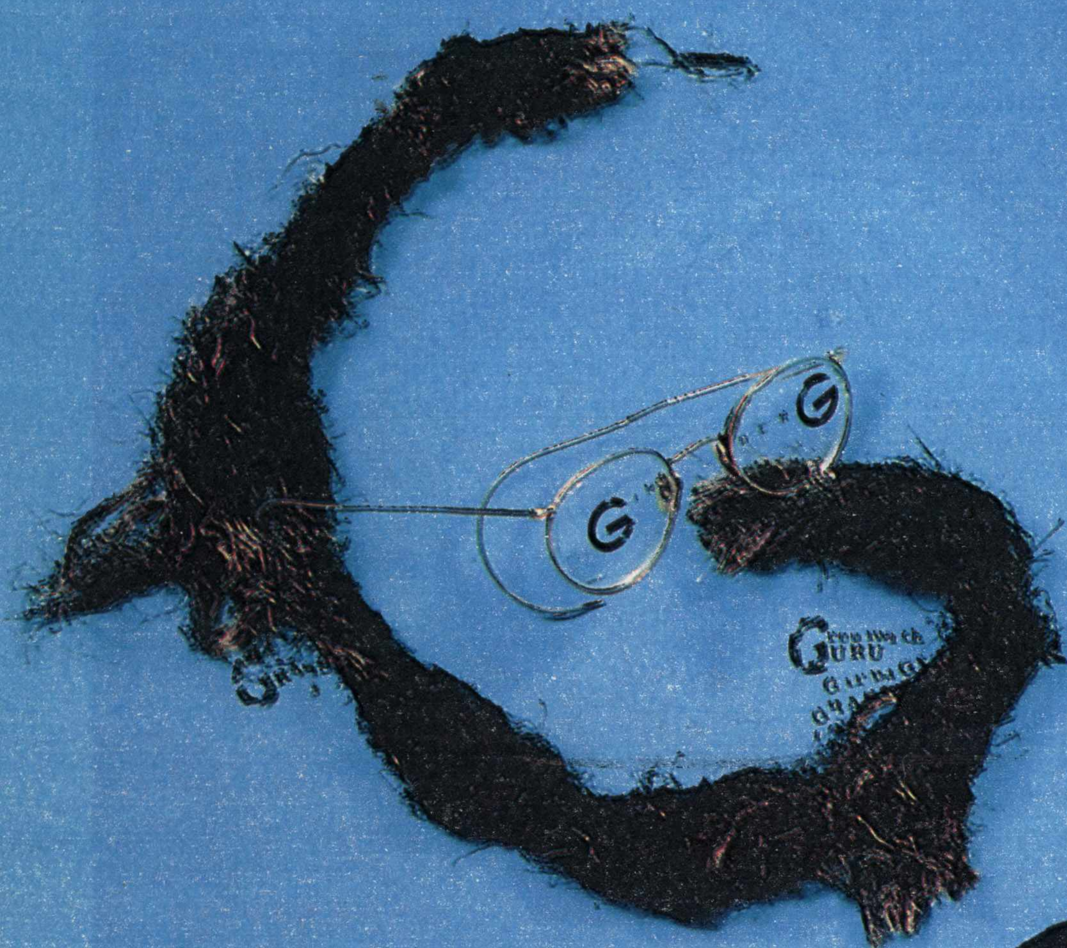

■ По вкладу до востребования по-прежнему выплачивается доход в размере 2% годовых.

Однако только этот вид вклада позволяет совершать многократные приходно-расходные операции, а также использовать вклад для выполнения безналичных расчетов.

СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЙ БАНК РСФСР ОБЕСПЕЧИТ ВАМ ПОСТОЯННУЮ ПРИБЫЛЬ!

ДОХОДЫ ПО ВКЛАДАМ В УЧРЕЖДЕНИЯХ СБЕРБАНКА РСФСР НЕ ОБЛАГАЮТСЯ НАЛОГОМ

INSBERG

Плакат А. ВОЗНЕСЕНСКОГО

БИТНИКИ

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

На своих поэтических вечерах, сложив по-дзен-буддийски ладони, он медитирует вместе с аудиторией, выдыхая гулко нутряное обращение к духу и Богу: «Ом-ом-ооомм...» Вот уж кто созвучен нашему термину «видеом»!

Аллен Гинсберг, лохматый, как шмель, идол масс-медиа, гуру, теперь уже классик,— родоначальник и вождь битничества, явления, без которого невозможно познать духовную жизнь и культуру Америки последнего полувека. Да разве только Америки? Где только мне не довелось с ним выступать, помимо США,— в Мельбурне, Париже, Берлине, Сеуле, Риме, Амстердаме, etc, etc. Увы, только почему-то не в Москве! И всегда на него ломится своя, неподкупная, главным образом молодая и с проседью шестидесятников, аудитория, воплощающая духовную мысль, а то и совесть страны.

Полуграмотные охранители, и туземные, и наши, эпатированные непереводимыми терминами «фак» и «щит», введенными поэтом в тексты, не хотят замечать, как в глубинах его бунтарского, сленгового, сильно ритмизированного духовного стиха просвечивает классическая культура У. Блейка, его бога, Э. А. По, Эзры Паунда. Когда он одевался в черную прозодежду и улично эпатировал эстраду, эта Культура стояла за ним в глубине сцены. Сейчас, когда он носит смокинг (правда, как он оправдывается, купленный по скидке), за ним стоят стихия нынешней речи, современность. Из русской поэзии он знает не только Мандельштама, но и Клюева. Я нарочно завел его на разговор о Прусте, видеом которого сооруդил из лупы, и постмодерне, который наши интеллектуалы ныне открыли для себя. Новая культура вырастает из традиций.

Смысл движения битничества, рожденного молодыми американскими интеллектуалами, профессорами, «антибуржуазными» эрудитами, до сих пор малоизвестен нашему, даже образованному, читателю. Книги Керуака, У. Борроуза, да и самого А. Гинсберга не изданы у нас, несмотря на всю нашу гласность и кооперативность. А без них, повторяю, мы будем слепы в вопросах мировой культуры, которую стремимся понять. Вот почему мне пришла мысль попросить Аллена наговорить для «Огонька» магнитофонную пленку, рассказав об этом, еще закрытом для нашей аудитории пласте. Он согласился. Спонтанность речи сохраняется в тексте. Чтобы сэкономить место, я убрал из беседы мои пассажи, оставив лишь речь гостя. Получился монолог.

Теперь о портрете самого героя на вкладке. Портрет размером один метр на полтора. Я нарисовал, вернее, слепил его из жженой веревки с натуры в Филадельфии, куда Аллен приезжал читать английские переводы на моем вечере. Голубой фон воплощает любимый для Аллена небесный цвет, цвет Вечности. Что касается очков, то поэт любезно предоставил мне свои. В целях реализма. Черные наручники, похожие на буквы «G» в фамилии поэта, куплены мной там же. Информация о «250 000 наручников», заказанных в предчувствии путча, создала впечатление, будто они существуют лишь у нас в стране. Увы, в мировой цивилизации есть свои ограничения, запреты, цепи, табу. И художник разрывает их. Автор фотографии, публикуемой журналом, Леонид Любяницкий — известный нью-йоркский фотохудожник. Надпись «Солт» на банке с солью является собой игру слов. «Солт» одновременно означает «Договор об ограничении стратегических вооружений». Отсюда державная серьезность персонажа...

На прежние видеомы продолжает поступать много писем. После публикации в «Пулях августа» воспоминаний В. А. Карамзина о Гумилеве пришло письмо от томского прозаика В. Н. Макшеева: «Будучи еще мальчишкой, я узнал В. А. Карамзина. Жил он в эмиграции в Эстонии (как и мой отец), в марте 1941 года был арестован, а в июне расстрелян в Таллинне. Так что пуля чекистов не миновала и его... Жена его, Мария Владимировна, знававшая Бунина и сама писавшая и печатавшая стихи, умерла в 1942 г. в ссылке на Васюгане. Там, в ссылке, умерли моя мама и шестилетняя сестренка. Вот уже несколько лет я предпринимаю все возможное, чтобы поставить на уцелевшем клочке этого кладбища памятник погибшим на Васюгане спецпереселенцам...»

Бог Вам в помощь, в святых Ваших трудах, Вадим Николаевич, да помогут и люди тоже...

Но вернемся к беседе гостя нашей вкладки.

Аллен Гинсберг отзывчив на людскую боль, особенно остро реагирует на любое подавление личности. Поэт исповедует идею художнического братства. Я бы назвал это метафизической страной интеллигенции, которая едина, несмотря на географические границы. Как и другие наши поэты, я давно дружу с Алленом. В тяжкие минуты он всегда помогает. Помню, в Лондоне во время знаменитого чтения в Альберт-холле, первого мирового съезда поэтов, советский посол запретил мне читать стихи. Тогда Аллен читал мои стихи вместо меня. А я молча сидел на сцене. В другой раз, когда меня уж очень здесь прижали, он пошел пикетировать советскую миссию ООН в Нью-Йорке в защиту поэзии. Он давал кров Сосноре, опекает наших сегодняшних молодых поэтов.

Помню, после премьеры «Юноны» и «Авось» состоялся прием в снятом по этому случаю ресторане «Максим», куда набился «весь Нью-Йорк» — художественная и политическая элита страны. Я пригласил, конечно, и Аллена. Приглашения были на два лица. «Можно я приду с другом?» — спросил он. Утром — телефон. Звонит Д. А. Пригов, мэтр отечественного концепта, оказывается, он в Нью-Йорке. «Меня позвал Аллен, вы не против, если я прибуду?» Оказалось, что Д. А. Пригов уже месяц живет в квартире Гинсберга. Аллен показывал русскому поэту город, помогал с организацией выступлений, изданиями — он откликается на все интересные явления в поэзии — у нас ли, в Европе ли, в Китае.

Придя в плеяде 50-х, поиграв за команду битников, почему и в 60-е, и в 70-е, и ныне поэт собирает самую большую аудиторию, почему он гуру молодых? Наверное, потому что он — поэт, личность, потому что он разрывает наручники. Есть некая литературоведческая «совковость» в привычке упаковывать индивидуальности художников стадно — по поколениям, по классовости, по гражданству — этот «певец военных будней», тот — «среднерусской возвышенности». Но какому поколению принадлежат Блок, Эзра Паунд? а Будда, а Христос — выразители какого поколения?

С юных лет я исповедовал идею «вертикального поколения», общности не по анкете, а по таланту, по духу, за что и был бит номенклатурой, которая к делению на поколения и партийности относилась свято, как милиция к прописке. Для Лермонтовых же всех поколений Пушкин ближе, чем Мартынов, его анкетный тусовщик. Стихотворцы уходят вместе со всем временным, поэты остаются для всех. «Нет, никогда, ничей я не был современник»,— повторял О. Мандельштам. «Современник всех»,— вторит ему А. Гинсберг, вечно актуальный поэт Америки.

Хочется, чтобы эта публикация в «Огоньке», по сути, первый серьезный выход поэта на нашу аудиторию, пробила стену невнимания наших издателей к нему. Глядишь — и книга последует.

Приведу свой перевод, который ему нравится. Мы читали с ним эти стихи в Сент-Джорджевском соборе, собирая средства голодающим Бангладеш. Думал ли я тогда, что теперь мир будет собирать помощь, спасая от голода нашу многострадальную страну?

Аллен ГИНСБЕРГ

ГОЛОДНАЯ ДОРОГА

**Горе прет по Джессорской
дороге,
испражненьями отороченной.
Миллионы младенцев в корчах,
миллионы без хлебной корочки,
миллионы братьев без крова,
миллионы сестер наших кровных,
миллионы отцов худющих,
миллионы матерей в удушьях,
миллионы бабушек, дедушек,
миллионы скелетов-девушек,
миллионам не встать с циновок,
миллионы стонов сыновьих,
груди — выжатые лимоны,
миллионы их, миллионы...**

**Осень прет по голодной дороге.
Скелет буйвола тащит дроги.
Скелет — девочка. Скелет —
мальчик.
И скелет колеса маячит.**

**Мать на корточках молит
милостыни:
«Потеряла карточки, мистер!
Обронила. Стирала в луже.
Значит — смерть. Нет работы
мужу».
В меня смотрят и душу сводят
дети с выпученными животиками.
И Вселенская Матерь Майя
воет, мертвых детей вздымая.**

**Почему я постыдно сытый?
Где ваш черный, пшеничный,
ситный?
Будьте прокляты, режиссеры
злого шествия из Джессора!..**

**По сегодняшней страшной
дороге
горе тащится в безнадеге.
Миллионы теней из воска,
и сквозь кости, как сквозь
авоськи,
души скорбно открыты взору
в толпах голода и позора...**

**А в красивом моем Нью-Йорке,
как сочельниковская елка,
миллионы колбас в витринах,
перламутровые осетрины,
миллионы котлет на вилках,
апельсины, коньяк в бутылках,
поволока ухи стерляжьей,
отражающаяся в трельяжах,
стейк по-гамбургски, семга,
устрицы...**

**А на страшной сегодняшней улице —
миллионы младенцев в корчах,
миллионы без хлебной корочки,
миллионы, свой кров утратив,
миллионы сестер и братьев.**

Аллен ГИНСБЕРГ

ПЕРВАЯ МЫСЛЬ — ЛУЧШАЯ МЫСЛЬ

Эксклюзивно для «Огонька»

НАЧАЛО

Битничество — прежде всего литературное движение, начавшееся где-то в 1944—1945 годах, когда вдруг встретились Джэк Керуак, Вильям Борроуз, я и еще некоторые из наших друзей, которых мы знаем до сих пор. Борроуз уже тогда писал, Керуак был уже поэтом и писателем, написал несколько книг. Мы были еще молодыми. Я тогда писал очень традиционные стихи. Но в течение нескольких последующих лет мы начали экспериментировать с понятиями дружбы, чувством общности, новым видением, новым сознанием — мы пользовались такими терминами еще в 1944—1945 годах. Мы читали тогда Рембо. Борроуз дал нам Шпенглера с его циклами истории, упадком Запада. Много из Достоевского, много из Кафки — это я все читал в старших классах. Керуак тоже. Мы прочли «Идиота», «Подростка», «Бесов». Керуак представлял себя кем-то вроде Дмитрия из «Братьев Карамазовых», я был как бы Алешей или Кирилловым, а Борроуз, возможно, Ставрогиным. У нас у всех были идеи, опасность сатанинских жерновов, жерновов разума, агротехнологии... Это был поиск более открытого сознания, исследование границ сознания. Керуак горел искусством. Борроуз экспериментировал с морфием и вскоре, к несчастью, втянулся. Керуак попивал, мы все понемногу покуривали марихуану, года с сорок пятого. Все это было незаконно в те времена, мы ужасно боялись даже шепнуть друг другу об этом. Все музыканты курили, большинство черных, интеллигенция, проводили эксперименты с разумом: у Керуака было новое видение, близкое к страстным, святым исканиям героев Достоевского — заглянуть друг другу в глаза, обменяться душами, понять друг друга, найти священную правду.

Тогда уже взорвали атомную бомбу, были секретные взрывы в сорок четвертом или сорок пятом. В том же году изобрели ЛСД, были вскоре написаны книги о мескалино, Хаксли написал одну из них. К пятидесятому Керуак уже написал свою первую, я бы сказал, постмодернистскую провидческую прозу.

Самый молодой из нас, Грегори Корсо, научился читать в тюрьме, научился читать литературу. «Отверженные» Виктора Гюго, по его словам, были истинным даром для осужденного.

К тому времени мы уже были группой, Керуак уже написал «В дороге», а я — мои ранние стихи, это был 1953-й. Мы встретили Уильяма Карлоса Уильямса и переписывались с Эзрой Паундом. Многие новые поэтические авангардные группы порвали со старыми, негибкими, застоявшимися стихотворными формами и экспериментировали со спонтанным письмом. Первая мысль — самая лучшая! Буддизм, практика медитации, психоделики, открытые формы стиха, а не закрытые, не с арифметически точной рифмой. Мы делали изыскания в духе Уолта Уитмена.

В те годы было много леворадикальных групп, маоистов и т. д. Кое-кто по невежеству нас путал с ними. Когда на Вознесенского в Кремле кричал председатель КГБ, что тот — битник, потому что в Кремль заявился без галстука, в свитере, он тоже считал, что битники — политически подрывной элемент. Так же считали и наши дуболомы. Но мы были не политическим, а духовным движением.

Мой отец был поэтом, он понимал поэзию. Это было наше семейное занятие. Керуак был из Нижнего Массачусетса, происходил из фабричной среды, его мать работала на обувной фабрике. Борроуз — аристократ. Я — еврей. Моя мать родом из Витебска. Керуак был двуязычным, его родной язык — французский. Корсо — смешанной крови, его мать — еврейка, а отец — итальянец, чистых итальянских кровей. Как бы там ни было, мы все оказались вместе. Керуак написал в 1957 г. книгу, где героем был поэт Гарри Снайдер — такой с длинными волосами, в дорожных ботинках и с рюкзаком, с котелком для готовки, который ходил по лесам, как индеец. Это все называли рюкзачной революцией, это описано в «Дороге». Городские ребята отправляются на природу, чтобы после отвлеченностей радио, телевидения, кино, школы по-настоящему увидеть Америку. И они идут на Юг, чтобы увидеть черное население. Таким образом, начало пятидесятых — поворотный пункт, когда все личные мысли становятся общественными, а с 1945-го — духовное освобождение, потом освобождение слова от цензуры в 1950—1955 гг. В 1955—1962 гг. слово идет к читателю.

Короче, я бы определил бит-поколение как духовное движение, направленное на расширение границ сознания, возврат к более нормальному, менее шаблонному, не городскому сознанию с девизом из «В дороге» Керуака — «Земля — штука индейская». Позднее оно развилось в гораздо более усложненное экологическое, гораздо более усложненное буддистское направление.

КОРОЛЬ ЧЕШСКОГО МАЯ

В 1965 г. меня выдворили из Гаваны за критику политики, потом, через 4 месяца,— из Праги за то, что я был битником, за то, что студенты на карнавале меня выбрали Королем мая. Тогда же, 26 апреля 1965 г., за четыре дня до выборов, или за пять дней, меня выслали из Праги за критику советской марксистской бюрократии.

Сейчас я что-то расскажу. В 1990-м, через двадцать пять лет, я вернулся в Прагу для выступления в университете.

Мне назначили переводчиком одного студента, который возглавлял студенческое движение во втором по величине университете страны, Оломоуце, в Моравии. Он был скромно, незаметно влюблен в мою жизнь. Студент этот был очень приятен. Когда он, за четыре года до этого, служил в армии и ему было лет 18, он прочел мою поэму «Вой», и мои умонастроения изменили всю его жизнь. Он был среди инициаторов ноябрьских студенческих событий. На съезде студентов он выбежал вперед, объявил, что является представителем студенческого забастовочного комитета, и предложил голосовать за или против забастовки. Насколько помнится, 5950 студентов голосовали за забастовку, а пятьдесят студентов были против забастовок. Потребовалось колоссальное напряжение. Никакого забастовочного комитета не было, просто он хотел провести голосование. По-моему, это очень мужественный поступок.

Меня очень интересует, какая литература может так повлиять на молодого человека, чтобы его взгляды изменились, сделать его более активным. Что бы еще можно было назвать? Я спросил его. Из русских он назвал Хлебникова, из более поздних — Вознесенского. Нет, не Маяковского, он понимал, что с ним не так просто. Из французов — Рембо.

«Момент вечности священен уже по своей природе»... Это говорил мне Гавел. Это он говорил и Лу Риду. Это было опубликовано в январском выпуске журнала «Музыкант» в 1991 г. В Праге тогда образцом считались Лу Рид, Энди Уорхол, бархатное подполье, «Фагс» — американская политическая, сатирическая рок-группа, Сандерс, Каппербергеp. Стивен Сандерс возродил в восьмидесятые и девяностые бит-песни под гитару. Пражане подражали «Мазерс оф инвеншн» Фрэнка Заппы и, конечно же, Дилану, Битлзам, мне и Керуаку, бит-поколению, Борроузу. Музыка их была очень интересна, но полиция их запретила. Тогда они давали концерты в загородных церквах, амбарах. Они делали записи даже на чердаке и в подвале Гавела, и он знал их, писатель Вацлав Гавел. Потом они были арестованы и их судили. Гавел, как друг, присутствовал на суде и был взбешен тем, что там происходило. Поэтому он начал писать прошения в конце семидесятых, и группа впоследствии стала известной как «Обвиняемые 1977 г.». Это они организовали политическую группу и волшебный театр в Праге. Гавел в своих разговорах с музыкантом Лу Ридом, со мной и другими подчеркивал, что своим происхождением бархатная революция в Праге во многом обязана англоязычной культуре и искусству, громадным рок-н-ролльным афишам, которые он видел в Америке в 1958 году.

ПРУСТ, КЕРУАК, БОБ ДИЛАН

Одно качество особенно интересно у Пруста — множественность сознания. То есть в одном предложении он мог от висячих садов Вавилона, через множество разных образов и ассоциаций перейти к черным мерцающим воронам здесь на жалюзи. И все — в одном длинном, громадном подвешенном предложении. Пруст мог объединять много разных и одновременно взаимосвязанных мыслей. Керуака это интересовало. Длинные, протяжные прустовские предложения напоминают стиль Керуака. Пруст в переводе на английский звучит сбалансированно и очень интересен синтаксически. Керуаку тоже присущи длинные, протяженные согласования мысли. Керуак часто прерывает одну мысль другой, пользуется тире. В этом есть некоторые спорные драматические удобства или условности: Керуак пытался добиться сходства и чувства живого разговорного американского языка, как в дружеском разговоре, взволнованной беседе, длинном воспоминании, начинающемся где-то в детстве, вместив все в одно длинное, в параграф, предложение, и заканчивающемся в старческом, беззубом возрасте — примерно таком, какое я только что выдал.

Керуак — мой учитель. И Боба Дилана тоже. Это Керуак привлек его к поэзии. Кто-то дал ему томик стихов Керуака в 1959 году, «Мексико сити блюз», а в 1965-м он мне рассказывал, что... ему стало грустно. Я спросил, почему. «Потому что это была первая книга, которая говорила со мной американскими словами в американском ритме».

Дилан — большой поэт. И с возрастом становится еще больше, точнее.

ПОСТМОДЕРН

Что сказать о постмодернизме, который в России наконец для себя открыли?

Одно из направлений постмодерна основывается на интуиции, коллаже, традициях дзэна у Эзры Паунда и Уильяма Карлоса Уильямса, на спонтанности мысли, нелинейном, образном (гештальт) мышлении. «Первая мысль — лучшая мысль». Другое направление — сверхрационалистическое, гиперидеологическое, гиперсемиотическое, неконструктивное.

Современный интеллектуал частенько писал по марксистским пуританским канонам. Многие поэты нового языка склонны к этому прежде всего как к защите от капиталистического или социалистического промывания мозгов или от средств массовой информации. Сегодня ни у кого нет больше прав иметь чувства, потому что чувства все отравлены телевидением, и, вместо того, чтобы чувствовать, пишешь длинные эссе о том, как твои чувства отравлены. А эссе эти слишком отвлеченные, много теории, еще одно повторение фрейдизма.

Но...— ... «первое слово — лучшее слово!». Смысл постмодернизма в том, что он больше не зависит от линейной, словесно-логической сюжетной линии, но может как бы выдыхать одновременные восприятия: вот, мы сидим здесь, твоя рубашка белая, я слышу шум ксерокса, солнце светит и пляшет на небоскребах Юнион-Сквер, на столе лежит монетка, и я воспринимаю все это и заключаю все в одном моменте восприятия, а не говорю, что я сижу здесь с русским поэтом Вознесенским, а я сам — американский поэт. Мы сидим тут в «Челси-отеле» и разговариваем, обсуждаем... что люди голодают в Бангладеш, и у меня болит нога. Включаются не только идеи, но

и физическое окружение. Керуак — постмодернист в том смысле, что он включал в повествование не только линейные намерения или содержание книги, но еще и мысли и ассоциации, посещавшие его, когда перо бежало по бумаге. То есть он не закрывал свой ум, а открывал его. Кейдж всегда открывается, чтобы включить все, но в этом смысле он иногда скучен. Сама идея очень интересна, раскрепощает других, но может быть и очень скучна.

НИ КОММИ, НИ КАПИ!

Я как-то сказал в Праге: все выдумки капитализма о коммунизме — правда, так же как и выдумки коммунистов о капиталистах.

Прежде всего наивна идеализация рынка, свободного предпринимательства. В Америке ведь нет абсолютно свободного рынка, свободного предпринимательства. У нас очень высок уровень обеспокоенности, страха, суеверия. Что нужно делать, не знаю. Эта проблема вне капитализма или коммунизма. Проблема в Сверхтехнологии, которая так оплела и взаимосвязала всех и вся, что никому не под силу додуматься, кто с кем связан и кто контролирует кого. А еще проблема перенаселенности. Перенаселенность сама по себе — ужас современного мира. Вот недавнее бедствие в Бенгалии: люди должны жить на безопасной земле, но из-за того, что Бенгалия перенаселена, люди живут в любой экологической нише, которую им удается найти, даже в той, которая небезопасна... Поэтому-то вопрос этот вне капитализма или коммунизма. Не знаю, что делать. Мы можем потерять планету, люди должны осознавать это. Если бы у меня были возможности диктатора, я бы начал с того, что назначил Конгрессу исследовать и изобрести все виды обновляемых источников энергии, чистых источников.

Не знаю, что делать с гипертрофированной военщиной во всех странах — все это базируется на давлении на население, на массовой паранойе, жажде власти. Средства от этого нет, только разве психологическое, такое, как самоанализ и медитация. Единственное средство от этого — децентрализованный анализ каждого каждым, гражданина гражданином, товарища товарищем, сестры сестрой. Нет закона, который бы запретил людям быть жадными, агрессивными, забыть тревоги. Поэтому меня так интересует буддистское образование, эта реальная ниша. И, конечно же, демагоги от социализма и свободного рынка смешны.

Почему я не выдвинул свою кандидатуру в Конгресс или Сенат? Достоинство моего положения в том, что я не политик. Я остаюсь свободным. Мой тибетский гуру однажды сказал мне: никогда не стремись стать президентом, потому что если ты им станешь, то обретешь бриллиантовый ад. Ведь алмаз — самый твердый, самый неподдающийся в любой своей плоскости.

Эволюционное развитие всегда было направлено на децентрализацию, расхождение, а не на монокультуру. Потому что монокультура может быть разрушена, ее может уничтожить одна болезнь, одна катастрофа, нужно иметь максимальное разнообразие и баланс разных форм, разных экологических ниш. Для того, чтобы избежать полицейской бюрократии, фашизма, коммунизма, капитализма, сверхцентрализации, полоскания мозгов, нужно как-то децентрализовать средства связи. Но дело-то в том, что сейчас все так взаимосвязано, что централизация нужна тоже, чтобы справиться с перенаселением. Из-за этого нужно иметь мгновенную информацию, быстроприготовляемую еду. Но из-за того, что мгновенная информация требует контроля каналов связи, нужна децентрализация. Как это все совместить?

Периферия может обмениваться информацией без центра, но вопрос в том, как выживет весь организм. Мир может быть перенаселен, может быть просто неуправляем. Я не знаю, может быть, в силах помочь социальная инженерия, чтобы избежать проблем контроля и одновременно проблем анархической агрессии снизу? А стихия улицы, опасность еврейских погромов, кражи? Это тоже имеет Россия, как и другие государства, дети других народов, другие прекрасные культуры, которые были подавлены или разрушены центральным управлением.

Говорят, в России открываются свободные издательства. Что?! Даже Генри Миллера напечатали? Неужели?! Помню, мне клялся Сагателян, работник Союза писателей, что Генри Миллера никогда не издадут. Он так был самоуверен, что я даже испугался.

Что посоветовать вам напечатать еще?

Из французов — конечно, Антонина Арто. Из американцев — «Завтрак голышом», поэзию Керуака, которая повлияла на Дилана, почти все из него. Я бы назвал Берроуза, себя, Керуака, Снайдера, О'Харру и Крили.

Может быть, потом я вспомню что-нибудь еще. Но первая мысль — лучшая мысль!

ДИОКСИНОВОЕ БЕЗУМИЕ

Сквозь завесу секретности, окутывающей наше химическое производство, прорываются сообщения о наступлении на цивилизацию одного из самых сильных рукотворных ядов.

Нынешней весной мы были свидетелями паники, охватившей городской Совет Чапаевска, города — заложника оборонного и химического ведомств. Депутаты узнали о появлении в питьевой воде диоксина. Но что это такое? Яд? Какой, откуда появляется? На подобные вопросы не удавалось получить толковый ответ не только в Чапаевске, но и в Москве, пока не встретились со специалистом — автором предлагаемой читателям статьи.

Лев ФЕДОРОВ,
доктор химических наук

Сразу оговорюсь, это не отравляющее вещество, находящееся на службе у военных и до поры до времени ждущее генеральских приказов. Нет, это вездесущий техногенный яд, наступающий на цивилизацию отовсюду и потому требующий о себе полного знания.

Хотя диоксин и является самым сильным ядом, опасен он не только и не столько в больших дозах, встретиться с которыми вряд ли кому доведется (разве что в некоторых наших хлорных производствах). Страшен диоксин своими отдаленными последствиями, которые вызываются микроколичествами, а знакомство с ними водит большинство из нас. Среди этих последствий — серьезное снижение иммунитета у людей против вирусных инфекций, этакий вялотекущий СПИД. Обладает диоксин и выраженными мутагенными свойствами, так что генетических последствий диоксинового нашествия человечеству не миновать.

Первая химическая война нашей цивилизации случилась в начале века в Европе (иприт, фосген, кто же не помнит об этом), а последняя закончилась в 1971 году во Вьетнаме. Часто полагают, что вьетнамцы пострадали в ней лишь от гербицидного оружия. Однако это не совсем так. В действительности, применяя в борьбе с партизанами пресловутый гербицид «эйджент орандж», американская армия — пусть непреднамеренно — проверила боевое действие и диоксина тоже. Он наличествовал в десятках тысяч тонн гербицида в виде ничтожной примеси (всего на Вьетнам было выброшено «лишь» 170 килограммов диоксина). О нем — официально — не знали, но и этой примеси хватило, чтобы констатировать, что полномасштабные испытания нового химического оружия состоялись. Во всяком случае, всплеск детских уродств и появления на свет мертворожденных, который познали матери Вьетнама,— это память о той войне.

С тех пор утекло много воды. Мир осознал опасность диоксинов (всего их 210, из которых 17 — самые токсичные) и содрогнулся. С 1968 года эта тема попала на страницы зарубежной печати и больше с нее никогда не сходила. И вот почему.

Смесь двух гербицидов, составивших боевую смесь «эйджент орандж», не только проходила боевое крещение во Вьетнаме, но и познала мирную ипостась. В виде отдельных компонентов она легла на миллионы гектаров сельских полей десятков стран.

С 1977 года стала очевидной универсальность этой беды. Выяснилось, что диоксины активно рассеиваются по улицам городов не только промышленными, но и обычными мусоросжигателями.

Так сомкнулись под крышей одного несчастья село и город.

К чести западной цивилизации — не о нас речь — отнеслась она к этой масштабной экологической напасти как к серьезнейшему вызову. И поступила адекватно.

Боже, сколько было шума, когда в 1976 году в ита-

льянском городке Севезо промышленная фирма случайно обрушила диоксин на ничего не подозревающее население. Слово «обрушила», может быть, покажется слишком сильным: по понятиям наших химических носорогов, «всего-то» было выброшено 2—3 килограмма этого суперъяда. А ведь закончилось это в Италии и полномасштабным обеззараживанием территории, и сносом завода, и тщательным уничтожением бездны всякого имущества, и даже отдачей руководителей фирмы под суд.

Ответ всех цивилизованных стран (не одной лишь Италии) на диоксиновый вызов, сформулированный в виде системы жестких и крупномасштабных контрмер, был такой, будто они собрались по меньшей мере обороняться от марсиан. Кстати, в 1985—1988 годах этим вызовом занималась специальная группа НАТО. Кончилось это не только многопудовым набором томов, но и рекомендациями, скрупулезно исполненными всеми цивилизованными странами. Первая американская антидиоксиновая программа, между прочим, началась еще в середине 70-х. Потом были другие и в других странах. То, что происходит в США сейчас, называется «диоксиновой стратегией» и реализуется по прямому заданию конгресса.

В общем, сейчас на Западе серьезные диоксиногенные технологии доживают последние дни. Остались отходы, скопившиеся в хорошо обустроенных хранилищах (у нас это обыкновенные свалки). Осталось браконьерство об руку с пиратством, когда одна страна пытается подкинуть другой диоксинсодержащие отходы. И остался богатейший опыт.

А что же на одной шестой? Вот как бы вид сверху — некоторые сугубо предварительные и очень неутешительные итоги.

В. Догужиев, председатель Государственной комиссии по чрезвычайным ситуациям павловского кабинета, был очень занят. Иначе с чего бы за последние полтора года у него так и не дошли руки до рассмотрения скромных и далеко не полных предложений диоксиновой комиссии, третьей, кстати, по счету за последние годы? И дело не в том, что ни к чему было обременять нашего бывшего товарища Догужиева этими заботами, потому как ничего чрезвычайного в советской диоксиновой проблеме не было, нет и долгие годы не будет. Диоксин — норма нашей жизни. Дело в другом. Раз уж тебе поручили дело, будь человеком — хоть что-нибудь делай.

Да и В. Гусев, верховный химик великой державы, персонально ответственный за диоксиновую ситуацию в стране, тоже не спешил. И опять не о том речь, что он все сделал, чтобы эта проблема так и не выпорхнула из-под извечного советского ковра, под которым, по убеждению Черчилля, и происходили у нас все сколько-нибудь значительные события. Строго говоря, тут Владимиру Кузьмичу не привыкать, не зря же он немало лет курировал военно-химический полигон в Шиханах в свою бытность первым секретарем Саратовского обкома.

Но ведь В. Гусев вместе с нашим главным агрохимиком Н. Ольшанским публично убеждал уфимцев, что диоксина у них в городе нет, а когда ложь была разоблачена, клятвенно пообещал честно и до конца во всем разобраться («Я понимаю обеспокоенность жителей Уфы») и помочь. Было это год назад. Нет уже Совмина СССР, постановлением которого обещали найти диоксины в Уфе. Уходя в политическое небытие, так и оставил В. Гусев уфимцев с диоксинами наедине.

Диоксиновые вещества содержатся в соволе, производимом в Дзержинске и Новомосковске несколько десятилетий. С добавкой чапаевского трихлорбензола его именуют совтол и уже в других городах заливают в трансформаторы и конденсаторы. А установлены эти электротехнические устройства в многотысячном числе с 50-х годов по всей нашей великой державе. И не дай Бог, если они загорятся — при пожаре количество диоксинов возрастет в сотни раз. Но ведь горели же, и не раз. На Западе по этой теме есть гигантская литература. У нас — одна-две скупые заметки в связи с диоксиновыми болезнями рабочих Дзержинска да событиями 1987—1988 годов на серпуховском заводе «Конденсатор».

Уфимское ПО «Химпром» производило диоксины с 60-х годов, когда оно начало выпуск обоих гербицидов, составивших на паритетной основе боевое американское гербицидное оружие «эйджент орандж». Один из них — гербицид сплошного действия — содержал просто немыслимые количества яда. За краткое время выпуска — с 1965 по 1967 год — сделано было несколько тысяч тонн, однако их следы на просторах родины чудесной теряются. Во всяком случае, бывший химический министр В. Лемаев не захотел отвечать на вопрос о направлениях поставок. И зря, потому что мы до сих пор не знаем, где именно находятся десятки тысяч гектаров полей и лесов, на которых было испытано сплошное действие того гербицида, и где до сих пор находятся залежи сопутствовавшего ему диоксина.

Остановила то производство разразившаяся эпидемия профзаболевания. Всего пострадало более 200 человек, и у большинства из них наблюдался характерный признак острого диоксинового поражения — болезнь хлоракне. Несколько лет пострадавшие оставались в поле зрения уфимских врачей-косметологов, которым о диоксине никто ничего не сказал, после чего были забыты.

В 1984 году о пострадавших вспомнили в Третьем главном управлении при Минздраве СССР — небезызвестном нашем ведомстве тайных медицинских дел. Это ведомство знало и о диоксине, и о группе уфимских пострадавших абсолютно все. Во всяком случае, уфимские врачи получили свыше задание еще раз осмотреть ту группу рабочих, вновь втемную, поскольку и на этот раз им в Третьем главном управлении не сказали о диоксине ни слова. Результат был ошеломляющий — из 39 осмотренных рабочих без болезней оказался один, зато у остальных все болезни были разными. А ведь пришли эти люди на завод в 1964—1965 годах сразу после ПТУ, на «большую химию» пришли. Желающий может проделать собственный социологический опыт: удастся ли найти сплошь больных в любой группе из сорока человек в возрасте 40—45 лет?

А уфимский «Химпром» продолжал выдавать на-гора диоксин и дальше. Вместе с выпускавшимися веществами он перекочевывал в другие города — Рубежное (Луганская область), Первомайск (Харьковская область), Щелково (Московская область) и, как говорится, далее со всеми остановками. Конечная пестицидная продукция расползалась по хлопкосеющим и рисосеющим районам (Средняя Азия, Молдова и т. д.) и в многочисленные медицинские учреждения.

В 1988 году цех трихлорфенола был наконец закрыт (это из него диоксин переходил во всю остальную продукцию). Впрочем, «Химпром» и его научный лидер — гербицидный институт ВНИИТИГ — производят диоксины и до наших дней как примесь к другой хлорной продукции. Не буду загромождать текст мудреными названиями.

Сами уфимцы узнали о своих диоксинах лишь летом 1990 года вопреки отчаянному сопротивлению минздравов и химпромов-агрохимов всех мыслимых уровней. Букет диоксинов, найденный в их реках тогда, в пору «фенольной драмы», вполне подойдет для иллюстрации будущих учебников по диоксиновым катастрофам. В паводок следующей весны уфимцы искали эти яды вновь, на этот раз без фенольного фона — и снова с «успехом». Портрет диоксинов, найденных в реках Уфы весной 1991 года, однозначно продемонстрировал все три источника, три составные части диоксинового загрязнения города — старые «запасы» со свалок, сбросы действующих цехов, ну и ежедневную работу печи сжигания хлорных отходов. И все это было всегда.

Вернемся, однако, к Чапаевску, который дал повод для этой статьи. Местный завод химических удобрений выпускает диоксинсодержащую продукцию с середины 60-х годов до наших дней. В конце 60-х и в конце 70-х годов там появились две большие группы работников, пострадавших от яда. Первую несколько лет изучали врачи-гигиенисты из Нижнего Новгорода. Вторая оказалась не замеченной и ими. Москва безмолвствовала. О своем диоксине жители Чапаевска узнали недавно, когда ученые из Обнинска нашли его в питьевой воде. Причем вода та была не речная, как в Уфе, а артезианская. Минздравы после этого затихли и вели вялую переписку с Государственной комиссией по чрезвычайным ситуациям, а «Агрохим» делает отчаянные пассы в попытке вновь замести мусор под ковер. Теперь диоксины в Чапаевске нашлись уже и в городской пыли.

В Новочебоксарске в одном из цехов ПО «Химпром» (это уже Миннефтехимпром) в 1974 году произошел гигантский пожар. О существе выпускавшейся здесь продукции не было известно ни тогда, ни в наши дни ничего. Знаем только — хлорная и фосфорная. Специалист, сумевший выступить в местной печати лишь в нынешнем году, квалифицировал это событие как «диоксиновую катастрофу». Во всяком случае, именно после этого в Миннефтехимпроме начали учиться измерять диоксины.

Переходя от частного к общему, заметим, что диоксины у нас выдают на-гора не только предприятия химического, агрохимического и электротехнического профиля (оперирующие к тому же архаичными хлорными технологиями). Нельзя не помянуть в связи с этим многочисленные заводы целлюлозно-бумажной промышленности (тоже наследство товарища В. Гусева). В 1985—1986 годах американцы и шведы нашли, что эти яды рождаются при производстве бумаги, в момент обработки древесной массы хлором. Дальнейший их путь к человеку очевиден. И реакция Запада — тоже. Там заканчивают переход на недиоксиногенные технологии. Ну, а мы расходуем хлора на отбеливание бумаги в 4—5 раз больше, чем в любой другой стране в диоксиновую эпоху.

А вот другая отрасль. Год назад заместитель министра металлургии Л. Радюкевич в ответ на очередной «диоксиновый шум» ответил, что, «по оценке специалистов министерства, на предприятиях отрасли не используются технологии, продуцирующие диоксин». Это он зря. Весь металлургический мир уже нашел у себя диоксины — придется найти и нам, поменяв, быть может, специалистов и освободившись от некомпетентных руководителей.

А еще работают у нас мусоросжигатели, постепенно завоевывающие заросшие мусором города. Это из пены морской рождается Венера, а из мусоросжигателей — фосген с диоксинами. В выбросах одного из московских мусоросжигателей, при покупке которого сэкономили на второй ступени очистки, диоксины уже нашли. Нашли их и в шлаках после сжигания мусора в Киеве и Мурманске.

А что же наша гуманная медицина? В предвидении возмущения из этого стана сразу скажем, что в 1988 году Минздрав СССР попытался инициировать систему антидиоксиновых действий, оформленную, вестимо, в виде документа «для служебного пользования». Эта ублюдочная попытка появилась как бы в ответ на инициативу малочисленной группы активных людей, попытавшихся в 1987—1988 годах начать широкий поиск диоксинов в стране. «Активистам» дали по лапам, а минздравовская попытка умерла в день своего рождения. Кстати, искать диоксины по этому приказу поручили токсикологическим институтам Третьего главного управления при Минздраве СССР, которые знали об этих ядах все и не сделали для пострадавших ничего.

Что до нашей медицины, то упомянем один непреложный факт. Многочисленные группы рабочих, пострадавших в нашей стране за последние 30 лет от острого отравления диоксином, по существу, так и остались вне поля ее гуманных устремлений (и профсоюзных защитников тоже). Во всяком случае, не удалось пока найти ни одного случая объявления диоксиновых событий неинфекционными эпидемиями. Каждый пострадавший боролся за свое здоровье и свою жизнь в одиночку, ничего не подозревая ни о диоксине, ни о своих правах. Соответственно ни одна из групп не получила статуса профпострадавших (в Европе это заболевание считается профессиональным с середины 50-х). Тем более не ведется у нас диоксинового регистра пострадавших, как это принято, скажем, в США.

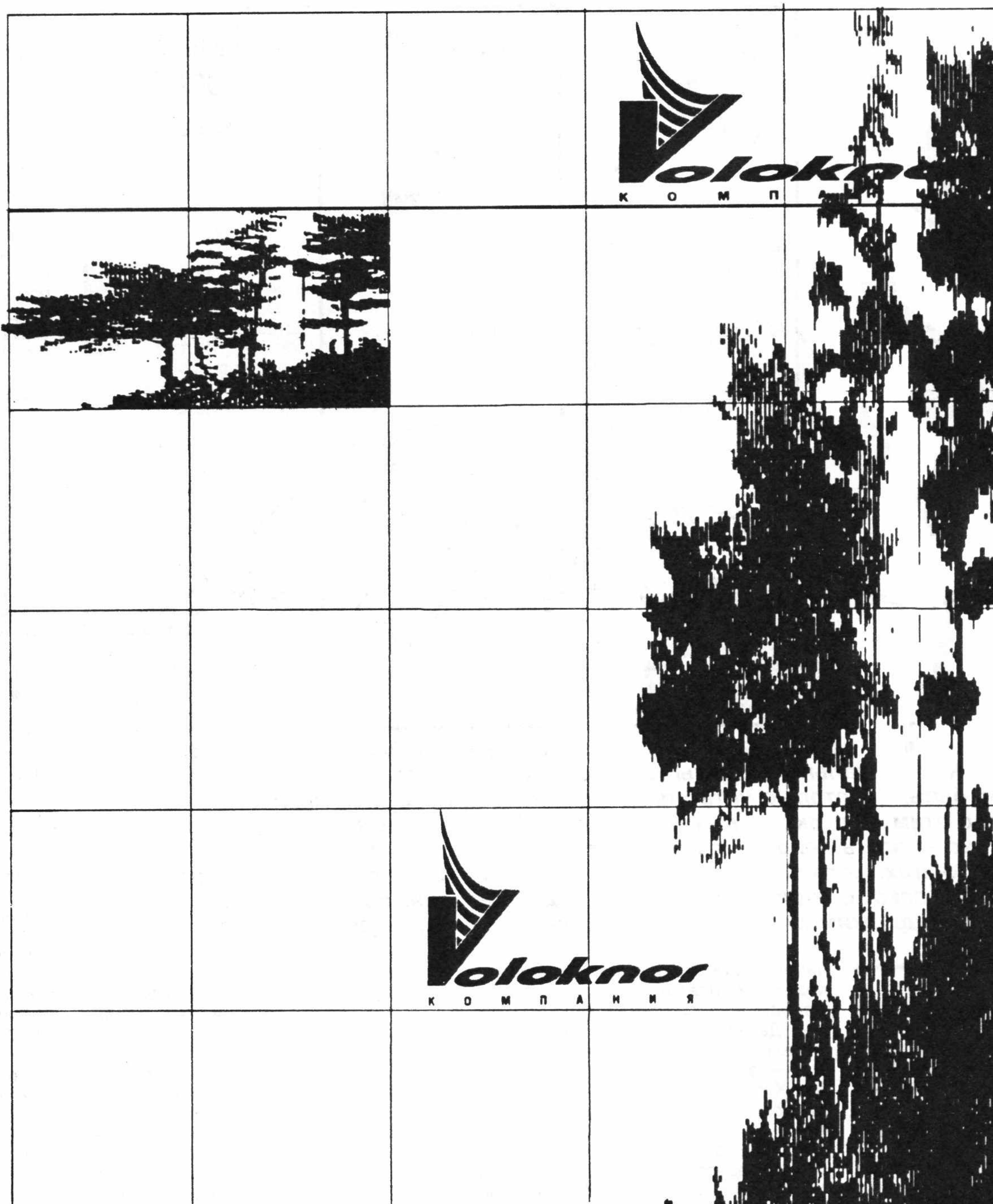
И уж совсем вершиной некомпетентности была попытка массового внедрения в лечебную и профилактическую практику советского здравоохранения тканей, пропитанных «антибактерицидным» препаратом гексахлорфеном (препарат делали на ПО «Краситель» в г. Рубежном, ткани — на фабрике в Ногинске, а исходное сырье шло из Уфы — то самое, с диоксином). Концентрация диоксина в этих тканях в тысячи раз превышала любые мыслимые пределы.

Исполнители этой варварской акции уже несколько лет как не стремятся к какой-либо известности, хотя раньше очень рвались к пьедесталу, на который раз в год выставляют лауреатов Государственной премии. Найти, однако, их несложно и в Минздраве СССР (Главное санитарно-эпидемиологическое управление, Третье главное управление и его Институт биофизики), и в промышленности (Миннефтехимпром СССР). Вопрос в другом, и для нас, к сожалению, он вполне традиционный: не знали или обманывали?

Вернемся, однако, к производству. Браконьерский подход к нему имел отрицательные последствия для окружающей среды городов. Множество промплощадок в стране загрязнено диоксинами до самой опасной степени, а некоторые просто загублены. Помимо упоминавшихся, это промплощадка сумгаитского «Химпрома», стоки которого идут не только в шламонакопитель, но и непосредственно в Каспийское море. Полностью беззащитными оказались и воздушные бассейны городов. Только за счет диоксиновых выбросов, образующихся при сжигании отходов хлорных производств, травят своих сограждан заводы Стерлитамака и Волгограда, Саянска и Усолья-Сибирского, Еревана и Калуша. Не будем заблуждаться: иначе они пока не могут. Такова технология. Но думать-то и тем более действовать обязаны.

Вот так выглядит диоксиновая история великой мировой державы, если с нее снять флер победных рапортов. Как видим, доверять серьезные технологии нынешнему поколению наших промышленных иерархов от химии столь же опасно, сколь и химическое оружие ближневосточному диктатору. Медицина наша тоже не Бог весть какой помощник в охране здоровья от диоксина. Ну, а централизованная власть себя уже показала. Когда речь идет о химическом геноциде, надежд на защиту со стороны какой-либо власти никаких. А дел предстоит много. Надобно найти в стране все зараженные диоксином места, причем заглядывать придется на многие годы в прошлое. Разыскать всех пострадавших и страдающих, в особенности от продуктов питания, каковые являются основным переносчиком диоксинов. Придется обеззараживать загубленные территории.

Дел много. Так что давайте объединяться в АНТИДИОКСИНОВЫЙ СОЮЗ и будем действовать сами. Защита от диоксинов — это не менее важно, чем антиСПИД.

Компания «Волокнор» поставляет

**качественные товары народного потребления
импортного производства,
а также оборудование
по переработке сельскохозяйственной продукции.**

Компанию «Волокнор» интересует:

**оборудование по производству строительных
материалов и морские суда сухогрузы.**

**Телефоны: 397–62–65, 392–95–68, 354–95–18,
167–19–61, 183–58–06, 528–85–24, 121–98–97,
396–02–83, 397–62–65
факс (внутренний) 395–26–02
факс (международный) 2002216 OPUS 001067
Телекс: 411700 OPUS 001067**

АГЕНТСТВО СТОЛИЧНЫХ СООБЩЕНИЙ

КНИЖНЫЙ ШКАФ

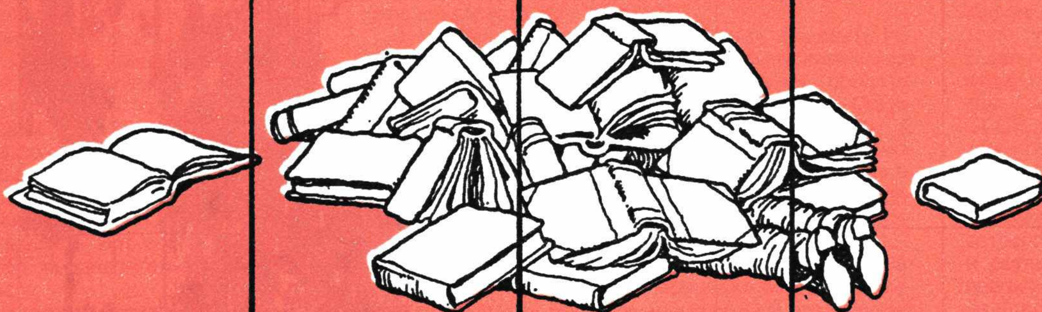
Рубрику ведет Алексей МОКРОУСОВ

«Русская красавица» вернулась

Все мы немного садисты?..

Революцию он любил как наркотик

Барков без купюр

Понятия «секс» и «эротика» вернулись к нам вместе с «перестройкой» и «гласностью». Как и демократия, они изначально созданы для всех, хотя не всем по душе... Что делать? Может быть, некоторые читатели, особенно старшего поколения, отшвырнут журнал с этим выпуском «Книжного шкафа» — с отвращением и раздражением. Тем не менее эротика — часть человеческой культуры. Книжной в том числе. Сегодня разговор о книгах, которые были изданы очень давно и не переиздавались десятилетия или даже века. О книгах, которые выходят сегодня. Если они вам не понравятся — мы предложим для вашей библиотеки что-нибудь другое. Но позже.

ЧЛЕНОМ РКП(б) ОН СТАЛ ПОЗЖЕ

Хрестоматийный Брюсов укладывается в три строчки: «придумал» символистов, издавал лучшие журналы по литературе, а в 1920-м вступил в РКП(б). Что, в конечном счете, позволило ему стать одним из самых печатаемых поэтов своей эпохи. Но среди переиздаваемых его книг не найти «Дневников», впервые появившихся в 1927 году в издательстве Сабашниковых. Тогда почти полностью был напечатан лишь дневник за 1897 — 1910 годы, более ранние записи сокращены примерно на четыре пятых — вовсе не потому, что они не интересны. Нет, в них было слишком много эротики, причем не эротических фантазий, но «эротических реальностей», утверждает Николай Богомолов, один из лучших знатоков русской поэзии начала века:

— Реальности относились и к нему самому, и к знакомым — подробно о Мережковских, кое-что о Бальмонте...

Изымались строчки как по этическим (многие еще были живы), так и по цензурным соображениям, причем одно трудно отделить от другого.

— В моем представлении Брюсов был человеком очень рациональным, идущим «от головы»,— и в своем желании стать вождем новой русской поэзии, и, наверное, в своем повышенном пристрастии к Эросу тоже?

— Да, впечатление, что все у него от головы, а не от непосредственного чувства — это видно с первых же эпизодов. Когда издавали дневники Алексея Вульфа, им дали подзаголовок «Любовный быт пушкинской эпохи». Дневники Брюсова — это «Любовный быт 90-х годов». В перипетиях его первых романов чувствуется, как все расчетливо сделано, чтобы создать впечатление декадента, человека, дошедшего до крайних пределов в ощущениях. Хотя все это было расчислено и сам он всегда мог в нужный момент остановиться. Собственно говоря, это и по поэзии его видно, но статьи тоже слишком хладнокровно написаны. В «Вехах I», статье 1905 года, изложена теория о том, что страсть — средство приобщения к миру тайн... Раньше у Брюсова поэзия открывала дорогу к сердцу мироздания, а теперь — сама любовная страсть, миг соединения влюбленных.

— Но ведь были люди, более непосредственно, живо относившиеся к Эросу,— Вяч. Иванов, Михаил Кузмин (последний вообще был гомосексуален). Насколько это влечение к Эросу характерно для культуры начала века?

— Трудно определить. Многие тексты по-прежнему неизвестны, они постоянно выплывают, и это заставляет корректировать картину в целом. Но, конечно, Эрос был осознан как одна из главных сторон в жизни именно Художника.

— Интерес Брюсова к Эросу был временным или не ослабевал и в 20-е, когда Брюсов стал коммунистом?

— Все-таки он больше головным интересом оставался. Да и стихи его чем дальше, тем все холоднее и холоднее становились, головнее и головнее. Отчасти это было связано и с его наркоманией...

— Он был наркоман?

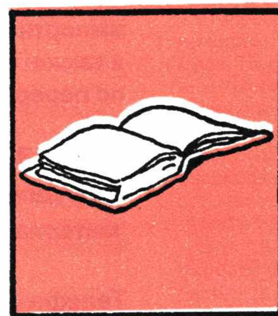
— В общем-то достаточно серьезный. Это есть и в воспоминаниях о нем, и в письмах, где он просит достать наркотики. Видно, как ему плохо без них.

— Сегодня дневники уже вполне издаваемы — цензурных или этических препятствий нет?

— Я бы и сам хотел их издать. Коечто уже подготовлено к печати. Надо только время найти... Издание Сабашниковых сделано очень неаккуратно с точки зрения текстологии. Да и почерк у Брюсова в дневниках, когда он не писал «для других», каллиграфически,— с сокращениями, неразборчивый...

— А эротические записи делались для других или для себя?

— На грани. Явно, когда их записывал, он вырабатывал в себе декадента.

СУПЕРДЕВОЧКА В ИНТЕРОБЛОЖКЕ

Появился в нашей культуре очередной «изм».

Тут и там можно встретить: классика постмодернизма, конференция по постмодернизму, поиски постмодернизма... А в «Независимой газете» четко и ясно (потрясающее словосочетание — «черным по белому»): РАЗВРАТ ПОСТМОДЕРНИЗМА.

Нельзя сказать, что к «измам» вообще я отношусь так уж отрицательно. Ну, понятно: социализм, коммунизм, капитализм — надоело. Но с другой стороны — авангардизм, сюрреализм, концептуализм... Куда от них денешься? Надо же как-то разбираться в искусстве?

В искусстве — возможно. Но вот сколько себя помню, всякие попытки исследовать литературу с помощью «измов» давали на удивление жалкие результаты. Вот и последняя «литновость»: ага, у нас есть свой русский постмодернизм! — при рассмотрении подробностей начинает выявлять некоторую рыхлость заложенной в ней информации. Открытая стилизация? смешение стилей и жанров? «цитатное» построение вещи? взгляд на человека с точки зрения его бытия в эстетике?

Набоков и Борхес, говорят, классики направления. Ну а Булгаков не классик? А у Войновича разве ***этого*** нет? А Катаев: не страдал ли старик, часом, постмодернизмом наряду с другими литературными болезнями?

Однако «разврат постмодернизма» сказано не вообще, а о вещи конкретной — «Русской красавице». Роман Виктора Ерофеева.

Роман, не появившийся в свое время ни в «Огоньке», ни в «Новом мире», ни в «Знамени» или «Октябре», ни в «Юности», ни...

Что само по себе, согласитесь, уже интересно. Единственное его русское издание — стотысячным скромным тиражом — в издательстве совместного предприятия (ух, какое чуждое «нашей» культуре словосочетание) «Вся Москва». В издательстве, быть может, сомнительном для солидного, просвещенного и — самое главное — интеллигентного читателя.

Роман, в разное время обруганный критиками ВСЕХ направлений: Игорем Золотусским («Книжное обозрение»), Натальей Ивановой («Юность»), Аллой Латыниной («Литгазета»),— а если говорить точнее, непринятый, отторгнутый, подвергшийся остракизму с самых разных, порой полярно противоположных точек зрения, точек отсчета.

Что тоже немаловажно. Ибо изданный, с другой стороны, в двадцати странах и имеющий большую на Западе прессу роман Ерофеева ТАМ подается ни больше ни меньше как исследование русской души, как продолжение Достоевского, что с наивной прямотой обнаружено в издательской аннотации: «Главная героиня... многогранное воплощение женского начала, красоты, России... Ее образ схож с образом Настасьи Филипповны из «Идиота».

Прочтешь такое — и хочется воскликнуть: ну, заявки! Знаем мы этих достоевских в экспортном варианте, этих исследователей русской души за валютные гонорары!.. И что ж, имеем право на подобные сомнения. Тем более хоть слегка зная литературную репутацию Вик. Ерофеева — лабораторного экспериментатора, холодного исследователя всяческих патологий, в котором литературовед слишком густо перемешан с прозаиком... Прозаикомпостмодернистом, конечно же.

Я не стану, в отличие от критиков-профессионалов, вытаскивать из романа наиболее вопиющие цитаты. Я не стану разоблачать автора, «нахватавшего» тем и сюжетов из «мировой литературы».

Беглый взгляд на критику и издательскую судьбу этой книжки, которую НЕ ДОСТАНЕШЬ (ну-ка, назовите мне еще хоть одну подобную книжечку из современных), которую ТАК ДОЛГО РУГАЮТ (первый «разгром» — прошлой ранней осенью, последний — нынешней поздней весной), уже достаточен, чтобы сказать определенно — читать стоит!

Стоит именно потому, что впервые за очень долгое время (в нашей стране) серьезная интеллектуальная вещь написана в русле бульварщины. По сути, «Русская красавица» — вариант «Ин-

тердевочки», вернее, ее пародирование, «раскручивание», вскрывание пластов той «чернушной» и жутко надоевшей проблемы, с которой уже сняли пенки внезапно возникшие фигуры типа Кунина. А пластов оказывается много... ой, как много. Для того, чтобы их вскрыть, необходимо пользоваться языком, свободным от табу, раскрепощенным, почти «грязным». Почему необходимо? А потому что пласты эти — сексуальное сознание, сексуальное поведение — не живут в «чистой» области нашего духа.

И будут ли?

Девушка Ира, которая всех нас видит в своем слегка воспаленном сознании жалкими, раздетыми и похотливыми (включая женщин и стариков), на протяжении романа многократно, по ее собственному выражению, «кончает».

Если слегка отвлечься от конкретного смысла этого термина, я тоже много раз «кончал» — удовлетворение от достоверности, читая «Русскую красавицу», несмотря на полную фантасмагоричность происходящего.

Борис МИНАЕВ

АХ, ЕСЛИ Б ДЕЛО В МАТЕРЩИНЕ...

Помню кое-какие детали из читанных давным-давно в школе на перемене в туалете «Воспоминаний молодой девушки»: «И тут пришел Аркадий, о котором говорили, что умеет он все на свете. У Аркадия оказался огромный ... . Он положил меня на спину и ... . Потом поставил меня ... и позвал Валерия. Они ... и ...». И так далее, в том же духе. В школьные времена такие «воспоминания», что греха таить, впечатляли. Сейчас мне думается, что писались они человеком, недалеко ушедшим в развитии от читателей — прыщавых восьмиклассников,— и если вал эротики и порнографии, который, как утверждают иные, обрушивается на наше якобы целомудренное общество, будет такого же уровня, то, ради Бога, пусть обрушивается. Ничего такой вал не подомнет, ничего не сметет. Равным образом ничего особенного не произойдет, если немецкие видеофильмы серии «Табу» (рефрен в них — постоянное «О! Гут!») предстанут перед якобы непорочным отечественным зрителем, который, по мнению одной популярной писательницы, видимо, слишком обремененной своим собственным опытом, только «трахается», а на Секс (именно с большой буквы!) — тем более на Любовь — неспособен.

Голая технология («Вставьте шпиндель в отверстие номер 3 и зашплинтуйте головку») мертва и по большому счету ни хорошего, ни плохого не несет, будь это кино, печатная продукция или что-либо еще. Ну разве повеселятся люди, да узнают нечто новое, и используют его себе на радость.

Другое дело, если автор или авторы пытаются технологичности избежать. Тогда — но далеко не всегда! — между пером и бумагой, на экране монтажного столика (где — не суть важно!), может проскочить некая искра и перед читателем-зрителем уже не голое пособие, а принимаемое или нет, признаваемое или нет произведение искусства.

Из них — и не только из них! — хотим мы того или нет, складывается поле культуры, где, к слову, и технологическим описаниям не отказано в месте. На этом поле вроде бы должны цвести все цветы. Ан нет — не цветут! Наоборот даже — с энергией, достойной лучшего применения, на поле этом идет постоянная прополка и скольким уже авторам вместе с их произведениями она свернула шеи!

А больше всего не повезло тем, кто, избежав Сциллы технологичности и Харибды взгляда на своих персонажей, как на тараканов,— в чем основной пафос «чернушного» искусства,— избрал тот подход, тот взгляд, который противоречит или противостоит принятым социальным стереотипам. Из-за новой для обыденного сознания, необычной системы координат их произведения в основном читаются или смотрятся с содроганием, они вселяют — из-за непривычного взгляда на природу Человека — ужас. И они запрещены. Запрещены не законом, ибо доказать, что в них имеется пропаганда «насилия, порнографии и т. д.», практически невозможно в юридическом смысле. Они запрещены негласным соглашением. Но ошибся бы тот, кто подумал: запрещение вызвано эстетическим неприятием. Дело скорее в дистанции между полем художественной культуры и реальностью. Дистанции, часто не воспринимаемой.

По прочтении «120 дней Содома» маркиза де Сада волосы встают дыбом. Подлинное ли это искусство или нет — спорить смысла не имеет: уже впечатано в поле культуры, не вырвать, не выломать, только замолчать! — ох, по-другому начинаешь смотреть вокруг. Червь (если бы только «садизма»!) поселяется в тебе. В себе, в других начинаешь видеть такое, о чем не то чтобы боялся подумать, а не мог, потому что не знал, что такое возможно. Кстати, никто из издателей пока не согласился на публикацию «120 дней...» в полном объеме. То, что можно заработать миллионы, их не волнует. Комиссии по нравственности они тоже не боятся: пока комиссия развернется, миллионы будут использованы, «фирма»-издатель переименована. Ищи-свищи! Но — не хотят. Может быть, они энным чувством ощущают де Бланжи, спящим до поры до времени в самих себе? Может быть, ощущают — дистанции-то нет! — только толкни его, а он проснется?

На просмотре иных созданных (кто спорит?!) выдающимися мастерами фильмов уже не только в темных углах комнаты мерещатся монстры: они видятся у себя внутри, там они начинают свое разрушительное существование. Все вокруг приобретает иной цвет, и мало успокаивает то, что постепенно все якобы приходит в норму, приобретает привычную цветовую гамму.

Семена-то уже заброшены, а человек — самая плодородная, но и самая непредсказуемая почва. И где гарантия, что читатель «120 дней...» не решит проверить на практике, в реальности, забыв, что дистанция существует, проверить на себе впечатления герцога де Бланжи или президента де Кюрваля? По последствиям это серьезнее, чем использование сюжета криминального фильма для реального ограбления банка.

Вот и думай тут: печатать или нет, показывать или нет. Непростой вопрос, непростой, несводимый к гласности, демократии, плюрализму мнений...

P.S. И тем не менее, насколько мне известно, журнал «Азазель», начинающий выходить в конце 1991 года, публикует главы из романа Уильяма Берроуза «Голый завтрак». Без купюр. С точки зрения редколлегии роман — глубоко нравственное произведение, трагическое, безысходное в своей трагичности, принесшее своему автору мировую славу. Но — мировую, не нашу. Только матерщину в журнале собираются заменить литературным языком. Так ведь не в матерщине вопрос...

Дмитрий СТАХОВ

И НЕЖНО ПОГРОЗИЛ ГЛАЗАМИ

Для современников да и в сознании потомков «Санин» (1907) стал звездным часом Михаила Арцыбашева — пусть многие и оценили этот час как черный. Собственно, все писатели угрюмо поджали губы (доволен «Саниным» был лишь один Куприн), критика бормотала об асоциальности, о бегстве в натурализм, но публика заходилась от восторга. Как и раньше, в новой книжке были разговоры о Ницше и социализме, но сколько появилось эротики! Сколько вожделений плоти!

Перечитывая сегодня «Санина», видишь, насколько шокирующим была его новизна. Ибо как можно спокойно читать такие, например, пассажи: «— Ну, конечно,— ответил Зарудин и попытался обнять ее особым, возбуждающе бесстыдным объятием, силу которого он знал». Или: «Она почувствовала Юрия, оглянулась, и ее темные глаза, оставаясь скромно серьезными, в глубине отразили испуганную радость.(...)

Он покраснел, а Карсавина, как будто угадывая смущение и с материнским чувством приходя на помощь, чуть-чуть улыбнулась и нежно погрозила влюбленными глазами».

В каком-то смысле и Арцыбашев также погрозил глазами своему Отечеству, когда вывел на литературную сцену Санина — полу-Печорина, полу-Базарова, погружающегося в пучину наслаждений, но который не прочь заняться и общественной борьбой, если вдруг почему-то это окажется выгодным.

А. М.

ВТОРАЯ КНИГА ЗА 223 ГОДА

О Баркове слышал каждый, но читали его немногие. Слава непристойного («срамного», говорили в XVIII веке) поэта укрепилась за ним столь прочно, что:

а) большинство его стихов так и не было никогда издано;

б) среди многочисленных списков, ходивших по рукам, с течением времени появилось столько новых, неизвестно откуда взявшихся стихотворений, что уже трудно понять, где Барков, а где приписываемое ему.

Тем не менее Баркова в СССР скоро издадут. Это будет вторая книга поэта за 223 года. Книга выйдет примерно в середине будущего лета в одном из московских издательств небольшим тиражом. Это будет уникальное издание, поскольку Баркова напечатают без купюр — а писал он так, как говорил. Два столетия назад вещи, в том числе и «срамные», называли своими именами. И никто этого не стеснялся. Твердый переплет и обширнейшие комментарии (правда, цена...) — все это приближает издание к серии «Литературные памятники». Наш корреспондент обратился с рядом вопросов к Андрею Зорину, соредактору будущей книги.

— Барков и впрямь так страшен, как его малюют?

— Страшен. И даже, может быть, более, чем его представляют. Общаясь с разными издателями, я часто сталкивался с представлением о его стихах как о чем-то гривуазном, приятно-эротическом. Это не так. Это очень крутой текст. Речь идет почти исключительно о непристойных проблемах и ситуациях. Все слова применены в прямом, как говорят специалисты — техническом,— значении. «Ода кулашному бойцу», напечатанная в советское время, нехарактерна: там есть что-то и кроме этого. Потому можно было опубликовать текст, сделав большие купюры. В Баркове точки надо ставить вместо всего текста.

— Но когда выяснится, что все-таки написал сам Барков, а что — его подражатели?

— Быть может, найдутся какие-то документы... Но это маловероятно.

Хотя можно попытаться восстановить первоначальный состав сборника «Девичьи игрушки» (Барков был одним из главных его авторов) и отбросить то, что ему заведомо не принадлежит. В этом — задача публикаторов.

— Эти стихи сразу писались как неприличные, эротические?

— Скорее то чисто внутрилитературные игры: пародии на «высокие» жанры, создание бурлеска, когда возвышенные темы излагаются «низким» штилем.

В XVIII веке все это читалось не так тотально неприлично, как позднее. Даже такой сугубо приличный писатель как Карамзин отмечал, что «Барков родился, конечно, с дарованием, но должно заметить, что сей род остроумия не ведет к той славе, которая бывает целию и наградою истинного поэта». Отзыв неодобрительный, но совершенно неуничижительный и даже с некоторым уважением. То была литература нижнего, пародийного ряда, отражавшая литературу высокую.

Сегодня же воспринимать эту поэзию как порнографическую нет никаких оснований. В ней нет подобного заряда.

— Печатая Баркова «открытым текстом», вы не боитесь неприятностей с Комиссией по нравственности?

— Не боюсь. Коль скоро издатели берутся за это... Они обещали сохранить подлинный текст. А иначе — с точками — публиковать бессмысленно. Это неприлично, в этом больше сальности, чем в «открытом тексте». Густота соответствующих выражений так велика, что, кроме точек, ничего и не будет.

— Наши ученые мало занимались Барковым,— он лишь вскользь упомянут в академической истории литературы — может, на Западе его знали лучше?

— Нет, там в центре внимания он тоже не был. Под его именем, например, выходили книги, не им созданные — «Лука Мудищев», «Утехи императрицы» и более откровенная порнография. А у нас Баркова действительно все время вытесняли из истории.

— Жизнь Баркова большею частью известна по анекдотам о нем. Какой, на ваш взгляд, лучший?

— Пушкина.

«Никто так не умел сердить Сумарокова, как Барков. Сумароков очень уважал Баркова как ученого и острого критика и всегда требовал его мнения касательно своих сочинений. Барков, который обыкновенно его не баловал, пришед однажды к Сумарокову: «Сумароков великий человек, Сумароков первый русский стихотворец!» — сказал он ему. Обрадованный Сумароков велел тотчас подать ему водки, а Баркову только того и хотелось. Он напился пьян. Выходя, сказал он ему: «Александр Петрович, я тебе солгал: первый-то русский стихотворец — я, второй Ломоносов, а ты только что третий». Сумароков чуть его не зарезал».

ПОСЛЕДНИЕ

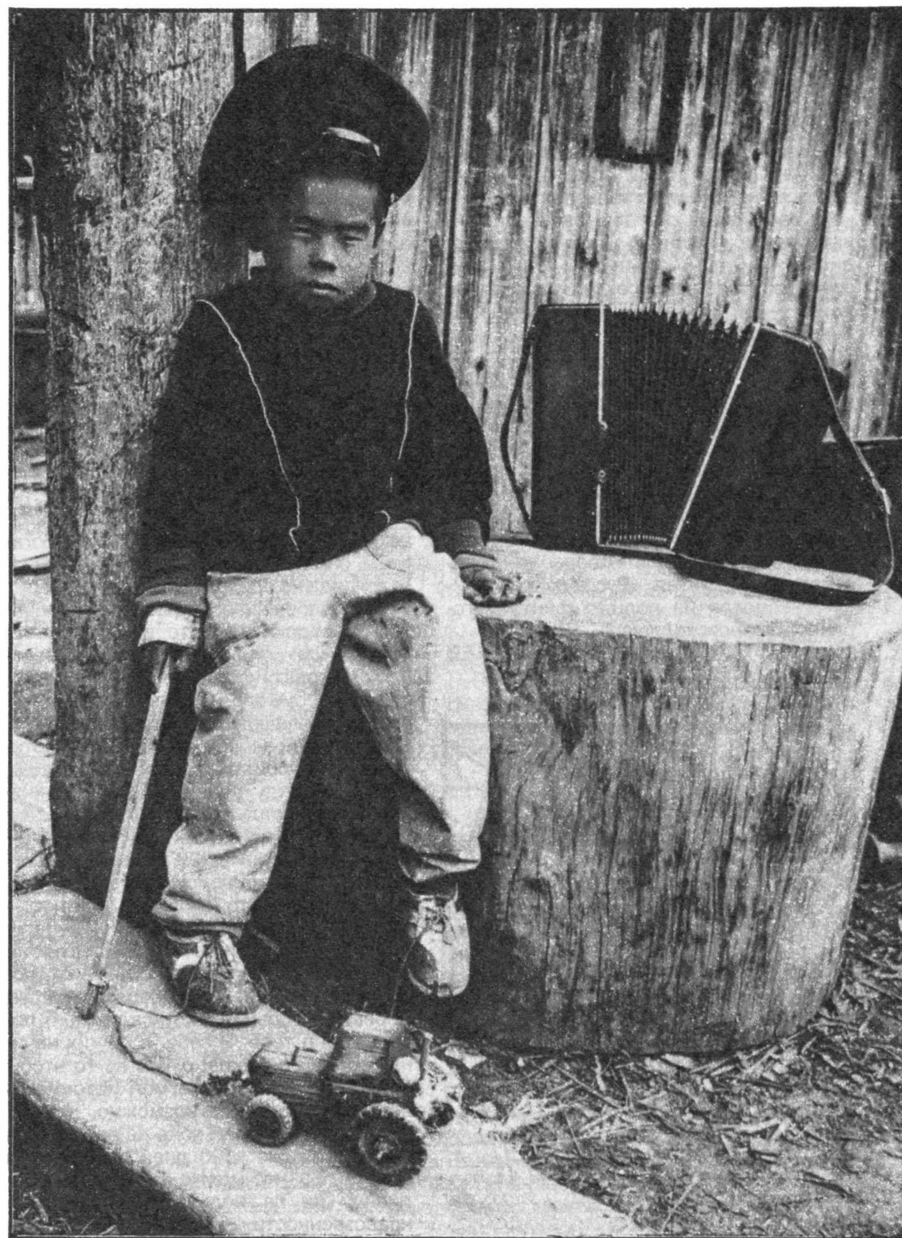
В. КРИВОНОГОВ,
этнограф,
кандидат исторических наук
Фото А. КУПЦОВА.

На Среднем Чулыме, в Тюхтетском районе Красноярского края, живет маленький тюркский народ. Пока еще живет, потому что сто лет назад насчитывалось 1371 чулымец, а сейчас их 135. Сами себя они именуют «пистын кижилер» — «наши люди». А еще их называли мелецкими татарами, чулымскими тюрками, исашными (от слова «ясак»).

Занимались «наши люди» некогда охотой и рыболовством, бороздили просторы Чулыма на своих обласках — долбленых лодках, чудом сохранившихся до наших дней. А вот обычаи, национальная одежда, традиции до нас уже не дошли. Родной язык знают хорошо лишь те, кому за сорок, дети не владеют им совсем.

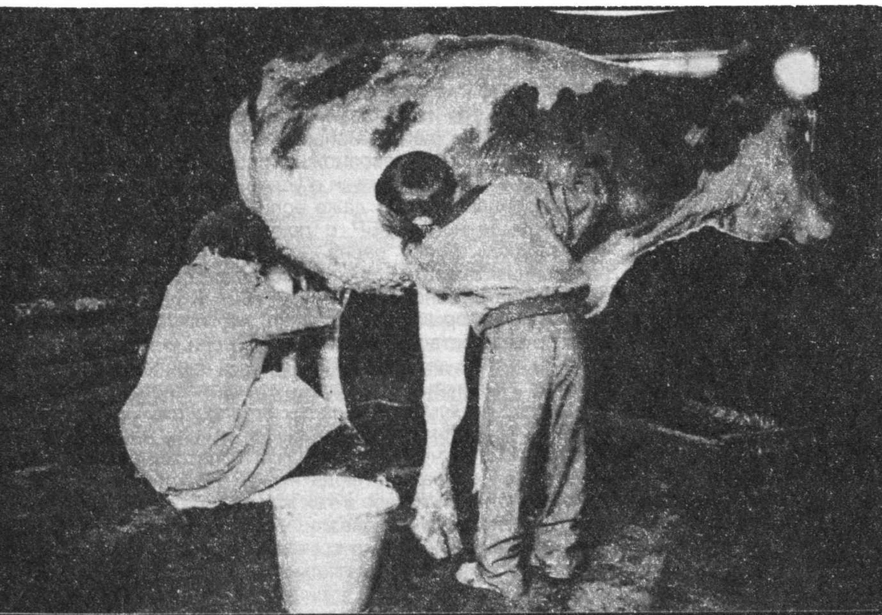
После революции решено было считать чулымцев хакасами. И это несмотря на то, что до Хакасии более двухсот километров, что языки, хоть и родственны, существенно различаются. Так и остались без своего букваря чулымские ребятишки, преподавание в школе ведется на русском.

Другая беда пришла в шестидесятые годы — укрупнение сел. В чу-

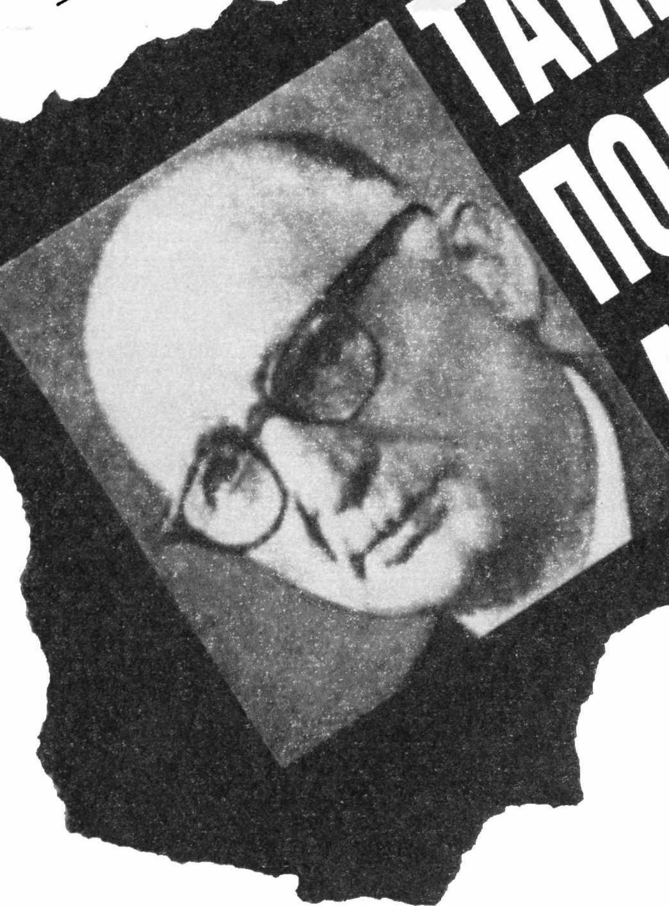
лымских поселках закрывались магазины, школы, свертывалось производство. Люди разъезжались кто куда. Исчезли национальные поселки Кульбень, Тюляпсы, Байдуки, Амачеево. Остатки народа поселились в русском селе Пасечное, где вынуждены были осваивать чуждые для них профессии механизаторов, доярок, скотников. Мне не довелось встретить ни одного чулымца с высшим образованием! Многие не получают и среднего.

Страшную дань собирает здесь государственная алкогольная торговля. Перед ней маленький народ оказался беззащитным. Девушки стремятся выйти замуж за горожан, за русских — «русские меньше пьют». Многие чулымцы до сорока лет не могут создать семью.

Сколько же лет осталось существовать на свете «пистын кижилер» — «нашим людям»? Двадцать? Сорок? Сами чулымцы не обманываются на этот счет. Большинство считает, что через два-три поколения от народа не останется ничего...

ИЗ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОСТИ

ТАЙНЫ ПОЛКОВНИКА АБЕЛЯ

Михаил ЛЮБИМОВ

Словно уже из прошлого века — так далеко умчались мы от самих себя во времени прежнем — выплывает на экран худой лысый человек, по виду то ли бухгалтер, то ли доктор, и предваряет фильм «Мертвый сезон» небольшим предисловием, столь необходимым для советского зрителя, лишь смутно подозревающего, что его мощная держава и в мирное время занимается разведывательной деятельностью.

Тогда страна впервые увидела человека, имя которого в 1957—1962 годах не сходило со страниц западных газет,— полковника Рудольфа Ивановича Абеля. Под этой фамилией он был известен в Первом главном управлении, на самом деле его звали Вильгельм Фишер и родился он в семье германского коминтерновца в Лондоне. Дальше переезд в Москву, работа в иностранном отделе ОГПУ — НКВД, после войны — Соединенные Штаты. Многое в его работе покрыто мраком, да иначе и быть не может — ведь жизнь разведчика и разведки проходит во мгле, и если высовывается на свет божий верхушка айсберга, то это обычно результат провалов и промахов.

Полковник Абель был арестован ФБР в Нью-Йорке как советский агент, судебный процесс над ним явился сенсацией. Правда, «Литературная газета» с негодованием писала о «низкопробном детективе» и «провокации, состряпанной Эдгаром Гувером и ФБР для отвлечения американского народа от грязных дел ФБР», о «превращении некоего фотографа Абеля в главу шпионского центра, естественно, существующего на золото Москвы».

Держава отказалась от него, это было в ее славных традициях: провалившегося разведчика приравнивали к пленному. В 1957 году инерция сталинских времен была еще сильна, да и до последних дней боязнь нанести политический ущерб признанием разведывательной деятельности доминировала в умах наших вождей.

Взяли Абеля легко и быстро, сопротивления он не оказал, шифровок, как в кинофильмах, не жег и в окно не выбрасывался. В нью-йоркский отель Лэтэм Абель въехал под фамилией Мартина Коллинза. 11 мая 1957 года в 7.30 утра, когда, мучаясь от жары, совершенно раздетый, он безмятежно спал, в дверь раздался стук, и появились три агента ФБР. Пока Абель в растерянности сидел на кровати и одевался, джентльмены повели крутой разговор: «Мы знаем о вас все, полковник, и предлагаем сотрудничество!» — так по крайней мере говорится в показаниях самого Абеля, которые, как и все материалы процесса, печатались в американской прессе, а впоследствии частично вошли в бестселлер, выпущенный его адвокатом, во время войны сотрудником УСС (ныне ЦРУ) Джеймсом Доновэном.

Абель напрочь отказался от сотрудничества с ФБР (в этом случае дело замяли бы и, видимо, начали бы игру с советской разведкой, пытаясь выявить другие резидентуры и заманить в ловушку новых людей), и тогда на авансцене появились чиновники иммиграционной службы, имевшие по закону право на арест и на обыск. В номере стоял мощный коротковолновый приемник, принадлежавший жильцу, антенна шла по стене к потолку ванной и оттуда через форточку выходила наружу. Лица, производившие обыск, отмечали, что вещи Абеля куплены в дорогих магазинах и имеют высокое качество, найдены были 6,5 тысячи долларов наличными и ключ к личному сейфу в одном из банков, где, как позже выяснилось, лежали 15 тысяч долларов. Среди вещей обнаружили сертификат о рождении на имя Эмиля Роберта Гольдфуса и аналогичный документ на имя Мартина Коллинза. Абель не отрицал, что он владелец обоих документов.

Он возмутился небрежностью тех, кто упаковывал его вещи, и ему разрешили собрать все самому. Кое-что он аккуратно свертывал и засовывал в чемодан и сумки, ненужное же выбрасывал в корзину (салфетки, карандаши, куски проволоки и бумаги), что не укрылось от острого взора агентов, взявших эти, а также и другие предметы на тщательное лабораторное исследование. Один американец заметил, что Абель сунул в рукав пиджака три листочка бумаги, которые извлек из сумки,— пришлось их отобрать, пожурив арестованного за непозволительные трюки.

На Абеля надели наручники и через черный ход вывели к машине, предварительно удостоверившись — типично американская черта,— что он оплатил полностью свой гостиничный номер и никаких претензий к нему хозяин не имеет. События развивались стремительно: визит в иммиграционную службу, где, следуя формальностям, с арестованного сняли отпечатки пальцев и сфотографировали; выезд в аэропорт под сильнейшей охраной. Самолет приземлился в Техасе, где агенты ФБР и иммиграционной службы начали проводить тщательные допросы Абеля, предлагая в то же время ему сотрудничество со всеми возможными материальными благами.

«25 июня я решил заявить, что в действительности меня зовут Рудольф Иванович Абель, я гражданин России, купил в Дании поддельный американский паспорт и по нему в 1948 году въехал в США из Канады» — это из показаний полковника.

Такова была легенда, придуманная ловко, если учесть, что почти невозможно придумать легенду, которая не давала бы течи в условиях ареста и полного разоблачения. Но даже если допустить полную неосведомленность ФБР о принадлежности Абеля к разведке, то все равно его ожидал бы суд за незаконный въезд в США. Прессинг на арестованного оказывали основательный, в том числе и через адвоката, который прямо сказал, что он предпочел бы сотрудничество Абеля с ФБР, но если он отвергает это, то в дело вступит самый справедливый в мире американский закон, предусматривающий, между прочим, смертную казнь за шпионаж. Совсем недавно за «атомный шпионаж» посадили на электрический стул чету Розенбергов, и потому беседы на эту тему звучали отнюдь не как абстракция.

Затем полковника все в тех же условиях повышенной бдительности перевезли из Техаса в городок Ньюарк, где должен был состояться суд. Приземлились ночью, аэропорт тщательно охранялся, повсюду шныряли агенты ФБР и полицейские в штатском — боялись, что вездесущая рука КГБ спасет своего верного сына из когтей следствия. Об аресте и суде уже дали знать в прессу, поняв, что Абель на сделку с ФБР не пойдет и игра с КГБ не состоится.

Арест Абеля подлил масла в пламя настроений: «Бей красных!» Послевоенные шпионские процессы, затронувшие компартию и прочих «левых» и приведшие к разгулу маккартизма, еще не были забыты, правда, в деле Абеля был свой экзотический момент, уникальный для США: перед судом стоял не местный гражданин, завербованный разведкой КГБ, а живой кадровый полковник КГБ, долгие годы живший под разными фамилиями, имевший художественную мастерскую в Бруклине (там заодно была и фотолаборатория, Абель был мастером по изготовлению микроточек), занимавшийся радио- и фотоделом.

Ознакомившись с вещественными доказательствами, адвокат схватился за голову: в карандашах и куске эбенового дерева, найденных при обыске, оказалась микропленка с письмами от родных Абеля на русском языке, расписание радиосеансов с Центром и коды. Полковник только развел руками, когда Доновэн высказал ему все свое недоумение бывшего профессионала,— такие проколы не случаются даже в самых фантастических американских бестселлерах, не говоря уже о чекистских сагах, где герой действует четко и выверенно, как автомат, и всегда добивается успеха благодаря вере в партию и близости органов к трудящимся.

Хорошо это или плохо, но горячее сердце может прекрасно биться и без холодной головы, разве не великое счастье перечитывать письма от родных? Разве это чтение не сглаживает одиночество и не помогает жить той тяжелой двойной жизнью, на которую обречен нелегал? Но вот насчет кодов и расписания... Конечно, лучше хранить в тайнике, где-нибудь на поросшем зеленью кладбище. А если начистоту, то любой нелегал знает, что уж если нашли повод для его ареста, то он увесист, и контрразведка все равно раскрутит все по максимуму, как ни скрывай концы. Если уж арестовали, то, значит, и следили, и не попка сзади топал, наступая на пятки, а шло несколько бригад на машинах, шли и сзади, и впереди, и по параллельным улицам... А вывод прост: противнику известно уже слишком многое, не случайно ведь при аресте его назвали полковником. Так и оказалось.

Абеля завалил коллега и помощник, подполковник КГБ Рейно Хайханен, живший в Нью-Йорке под фамилией Маки. Ни у американцев, ни у Абеля (а потом и Центра) не существовало двух мнений об этом русском финне, который работал в НКВД уже во времена советско-финляндской войны: типичный алкоголик, несколько раз попадавший в полицию за хулиганство (лупил жену-финку, в которую был влюблен и с которой делил свою заставленную бутылками нью-йоркскую квартиру; другая, тоже законная и с ребенком, вздыхала по нем в Союзе) и за управление автомобилем в пьяном виде, человек с интеллектом ниже среднего, так и не освоивший толком английский язык.

Абель почти сразу же раскусил, что Хайханен ему не помощник, и не раз высказывал ему (естественно, в деликатной форме, не обостряя отношений и не ставя тем самым под удар дело) свое недовольство работой и образом жизни Хайханена (сам полковник скорее относился к категории аскетов).

Но, несмотря на всю тонкость «воспитательных бесед», Хайханен, видимо, почувствовал, что по просьбе начальника его могут оторвать от любимой блондинки и теплого места в Нью-Йорке, с позором вернуть в родные пенаты, а там, воссоединив с семьей, отправить куда-нибудь подальше, в лучшем случае в райотдел Карельской ССР для обслуживания заезжих туристов. Этот личный момент, усугублен-

ный спиртным и планами семейного счастья с красавицей финкой, по-видимому, и сыграл роковую роль в предательстве Хайханена, добровольно предложившего свои услуги. Финал его был предопределен; через несколько лет он окончательно спился и погиб в автокатастрофе.

Судебный процесс над Абелем являлся уникальным во всех отношениях и не имел прецедентов в американском судопроизводстве. Адвоката Доновэна «промывали» в прессе и причисляли к «красным», со всех сторон сыпались на него угрозы. Коллеги не понимали, зачем он взялся за столь щекотливое дело. Пункты обвинения звучали достаточно жестко и сулили невеселую перспективу электрического стула: Абеля обвиняли в шпионаже, направленном против США, в передаче информации о национальной обороне США, ну, и конечно, в незаконном пребывании в стране.

Доновэн отлично понимал огромную роль эмоций, общественного мнения и голоса прессы на таком шумном процессе и знал, что суд присяжных никогда не руководствуется лишь буквой закона и бесстрастными фактами. Начал он с того, что заказал полковнику, одетому, как вольный художник, приличный костюм делового человека — при белой рубашке и галстуке Абель выглядел как типичный средний американец, и это импонировало публике. В его защите фигурировали весьма сильные аргументы: перед публикой не шпион-американец, а честный гражданин враждебной державы, мы же гордимся нашими ребятами, которые, возможно, работают в Москве; смертная казнь лишит США возможности обменять полковника на американского шпиона, которого могут захватить; справедливый приговор найдет поддержку во всем мире и укрепит престиж американского правосудия и политические позиции США.

Для американцев очень важно, какого рода человек сидит на скамье подсудимых, и тут Доновэн сделал совершенно блестящий ход: зная приверженность публики к высокой морали (во всяком случае, на словах), он использовал компромат на главного свидетеля, в то же время постоянно поднимая на щит человеческие качества Абеля и особенно его любовь к семье.

Адвокат использовал частных шпиков и с добавлениями Абеля вывалил на суде всю подноготную жизни Хайханена, отлично ее задокументировав: главный свидетель беспробудно пьет, бьет жену, ставя ее на колени, и она рыдает на всю округу (это показали добрые соседи), не раз у него была полиция (тут тоже пошли в ход протоколы). Впрочем, какую жену? Тут Доновэн выбросил туза — ведь у Хайханена уже есть в Союзе жена и ребенок! Разве по американским законам разрешено двоеженство? Хайханен с его дубоватостью и тяжелым английским чуть не рыдал на суде, когда попал под беспощадный шквал вопросов адвоката, демонстрирующих его аморальность. Судья не успевал вмешиваться — в любом случае все видели, что показания дает подонок, и никого не убеждал лепет о неприятии Хайханеном коммунистического режима.

Образ русского шпиона, честно работавшего на свое неидеальное государство, искреннего человека и хорошего семьянина, на этом фоне разрастался и работал на защиту.

Помогали письма от родных: «Дорогой папочка! Уже три месяца, как ты уехал... я собираюсь замуж... у нас новость: собираемся получить квартиру из двух комнат... все друзья желают тебе здоровья и счастья, счастливого и быстрого возвращения домой». От жены: «Мой дорогой, опять началась наша бесконечная переписка... после твоего отъезда я болела... иногда я смотрю на твою гитару и хочу слушать, как ты играешь, и мне становится грустно... У нас с дочерью есть все, кроме тебя... Выйдя замуж, она всегда говорит, что не существует таких мужчин, как ее папа, и поэтому она не очень любит своего мужа... Я просила три комнаты, но не дали... Как ты живешь? Как твой желудок? Будь внимателен к своему здоровью. Я хочу жить вместе с тобой. Целую и прошу тебя думать о здоровье».

Абель долго возражал против зачтения писем на суде. Доновэн убедил его лишь тем, что это может существенно повлиять на присяжных и прессу и смягчить приговор. Говорят, что он чуть покраснел, когда письма начали читать...

При всех несчастьях, свалившихся на голову Абеля, обвинение в части шпионажа страдало неполнотой. Хайханен рассказал о том, как он вместе с полковником вел визуальную разведку военных объектов, раскрыл места многих тайников, налицо были шифровки, коды и прочий шпионский инструментарий. На суде предстал выданный Хайханеном сержант Рой Роудз, который в 1951—1953 годах работал в американском посольстве в Москве, ведая гаражом. Тут суд увидел до умиления знакомый почерк: русский приятель-шофер, водка из граненых стаканов, прекрасная дама, преступный грех, «оскорбленный брат», готовый на сицилийский манер убить любого, кто посягнет на честь его сестры. Поразительно, но на этой дешевой приманке Роудза без труда завербовали, хорошо закрепив контакт хрустящими зелененькими. Кое-какую информацию он передавал, а потом уехал в США.

Абелю надлежало восстановить с Роудзом контакт и наладить работу, однако сделать это он не успел, лишь раз позвонив ему по телефону. Вот, пожалуй, и все доказательства. А где же ущерб национальной безопасности? Есть лишь скорлупа ореха, но отсутствует его сердцевина! Где доказательства, что Абель передавал секретную информацию? Есть ли хоть один секретный документ США, который у него обнаружили?

Хайханен и Роудз были не единственными свидетелями. Показания давал художник Берт Сильверман, знавший своего друга как Эмиля Гольдфуса по дому в Бруклине. Именно Сильверман был тем человеком, к которому Абель просил обратиться, «если с ним что-то произойдет». Художник пел дифирамбы своему другу, отмечая его честность и порядочность.

Разочаровал многих жаждущих крови и Гарри Маккален, полицейский, опекавший район проживания полковника, он тоже отмечал хорошее поведение подсудимого и своевременную уплату им квартирной ренты.

Выслушали даже мальчика, который несколько лет назад нашел монету, она выпала случайно из рук, раскололась на две части и явила взору юнца микропленку, которую он честно отнес в местное отделение ФБР,— так что стукачество (или бдительность?) не только советская национальная черта. Там ее пытались безуспешно расшифровать, но не смогли — теперь с помощью Хайханена, который, кстати, по пьянке и потерял монету, перед судом появился текст сообщения Абеля в Центр.

Полковник вскоре фактически отказался от первоначальной легенды, ибо, отрицая свою принадлежность к КГБ, он выглядел бы заурядным лжецом и суд ужесточил бы свой вердикт. Поэтому линию он проводил двойственную: лично не признавал, что связан с разведкой, но и не отрицал заявления защиты о его принадлежности к разведке. Доновэн потом написал: «Он никогда не признавался, что его деятельность в США направлялась Советской Россией». Однажды адвокат поинтересовался его настоящим именем. «Это необходимо для защиты?» — «Нет».— «Тогда оставим этот разговор».

И адвокат, и подзащитный бились, как львы, за благополучный исход дела и во многом преуспели, несмотря на всю истерию вокруг процесса. 21 февраля 1958 года был оглашен приговор по всей совокупности пунктов обвинения: 30 лет тюрьмы и 3000 долларов штрафа. Срок свой отсиживал он в Атланте, пользовался популярностью среди заключенных (говорили, американцу Грингляссу, посаженному за шпионаж на Советы, заключенные мочились в пищу), особенно подружился он с бывшим работником ЦРУ, осужденным за шпионаж на СССР почти сразу после войны. Читал в тюрьме Эйнштейна — для его математического ума это было такое же развлечение, как для многих чтение Агаты Кристи, рисовал карикатуры для тюремной газеты и даже подключился к изучению планировки тюрьмы, которую начальство хотело перестроить.

Идея обмена сразу возникла в голове у Абеля и адвоката, последний даже обсуждал ее с шефом ЦРУ Даллесом, который заметил, что любая подобная сделка возможна лишь при публичном признании Советами принадлежности Абеля. Отец американского шпионажа хорошо знал слабые пунктики Системы.

Решили все-таки перебросить кое-какие мосты на родину, и полковник написал по-английски письмо жене, которое Доновэн с трепетом понес в консульский отдел советского посольства в Вашингтоне. Там разыгралась ожидаемая комедия дель арте: «Не знаем никаких Абелей! Это провокация!»

Два раза ломали в консульстве ваньку, отказывались принять письмо, возмущались наглостью посетителей, естественно, сообщали в Москву. Не один день заняла утряска всего этого страшного по своим последствиям дипломатического казуса, в третий раз — Бог троицу любит — письмо все-таки взяли с обещанием «принять меры», если вдруг по каким-то неимоверным причинам жена окажется на территории СССР,— конспирация в стиле боевой дружины страны дураков. Разве кому-нибудь могло повредить завершившееся дело Абеля, ведь оно уже шумно выплеснулось на весь мир! Или думали о вечно наивных и простодушных советских гражданах, считавших, что все это дело — происки империализма?

Писал он сдержанно, сообщал о здоровье, о своих занятиях живописью и математикой, просил не беспокоиться, интересовался дочкой. Вскоре пришло подтверждение получения письма — все-таки эпоха Хрущева отличалась от деспотизма Сталина,— затем ответ, завязалась переписка.

История обмена Абеля — это целая бюрократическая эпопея, и, наверное, умер бы он в тюрьме, если бы не сбили в советском небе американского летчика Пауэрса. Между прочим, президент Эйзенхауэр и не думал отрицать факт шпионажа и добавил, что русские тоже этим занимаются: например, полковник Абель. Пресса тут же подбросила идею: а почему бы не поменять Абеля на Пауэрса?

Но все это произошло гораздо позже, до этого идеи обмена бродили только в головах Абеля и Доновэна. И дело не в том, что в КГБ работали бесчувственные истуканы — таких полно везде в разных пропорциях,— просто известна была установка: любое публичное признание шпионажа — подрыв самой передовой внешней политики.

Но истина все-таки торжествует, правда, у нас в стране почему-то с мучительной затяжкой. Призывам обменять Абеля на Пауэрса в советских верхах вняли, но проформу соблюли в любимых традициях, переговоры сначала вели через немецкого адвоката и в ГДР, и, конечно же, страшное слово «КГБ» никто не употреблял. Вообще все хождения Доновэна в ГДР, вся история переговоров и обмена очень напоминают попытки пробить головой наш родной райисполком, пытаясь доказать, что именно три, а не две урны спасут двор от вечного мусора. Но Доновэну это удалось.

Их обменивали на мосту, разделявшем два Берлина. Так меняются жулики, «баш на баш», постоянно ожидая подвоха друг от друга, по обе стороны стояли машины с вооруженными людьми...

Первые годы об Абеле молчали, потом полуоткрыли рты. Кожевников бойко написал роман «Щит и меч» о герое-разведчике, под видом немецкого офицера работавшем в тылу врага, вроде бы об Абеле, хотя достоверно известно, что в то время Вилли Фишер обучал радиоделу молодых чекистов в Москве, радуясь, что его восстановили в органах после увольнения во время чисток в тридцать седьмом. (Хорошо, что не расстреляли.)

Прибыв в Москву, Абель прекрасно понимал, что его карьера не взлетит к небесам,— по правилам, существовавшим в КГБ, нелегалов и прочих, попавших в подобные обстоятельства, брала в жестокую разработку наша контрразведка как потенциальных шпионов,— наверное, даже опасался, что его посадят, как в свое время Лео Треппера, вернувшегося из Франции.

Абелю не дали никаких высоких должностей, но отметили наградами и использовали для обучения сотрудников и консультаций.

Он всегда был предельно осторожен и сдержан, привык к жесткой самодисциплине, ко всем правилам кагэбэвской игры. За границей он был одинок и никому не открывал свою душу, да и на родине он верил только своей семье.

Однажды Доновэн не без язвительности спросил у Абеля, почему СССР глушит «Голос Америки», сообщавший о процессе над ним, на что полковник вполне в советских традициях ответил, что «не всегда в интересах народа сообщать о тех или иных фактах» и «правительство лучше знает, что важнее для народа». Возможно, он говорил искренне, хотя его приятель Хенкин вспоминает Вилли, читавшего самиздат и сказавшего на смертном одре своей дочери: «Помни, что мы все-таки немцы...»

Умер он от рака через несколько лет после возвращения, имущества оставил после себя немного: отдельную двухкомнатную квартирку на проспекте Мира и убогую дачу.

Скромный, порядочный человек с судьбою, схожей удивительно с тысячами тех, кто поверил в Идею и слепо шел за вождями, не сомневаясь, что творит правое дело, обыкновенный труженик, не богаче и не счастливее большинства своих сограждан, которых перемолола всесильная Система.

Эдуард Николаевич Успенский — детский писатель, поэтому все время пишет новые детские стихи. Раньше он просто не знал, что делать с этими стихами. Каждый день стихов становилось все больше, они лежали везде: на столе, на стульях, на книжных полках, некоторые даже на полу. Сам писатель смотрел на свои стихи и хмурился: «Куда я их дену?» Писатель знал, что в какой-нибудь детский журнал эти стихи нести совершенно бесполезно. Там скажут:

— Мы ваши стихи напечатать не успеем.

— Почему? Времени мало?

— Времени навалом. Целый день сидим чай пьем с бубликами. А напечатать не успеем, потому что как начнем, так нас сразу всех и уволят.

— За что?

— За то, что ваши стихи пионерам и октябрятам читать вредно. Они сразу начинают хохотать и от смеха уже не могут бороться за чистоту, успеваемость и дело Коммунистической партии.

— А вы для беспартийных детей напечатайте.

— Беспартийные дети еще читать не умеют — очень маленькие.

Сегодня, когда в нашей стране вдруг, всем на удивление, появилось большое количество грамотных, но при этом совершенно беспартийных детей, писатель Успенский уже не хмурится. Как только новые стихи начинают не помещаться на его рабочем столе, он сразу догадывается, что с ними делать. Например, отдать в «Детский угол». Именно так Эдуард Николаевич нынче и поступил.

ДЕТСКИЙ УГОЛ

Рубрику ведёт Григорий Остер

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЛИСЫ, ПОСЕЛИВШЕЙСЯ В АНГЛИЙСКОМ ПОСОЛЬСТВЕ

Вот это сенсация!
Вот чудеса.
В английском посольстве
(В центре Москвы)
Живая лиса
Ни у кого не спросилась,
Взяла и сама поселилась.

И вот вся обслуга
И все повара,
Все, все дипломаты,
Все, все шофера,
Все вольнонаемные лица
Включились в поимку лисицы.

— Ох, как грустно на душе! —
Сказал военный атташе.—
Мне легче шифровку оставить
в лесу,
Чем выследить эту дурную лису.
Флажки и капканы запрещены,
Может, авоську мне взять у жены?
Разве лисицу поймаешь сачком?
Или, как рыбу, допустим, крючком?
Нет, ни за что не поймаешь,
Только сачок поломаешь.

А атташе по культуре
Сказал, прислонившись
к скульптуре
Великого маршала Нельсона:
— Хоть шею клади на рельсу!!!
А может, нам сделать облаву,
Позвать музыкантов на славу,
Допустим,
Пятницкого хор...
Как он высыплет по на двор,
Как этот хор затянет хором —
Все лисы убегут с позором.

Ну что, ну что за чудеса?
Ну где скрывается лиса?
А может, не лиса, а лис?
— Иди скорее к нам,
Кис-кис!

Поймала посольскую кошку
И съела не понарошку.
Там же нашли в сторонке
Мех от мальтийской болонки.

Посол и жена его
В гневе:
— Что скажете вы королеве?
Посольство свое
До чего довели?
Смотрите, бандитских лисиц
развели.
Ну ладно там кроликов
Или мышей.
Или уж лошадь —
Возить малышей...
Мы рады моржам и мартышкам...
Но хищники!.. Нет, это слишком.
В общем, даем вам три дня,
господа,
Чтоб больше она не являлась сюда.
Но просим в лису ни за что
не стрелять,
Ядов ни капли не
Употреблять,
А также силков и арканов,
Флажков и, конечно, капканов.

Его следы цепочкой
Кончаются за бочкой.
А маленький мальчик
В посольстве английском
Стал приучать лисицу
К сосискам.
Очень смышленый был человек
Этот мальчишка по имени Джек.
Бросит сосиску в бочку
И там оставляет на ночку.
Утром приходит —
Сосиски-то нет.
Значит, от хитрой лисицы привет.

Потом он к бочонку приделал
веревку
И сделал для хитрой лисы
мышеловку.
— Хорошо ловить лису
На мясо или колбасу!

Служил при посольстве
Сантехник Петров,
Который и выпить, и съесть был
здоров.

Пил он средство для волос
И поэтому оброс.
Любил лосьон и виски
И обожал сосиски.
Сосиску он чуял за полкилометра,
Особенно с помощью сильного
ветра.

Был сантехник мелковат,
Но он сам был виноват.
Всем и всюду говорил,
Что с двух лет уже курил.

И вот однажды утром рано,
Выпив полведра
Из крана,
Вдруг он почуял:
— Запахло сосиской!
Немецкой... Французской...
Нет, все же английской!
Он смело направился к бочке.
А дальше мы ставим точки...
Отвезли его в тайгу,
Чтоб оставить на снегу.
Там мышебочку тряхнули
И быстро назад повернули.

Э. УСПЕНСКИЙ

СТИХОТВОРЕНИЕ О ЛЮБИМОМ ДРУГЕ

У меня что-то сердце щемит,
Будто в нем поселился термит.
Друг у меня был,
Но он обо мне забыл.
Не пишет, не шлет телеграмм,
Живет себе где-то там!
Звали его Андрей,
Но, кажется, и Сергей...
И был мне... Володя Кружков
Ближе всех прочих дружков.
Нет, не Кружков, а Квадратиков,
И жили мы, как пара братиков.
Сядем мы с ним на диван,
И я говорю:
— Иван,
Пойдем мы с тобою в тайгу,
И я тебе помогу.
Уехал он с мамой в Италию,
И я так грущу по Виталию.
Мне все говорят:
— Бросьте!
Забудьте об этом Косте.
Не пишет тебе Клим,
И ладно, и бог с ним!
— А может быть, в этом
Далеком краю
Друг мой ранен
В суровом бою?
А вдруг он сидит в Магадане
С папой на чемодане?
А там дуют сильные ветры
И не продают конверты.
Мне сейчас хорошо в Москве,
А он там вдали и в тоске.
Я сегодня весь день прогрущу
И себя никуда не пущу.

ПРО АРМИЮ

По военным округам
Прокатился шум и гам.
Тревога не тревога,
Но приказали строго:
«Для обеспечения
Знаний современных
Провести учения
Во всех частях военных».

Всем теперь работы хватит...
Вот солдаты пушку катят,
Вот пошли на марш-бросок
Через глину и песок.

День расписан по минутам.
Только прыгнул с парашютом,
Как звучит другой приказ:
— Изучать противогаз.
— Изучили? Надевай!
Гору преодолевай!

Пробежали с ходу трассу,
Вот сейчас бы выпить квасу,
Вот сейчас бы полежать,
Но звучит приказ:
— Бежать!
Да, друзья, учения —
Вам не развлечения.

Тут в ответственный момент
Прибыл вдруг корреспондент —
Объезжальщик фронтов
Павел Гутионтов.
И ну вопросы задавать:
— Вы хотите воевать?
И готовы ли вы в бой
В одиночку и гурьбой?

Говорит один солдат:
— Я ни капельки не рад.
Если б нас не призывали,
Мы бы вряд ли воевали!

Но тогда солдат другой
Вдруг толкнул его ногой:
— Мы все время ходим строем,
Это очень хорошо.
Целый день окопы роем,
Это тоже хорошо.
Только жаль, что у солдата
Никудышная зарплата.
Ты расходов не жалей...
Гранату бросил —
Пять рублей.

Прострелил в мишени точку —
Двадцать пять рублей на бочку.
Я подбил, допустим, танк —
Зачисляй пять тысяч в банк.
А отдать сержанту честь
Стоит рубль или шесть.
Если вдруг враги найдутся,
Все от зависти сдадутся.

От подобных горизонтов
Был в восторге Гутионтов.
Он сказал:
— Вот это да!
Я, пожалуй, мысли эти
Изложу в своей газете,
Самой правильной на свете
«Очень Красная Звезда».

Рисовал Денис Бурусов

Петров с этих пор
В темном лесе живет.
И лает, и воет,
Но больше не пьет...
Он шерстью оброс,
Волосами...
Похож на медведя с усами.

Но хватит, и больше ни слова
Про этого дядю Петрова.
Кто начал с детских лет курить,
О тех не стоит говорить.

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ ОБ АВТОМАТИКЕ В АМЕРИКЕ

Их там, как бычков в томате,—
Автомат на автомате.
Боже...
Где их только нет!
Вот заходишь в туалет,
Нажимаешь кнопочку —
Вытирают попочку.

А Джек того лиса
За год приручил,
И лис королеве английской вручил
В конверте большое «Прошение».
«Прошение на разрешение
Жить при английском посольстве
На полном его хлебосольстве».

И королева сказала:
— Ну что ж,
Он так на живую горжетку похож!
Оставьте его, не гоните.
Я занята, все, извините!

И если вы будете там на приеме,
То справа от входа сидит
на соломе
Лис,
А вернее лисица.
И ею посольство гордится.

ПРЕДЛАГАЕМ УНИКАЛЬНУЮ ВОЗМОЖНОСТЬ СТАТЬ ОБЛАДАТЕЛЕМ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО ТВОРЕНИЯ Я. В. БРЮСА

Наиболее полное репринтное издание «БРЮСОВА КАЛЕНДАРЯ» 1875 года:

— Раритет в вашем доме
— Источник разнообразных знаний и прогнозов на будущее (все, что было предсказано «Брюсовым календарем» на 1991 г., свершилось!)
— Календарь на многие годы

Граф Яков Вилимович Брюс (1670—1735) — астроном, географ, переводчик, просветитель, один из наиболее ярких умов среди сподвижников Петра I.

Первый «Брюсов календарь» напечатан в 1709 г. Он пользовался огромной популярностью, многократно переиздавался и до сих пор переписывается и переписывается от руки.

«Брюсов календарь» поможет вам:

ПРЕДСКАЗЫВАТЬ
— погоду по народным приметам
— события в области политики и экономики

УЗНАТЬ
— собственную судьбу и судьбу и свойства характера других людей
— о влиянии Луны на вас и ваших близких
— что и когда нужно делать, чтобы превратить зло во благо, избежать напастей и болезней
— даты основных христианских праздников

ОЗНАКОМИТЬСЯ
— с историей Государства Российского
— с гербами всех российских губерний.

82 страницы большого формата, интересный текст, карты, схемы, таблицы.

Цена — 100 руб., включая стоимость пересылки наложенным платежом.

Срок доставки — I квартал 1992 года.
Заказы просим направлять по адресу: 105275, Москва, а/я 149 — и обязательно указать индекс вашего почтового отделения.

Редакция журнала «Огонек» снимет двух-, трехкомнатную квартиру в центре. Телефон 250-22-30, с 10.00 до 18.00.

ПОСТУПАЮЩИМ В ВУЗЫ И ШКОЛЬНИКАМ

предлагаются пособия для заочного обучения сочинениям, в которых собраны сочинения-образцы на типичные темы, а также рекомендации и советы к экзаменам.

Три пособия для поступающих в вузы: № 1 — в основном сочинения по программным произведениям; № 2 — здесь больше сочинений по современной литературе: «Дети Арбата», «Плаха», «Жизнь и судьба», «Белые одежды», романы В. Пикуля и целый ряд других; № 3 — это обзор новинок литературы, сочинения о перестройке, о молодежи, об экологии, антисталинская, нравственная и другие темы в современной литературе.

Четыре пособия для школьников: одно общее для 9—11-х классов, где собраны сочинения по ряду ведущих произведений школьной программы, и три отдельных для 9, 10, 11-х классов. В каждом из трех пособий представлены сочинения по основным произведениям, изучаемым именно в этом классе, а также сочинения на свободные темы или по внеклассному чтению.

В каждом пособии 14—16 полных сочинений, не считая отрывков, т. е. более 100 во всех сборниках.

Темы нигде не повторяются.

Предлагаются также:
МАТЕМАТИКА для поступающих в вузы (способы решения основных типов задач, предлагаемых на экзаменах);
НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК для 11-го класса и поступающих в вузы (основные темы, включаемые в экзаменационные билеты, с переводом и пояснениями).

Цена одного пособия — 25 рублей. Оплата при получении на почте. Заказы лучше присылать на открытках по адресу: 400067, г. Волгоград, почтовое отделение № 67, а/я 18, кооператив «Учитель». Телефон: 42-41-69. Просим свой адрес писать разборчиво.

Школы и организации могут приобрести пособия по безналичному расчету, если направят заявку по адресу кооператива «Учитель». Организации, желающие получить пособия быстрее, могут сразу перечислить деньги на р/с 461808, МФО 261946 в кооперативном банке «Раритет» г. Волгограда, одновременно прислать заявку, где указать, кто плательщик, кто получатель, номера и количество брошюр, точный адрес получателя.

ОБЫКНОВЕННЫЕ УБИЙСТВА

Замира ИБРАГИМОВА, собственный корреспондент «Огонька»

СУДЕБНЫЙ ОЧЕРК

ХРОНИКА ОДНОГО ПРОЦЕССА

8. «МАКС»

Под этим то ли собачьим, то ли очень заграничным именем прописан был в исследуемом пространстве Олешко Максим Юрьевич, 1966 года рождения. Образование среднее, судим в 1989-м по ст. 206 (хулиганство), осужден на два года лишения свободы с отсрочкой исполнения приговора.

Его отец только и успел сказать следствию о сыне: «По характеру доверчивый, легко поддается влиянию». И добровольно ушел из жизни, в которой его сын Максим должен был отвечать за преступления какого-то монстра «Макса».

Подсудимый Олешко выше и мощнее своих довольно хилых подельников. Природа, кажется, затевала его не для мелкой суеты — и в кости широк, и ростом не обижен (1.87), и в слове неспешен. Но природа, видимо, не учла наперсточных соблазнов, и ее крупное творение пустилось в мелкое мошенничество. Олешко бросил мединститут, проучившись недолго, пошел в грузчики, реализуя физические данные, а мозги нашли себе применение в туалетах аэропорта, где правили бал азарт и обман.

Мать считает, что сын сломался, вернувшись из армии. Как, на чем — «не знает», в семье для слома «предпосылок не было».

Хотя сама семья, внешне куда как благополучная (родители — большие люди в речном пароходстве), сломалась так внезапно и жестоко...

В акте амбулаторной экспертизы подследственный Олешко описывается так:

«Вял, монотонен. Беседует в порядке ответов на вопросы. Односложен. Безучастен. Перебирает самодельные четки. На собеседника не смотрит, на вопрос об обстоятельствах дела повторяет: ну, убил женщину. На вопрос, за что убил, повторяет: ну, убил женщину и убил. Заявил, что ему все равно, как идет, так и идет».

Похоже на то, что мы увидели на суде. Только без четок. Точно он пережил нечто такое, в сравнении с чем суд, владеющий его жизнью, всего-навсего скучное принудительное собрание. И можно было бы поверить в неподдельность этого безразличия и к происходящему, и к собственной судьбе, когда бы хоть раз «безразличие» выказало себя неосторожной обмолвкой или безропотным принятием всего, что бы ни говорилось. Нет, включения Олешко в процесс вопреки форме были по содержанию актами осознанной борьбы за себя. У него хватило ума на тактику полупризнаний, хватило воли демонстрировать безучастность...

«Я убил отца»,— говорил мне буднично «Макс» и пояснял: «Я виновен в его смерти». Точно я могу подумать, что он удушил отца шарфиком, как тех, кого злой рок столкнул со светлыми «Жигулями». По его логике, самоубийство отца должно было убедить меня, что ему, «Максу», теперь действительно все равно, что будет с ним самим,— он и так жестоко наказан.

И не вправе я, разумеется, отказывать ему в глубоких и сильных переживаниях. Но на сопереживание тут меня недостало. Как и на то, чтобы поверить в его «все равно». И я спросила его про лекарство, которое они добавляли своим жертвам в спиртное. Зачем? И он ответил, оживившись на миг: «Мне было интересно, что будет с девушками, и так далее...»

9. «МНЕ НИЧЕГО НЕ ОСТАВАЛОСЬ ДЕЛАТЬ»

Итак, «Максу» было интересно. «Ишим» добывал средства к существованию.

Определения условны — безусловны общие поступки, совместная деятельность, в которую трое пустились, едва сойдясь на житейской «тусовке».

«Свою преступную деятельность я начал со знакомства с Семко О. М., которое произошло в августе 1989-го в международном молодежном центре «Сибиряк», где я работал летом грузчиком»,— сообщил следствию Олешко («грузчик широкого профиля», по выражению одного из свидетелей).

Отец Ишимова: «С августа 1989-го у сына появился знакомый Олешко, с которым сын учился в школе».

А. Ишимов: «Семко я в первый раз увидел в середине октября 1989-го...»

Осмысленность контактов имела значение ничтожное — сближение шло стремительно, по принципу обнюхивания, по опознанию «своего» неким шестым чувством, не нуждающимся в объяснениях.

Их магнитом тянуло друг к другу, трех бездельников, три предприимчивые натуры, алчущие удовольствий.

В июле ли, в августе познакомились Семко и Олешко, но августовским убийством открывается черный список событий, сошедшихся в уголовном деле № 18.

Семко: «Олешко предложил мне — давай проедемся по городу, может, «телок» снимем. Олешко перешел на заднее сиденье, чтобы «телок» было удобнее ловить, пусть садятся на переднее».

Олешко: «Зарядили три бутылки «Пепси-кола» клофелином. У Семко был план осуществить грабеж с использованием клофелина. В тот день этот план не осуществился».

Городская охота на «телок в золоте», возбуждая легкостью добычи, требовала все-таки иногда от охотников некоторых ухищрений.

Ишимов: «Голосовала женщина... посмотрев на нас, отказалась ехать. Я обратил внимание, что на ней было золото. Когда мы отъехали, Семко предложил мне пересесть на заднее сиденье, сказал, что заедет второй раз... Я, сидя на заднем сиденье, спрятался за водителя... Женщина села...»

Дальше — «разбойное нападение». Поиздевались, «напустили жути», сняли украшения, отобрали деньги, духи, помаду...

Где охота, там и убийство.

В преступлении 1 марта участвовали все трое. Каждый вспоминает этот день по-своему.

Олешко: «Весь день с Ишимовым употребляли спиртное. Я был пьян. Ишимов тоже был сильно пьян, агрессивно настроен. Посадили в машину двух девчонок — около 20 часов... Ишим в грубой форме предложил им совершить половой акт и, по-моему, одну из них ударил по лицу. Они наотрез отказались, поэтому у меня было мнение довезти их до дому, потому что пойти на предложение Ишимова они могли только через силу, а я всегда был противником этих мер... Приехали в район Нижнее Ельцово, где дача Семко... После всего Семко предложил Ишимову и мне убивать... Я шарфиком придушил — у меня не было никаких дурных намерений... Я взял руками шарф, который был на шее первой девушки и которую уже пугал Ишимов, и сдавил ей горло шарфом, одновременно смотрел на часы, которые имелись в передней панели автомашины. Я думал сдавить горло девушке на 25—30 секунд, поэтому смотрел на часы, при этом говорил ей, все ли она поняла, будет ли молчать. Так как у меня тряслись руки, шарф из моих рук перехватил Ишимов. Кто-то из парней в это время говорил — давай-давай! Затем Семко спросил Ишимова, все, что ли? Наверное, в это время та девушка, которую душил Семко, была уже мертва. Семко стал говорить, что знает какой-то колодец на Затулинке, куда можно спрятать трупы. Но затем мы решили, что везти трупы через город опасно... Семко сказал Ишимову положить их вниз, а самому сесть сверху на них. Шел разговор, куда их спрятать. Ишимов сказал, что никогда раньше не делал. Мне самому было страшно, и я сказал Ишимову — что, в первый раз, что ли? Ишимов сказал — конечно, а Семко странно улыбнулся... Мы перенесли их в лес, я нес свой труп, они свой. Семко сказал, что трупы лучше вообще гасить без следа, нет трупа — нет дела... Труп черненькой был в кофте и плавках. Когда сели в машину, на заднем сиденье лежали кожаное пальто и дубленка девушек. В пути Семко говорил, что мы теперь связаны... Золото Семко положил в карман. С полки под бардачком он достал спортивное трико и показал нам. Мы сказали, что не очень. Это трико Семко положил назад. Фонариком посветил на вещи, лежащие на сиденье. Ишимов сказал, что из кожаного пальто он будет шить себе куртку кожаную... Семко отвез меня домой, а сам поехал к любовнице».

Ишимов: «Семко добавил клофелина в водку... В машине разложили сиденье, совершили половой акт, Семко был слева от меня... Олешко тоже совершил половой акт... Между Семко и беленькой возникла ссора, я понял, что из-за золота, девушка угрожала Семко какими-то последствиями. Подняла кипеж, стала махать руками, я ее ударил по лицу, у нее пошла кровь... Мы с Семко вышли из машины, Семко говорит, что обязательно она будет писать заявление. Он уже снял с нее золото, а золота было много — печатка, сережки, цепочка, кулон, на черненькой тоже были сережки и еще что-то... Семко стал говорить, что надо «валить» девушек, так как тут не только изнасилование, но и золото. Я стал отговаривать, но Семко нервничал, и с ним бесполезно было разговаривать. И я свой шарф набросил на шею черненькой и немного придавил ее, но только попугать и не сильно. Черненькая прислонилась ко мне и сказала, зачем мы это делаем, что она все понимает и нужно ехать домой. Увидев это, Семко обозвал меня «чмо», развернулся на переднем сиденье лицом ко мне, встал на колени, схватил черненькую за голову и наклонил вниз и стал завязывать узел сзади, т. е. на задней поверхности шеи, черненькая пыталась вырваться, пыталась руками избавиться от шарфа, но Семко крикнул, чтобы мы ей держали руки. Олешко схватил черненькую за руки, я тоже пытался помочь, мне больше ничего не оставалось делать. Вижу, дела плохи, у черненькой обмякли руки, и я понял, что это уже труп. Тут стала шевелиться беленькая девушка, и тогда Семко набросился на нее и стал шарфом душить ее... Все это происходило так быстро, что я ничего не успел сообразить... Семко действовал с Олешко так, что я понял, что они не впервой «валят». Семко завязал еще по одному узлу на шее девушек, и мы куда-то поехали... Стали вытаскивать трупы, мне больше ничего не оставалось, как помогать...»

Олешко не хотел убивать. Ишимов хотел попугать. А Семко заявил на суде, что 1 марта его «вообще с ними не было».

20 апреля 1990-го, через пятьдесят дней после убийства Китаевой и Калюжной, «черненькой» и «беленькой», обвиняемый Семко вез следственную группу по маршруту этого преступления и охотно сообщал подробности, упущенные подельниками: «Девчонки сели на заднее сиденье. Там был Олешко... Вот здесь допили коньяк... я выбрасывал бутылку...»

Не очень качественная по звуку видеозапись сильна изображением: Семко оживлен, доброжелателен, можно даже приписать ему учтивость гостеприимного хозяина, когда бы не знать, что происходит. «Экскурсию» по смертному пути двух несчастных девушек он ведет уверенно и деловито, ни тени внутреннего смущения на подвижном импульсивно-мимическом лице, тогда еще украшенном усиками, бачками, бородкой. Речь быстрая, возбужденная, фамилия «Ишимов» — на каждом повороте дороги и сюжета.

«Вот здесь мы остановились... Ишимов с черненькой — они начали трахаться сначала вдвоем... Когда все закончилось, Ишим говорит, надо ехать, я тороплюсь. Мы поехали, а они начали накидывать шарфы. Я остановил машину, говорю, что ты делаешь, Ишимов? Я сидел за рулем, мы поскандалили, они действия прекратили после моего вмешательства. Я психанул, мне уже было не до девчонок, они все вышли из машины, вернулись вдвоем минут через пятнадцать. Ишимов сел рядом со мной — поехали, я опаздываю».

Так говорил Семко в начале следствия. А в начале суда, через год с лишним, отказался и от этих показаний. Ему очень хотелось жить, подсудимому Семко, убеждавшему судей в предвзятом отношении следствия к нему, Семко, из-за того, что он, Семко, «сражался с системой».

Экая богатая идея... Хочется крик-

Окончание. Начало см. в № 45.

нуть в пространство, где убивают не шарфиками, а словами: «Господа политические! Перебрали вы с обвинениями системы во всех смертных грехах и пороках. Что же сам-то человечишка — с него и спросу нет? Вот уж насильник и убийца у нас исключительно с «системой сражаются». На руку уголовникам состояние общества, одержимого безоглядным разрушением, подавленного растерянностью, упоенного вседозволенностью. На ту самую руку, которая по секундомеру затягивает шарф на цыплячьей шее...»

Семко умеет красно говорить и даже писать ходатайства, состоящие сплошь из газетных цитат о «несправедливо осужденных», «презумпции невиновности», «царице доказательств», «силе права и праве силы»...

Подкован идейно. И отрицал на суде свою причастность ко всем четырем убийствам. Он только сдавал в скупку золото, снятое с убитых. Да тряпки награбленные, «сражаясь с системой», дарил бесконечным своим подругам.

10. «МОЯ СОВЕСТЬ ЧИСТА»

Вот фрагмент из следственных показаний Семко по факту убийства Елены Исаенко:

«У телефона-автомата стояла молодая женщина среднего роста, средней упитанности, стройная. Олешко предложил мне подвезти эту девушку, сказал, что он ее знает... Я ее видел впервые. Я с ней разговаривал вежливо, мне она понравилась, и я даже думал, что с ней надо установить более близкие отношения на длительное время. У меня было много женщин, с которыми я знакомился таким способом и поддерживал близкие отношения: Анохина Лена, Лариса (фамилию не могу вспомнить), другие... Исаенко мне все больше нравилась, и я хотел отвезти ее домой, чтобы потом встречаться с ней без Олешко... Я ее обнял. Олешко вышел из машины. Потом я вышел из автомобиля. Как я понял, она не согласилась совершить с ним половой акт... Олешко был пьян, а в пьяном состоянии он становится агрессивным, неуправляемым. Возникла ссора. У него в руках оказалась веревка 70—100 см длиной... Он вышел с ней, вернулся один. Я спросил — где она? Он ответил — там, в кустах. Я спросил — что произошло там? Олешко стал говорить — поехали быстрей отсюда. Но я решил посмотреть, что он там с ней сделал. В лесу Исаенко лежала на животе неподвижно. Я увидел у нее золото, это золото я и раньше видел. Понял, что ничего назад не вернешь, решил, чтобы золото не пропадало, взять его себе. И я снял с трупа Исаенко сережки золотые с бриллиантами, перстень с бриллиантом, золотую цепочку с шеи, по-моему, она была одна... Я решил молчать, понял, что моя совесть чиста, я не убивал. Все золото, юбку и сумку с вещами я взял себе... Полученные деньги использовал на свои личные нужды: давал своим знакомым «телкам», ходил в рестораны, покупал себе личные вещи, подарки «телкам»...

Олешко от начала и до конца следствия и суда категорически отрицал свое участие в этом преступлении. Показания Семко называл оговором: «Семко прижат вещественными доказательствами, и, чтобы уйти от ответственности, он подставил меня, так как вместе со мной и Ишимовым задушил Китаеву и Калюжную».

«Прижать» доказательствами Олешко не удалось. В убийстве Елены Исаенко признан виновным один Семко. Конечно, отрицающий все — и прежние показания, и прежние версии.

Следствие отыскало очередную его подругу, тезку жены-сожительницы, Ларису, фамилии которой он не мог вспомнить. И студентка Лариса Шестакова показала, что познакомилась с Семко в середине сентября 1989-го, представился он художником, окончившим Суриковское училище в Москве. И ездила она с ним на его дачу: «Двухэтажный деревянный дом, баня, туалет. На втором этаже в комнате, где стоит одна кровать и трюмо, на трюмо перед зеркалом лежала джинсовая юбка. Юбка была аккуратно сложена». Лариса проявила к ней интерес, и ее новый друг тут же предложил ей вещь в подарок. «Когда я ее надела, то эта юбка была мне широка в талии, в бедрах почти нормальная... Я сказала Олегу, что юбка мне не подходит по размеру...».

Это была юбка Елены Исаенко, уже описанная в телевизионном сообщении.

Студентка в милицию не пошла, с «художником» скоро рассталась, а юбка незамедлительно обрела себе новую талию.

Другая студентка, Елена Анохина, познакомилась с Семко в октябре 1989-го. «Познакомились случайно, он был на машине светло-кофейного цвета, произвел на меня благоприятное впечатление... Деньги у него почти всегда были, материально он меня поддерживал, но более 200 рублей в месяц я у него в общей сложности не брала... Иногда мы ссорились. Особенно сильно поссорились в феврале, когда я узнала, что он женат, до этого говорил, что холост... Затем мы помирились, и наши отношения продолжались... В начале октября, сразу же после знакомства, Семко Олег подарил мне джинсовую юбку, сине-голубую варенку. Я эту юбку носила сама, а в январе продала своей подруге».

У подруги и была изъята юбка убитой и приобщена к делу в качестве вещественного доказательства.

13 ноября исчезла Леночка Артюшенко, а уже на следующий день Лена Анохина получила в подарок лисью шапку, в которой ушла из дома (и не вернулась!) Артюшенко. Шапка Анохиной не подошла, и она опять продала ее подруге.

Жизнь награбленного золота стоит отдельного рассказа. Без него представление о «пространстве Семко» было бы неполным.

11. «БРЮЛЛИКИ — ЭТО БРЮЛЛИКИ»

Вчитываясь в перечни золотых украшений, принадлежавших убитым, ограбленным, обесчещенным, тоскливо и бессмысленно захожусь в риторике. «Девоньки-бабоньки, какой коварный соблазн таили в себе для вас все эти дорогие цепочки, колечки, кулончики, сережки? Менялось мироощущение? Вы хорошели? Чувствовали себя богатыми? Обретали уверенность? Хотели быть привлекательнее? И стали. Но — для кого...»

Пустая горькая риторика. Ничего не изменишь, никому не поможешь.

Характеризуя Семко, Лариса Никоненко замечает: «Олег разбирается в золотых изделиях. Говоря о бриллиантах, всегда говорит о них: «Брюллики — это брюллики».

Не знаю, какой тут смысл вложен в глагол «разбирается». Но допускаю, что именно с этой присказкой — «брюллики — это брюллики» — снимал «художник» с теплого трупа Елены Исаенко «сережки золотые с бриллиантами, перстень с бриллиантом...» Наслаждался ли он потом созерцанием «брюликов», ощупывал ли их с нежностью знатока или упоенно переводил маленькие кристаллики в большие пачки купюр, поздравляя себя с удачей?

Если и созерцал, то не очень долго. 14 сентября, через двадцать дней после убийства, Семко принес в скупку золотые серьги с бриллиантами.

Тут начинается еще одно безрадостное откровение об «общежитии», благодаря неразборчивости которого (мягко сказано!) Семко и ему подобные «художничают» и «фокусничают» с нарастающим цинизмом.

Реализация добычи требовала рыночных контактов. Родная тетя Семко, ныне пенсионерка, Екатерина Петровна Краснова, десятки лет проработала в торговле. Связи остались. Как-то вечером позвонил племянник, спросил, нет ли у тети знакомых в магазине «Рубин». Конечно, есть, сказала тетя и направила племянника к «Надежде, прекрасному человеку, доброму, хорошему». (Опять «прекрасный». Фамильная, видимо, лексика.)

И Надежда Дмитриевна Симон, товаровед магазина «Рубин», мобилизованная неформальными связями, неформально же исполняет и свои служебные обязанности. Она не пришла в суд, хоть вызывали ее неоднократно, но в двенадцатом томе следственных материалов есть ее показания.

Простенькие такие... «В 1989 году мне позвонила Екатерина Петровна Краснова. Она раньше работала в магазине «Сибиряк», отдел тканей. Попросила, чтобы я приняла ее племянника и чтобы оценила или приняла у него золотые изделия. Племянником оказался Семко Олег. Что он конкретно принес, я не помню. Сколько раз приходил Семко, я не помню, но приходил несколько раз... Оценивал или нет изделия Семко, я точно сказать не могу, но считаю, коль он был племянником Екатерины Петровны, то я ему могла оценить изделия и без записи в оценочную ведомость».

Такая вот очаровательная простота.

Но и тех карточек, которые остались от визитов Семко в магазин «Рубин» и которые «прекрасная Надежда» пыталась даже прятать от следствия, довольно для сильного впечатления.

14 сентября — «серьги с бриллиантами, вес 4,14 грамма, с шестью бриллиантами в виде светофоров по три камня в каждой, вес 0,10 одного. Проданы 16 сентября. Кому — неизвестно. Оценены в 2599 рублей 35 копеек».

3 октября — приняла от Семко цепочку длиной 45 сантиметров, вес 3,92, оценена в 259 рублей.

Он возит и возит, она принимает и принимает, а телеэкран тщетно взывает к горожанам о помощи в поиске «без вести пропавших».

Л. Никоненко вспоминает у следователя: «Мне предъявили фотографию, на которой золотые изделия, разыскиваемые в связи с убийством Китаевой и Калюжной. Мне знакомы серьги под номером 4 в виде полумесяцев на спайке. С такими же точно серьгами произошла следующая история. 5 марта 1990 года я попросила деньги у своего мужа Семко Олега, он мне в ответ на это дал точно такие же серьги и предложил сдать их в комиссионку. Я согласилась. О том, откуда у него эти серьги, я не спрашивала, так как знала, что это бесполезно, не скажет, еще и нахамит. Мы с ним вместе в тот же день съездили в «Рубин», где я сдала серьги в скупку по своему паспорту, квитанцию выписали на мое имя, но Олег тут же забрал ее себе, и ни ее, ни денег я больше не видела... Кроме этого раза, я с Семко еще ездила в «Рубин» к Надежде, где Семко оценивал какую-то цепочку или еще что-то, я не помню».

«Рубин» дал блестящую характеристику Н. Д. Симон. «Является одной из старейших работников магазина... неоднократно поощрялась за лучшие результаты... является специалистом высокого класса, ведет большую работу, связанную с наставничеством и подготовкой молодых кадров».

Научный работник Дмитрий Евстратов (сводный брат первой жены Семко, муж сестры Олешко) рассказывает: «Поздней осенью я случайно встретился с Семко и сказал, что хотел бы купить золотую цепочку для себя, так как их в магазинах почти нет. Спустя месяц опять встретил Семко и Олешко, сел к ним в машину. Семко показал мне цепочку, у нее было необычное плетение, длиной около 60 см. Семко сказал, что она стоит в магазине «Яхонт» 75 рублей за один грамм и в этой цепочке 3,2 грамма золота. Я отдал им 250 рублей, они мне — цепочку».

Дневная жизнь ночного золота поражает именно числом участников — неужели никто?..

Отчего же. И «кто». И «что». Предполагал. Догадывался. Даже предостережения получал. Но золото... оно всесильно?!

Тот самый Юра, у которого «Ишим», заехав ночью по-приятельски попить пивка, стянул любимую печатку... Они обещали ему компенсацию — и сдержали слово. Первого марта, вернувшись ночью домой, Юра нашел в дверях записку: «Юра, у нас все хорошо. Максим». Стало быть, после убийства «черненькой и беленькой» добытчики еще заезжали к «Юре», намереваясь, может быть, немедленно погасить долг. Но не застали хозяина дома. «Все хорошо...» Через три дня всеобщий приятель Ивин передал ему сверток — там был «ряд золотых изделий: подвеска в виде ключика, подвеска в виде крестика с голубой эмалью, две сережки в виде цветков на штырьке, золотой пустопорожний шарик от серьги, застежка от цепочки». При этом передающий предупредил, что с золотом надо быть осторожнее — «сильно не афишировать».

Судья: Сколько было?

«Юра»: Или 5,5, или 6,5 грамма. Завешивал мой товарищ.

Судья: Вам дают лом. Да еще говорят — «темное». И вы берете?

«Юра»: Это называется хоть шерсти клок.

А город в это время переживает исчезновение двух девушек, вышедших из парикмахерской и домой не вернувшихся.

Кому — горе, кому — нечаянная радость. Марина Ишимова получает к 8 марта дорогой подарок от мужа-«химика». Все тот же вездесущий Ивин приезжает к ней по поручению мужа накануне праздника с букетом гвоздик и золотым кулончиком. Марина удивилась, что муж делает ей такой подарок, «так как денег больших я у него никогда не видела». Но кулончик повесила на свою цепочку и стала носить.

А в день, когда задержали Семко, Ивин по просьбе уже находившегося в бегах Ишимова съездит к Марине и предупредит ее, чтобы кулончик «не засвечивала».

Предполагали. Догадывались. Понимали. Называли между собой золото «темным», «паленым» — и принимали, покупали, украшались, хранили.

12. «ТРИ КАПЛИ УЛОЖИЛИ ДЯДЮ...»

В ноябре 89-го из видеосалона Речкуновского санатория (соседствует с центром «Сибиряк», где при кухне работал Олешко и куда Семко наезжал отдыхать) были похищены: три телевизора «Шарп», телевизор «Панасоник», 101 видеокассета, дневная выручка, билеты. Общий ущерб администрация санатория оценила сначала в 56 тысяч рублей, затем фигурировала в деле сумма в 34 470 рублей.

Приехали в салон отдохнуть. Разумеется, с водкой. Хозяин салона — благо все свои и обстановка теплая — выпил охотно. И — «больше ничего не помню». Когда проснулся, гости спали. Аппаратуры не было. Не было и машины Семко.

Долго и тяжело спал хозяин. За это время гости успели много. Погрузили аппаратуру в машину и вдвоем — Семко и Ишимов — увезли ее на дачу к Семко, машину спрятали в городе в очередном приятельском гараже, вернулись в санаторий на такси.

Олешко: «Они вернулись около 8 утра. Хозяин спал. Мы втроем выпили водки с клофелином, чтобы поверили, что мы были здесь и не совершали разбоя. Нас разбудили часов в одиннадцать... обнаружили пропажу... На нас никто и не подумал. Потом мы с Семко поехали в милицию, где он дал ложное заявление об угоне его автомобиля, чтобы окончательно отвести от нас подозрение... Через месяц Семко якобы нашел свою машину возле магазина «Уют»... В течение этого месяца Семко ездил на машине, которую брал у соседа».

Ишимов: «Семко... сказал нам, чтобы

мы не думали о сбыте похищенного, что он все возьмет на себя и где-то в конце февраля отдаст нам нашу долю».

Не отдал.

Напряжение между подельниками нарастало. Ишимов: «Где-то в конце февраля, еще до совершения убийства, был разговор. Я сказал Семко, что, если он через две недели не отдаст мне деньги, я через «положенцев», то есть людей, которые за деньги решают любые проблемы, все равно с него выбью эти деньги, либо «завалю» его, либо в крайнем случае заявлю в милицию».

Но еще хватило «дружбы» и на убийства, и на разбои....

То обстоятельство, что они сами выпили в санатории водки с клофелином, адвокат Олешко счел реабилитирующим: было бы, мол, действительно опасно, не пили бы. Позвольте все же усомниться в такой логике. Клофелину принадлежит особая роль в преступных похождениях этой троицы.

Идею Олешко почерпнул из «Комсомолки». Статья «Дочь клофелина» была опубликована под рубрикой «Капитанский мостик АП». Вот тебе и приплыл Алый парус — с увлечением рассказывает о проститутках и сутенерах, совмещающих вторую древнейшую с примитивным как «дай» грабежом. Едва ли не восхищается изобретательностью тех, для кого в добывании денег все средства хороши: «Три капли клофелина уложили дядю. Три, всего три капельки...».

Семко идею оценил.

А добывала клофелин Лариса Никоненко, которая, видимо, ни в чем не могла отказать любимому человеку. Рассказывает: «Семко у меня просил достать клофелин (от понижения внутриглазного давления). Я приобретала ему два раза у себя на работе, где заведую аптечным киоском».

Десятки свидетелей проходят по делу № 18 творцами черного пространства Семко, отчего кажется, что нет у этого пространства ни начала, ни конца.

* * *

Суд определил Семко и Ишимову исключительную меру наказания.

Олешко приговорен к 15 годам лишения свободы (пять — в тюрьме, десять — в лагере строгого режима). В день приговора Олешко лежал под капельницей — Семко серьезно изувечил подельника. За что? Может быть, еще узнаем. Они живы, а ощущение недосказанности осталось и после всего, что было сказано.

Приговор читался около трех часов. Все стояли. Кроме Семко, которому будто бы было плохо. Прервались. Вызвали «скорую». Поставили подсудимому успокоительный укол, а он воткнул в себя острый осколок ампулы. Но ранил себя не так сильно, как подельника. Ему безумно хочется жить, человеку, который сказал о себе: «Я не считал себя падшим. Я считал себя средним».

Остается поздравить себя и общество с таким "серёдночком"...

Свидетели и неопознанные «болельщики» подъезжали к зданию суда в личных автомобилях. Судьи, журналисты и педагоги, загипнотизированные процессом, добирались городским транспортом...

Новосибирск

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПРОТОКОЛУ

Вы не хотите про ЭТО знать, господа? Я тоже. Да деться некуда.

Подруга вышла вечером с собакой и тут же получила молотком в лоб. За то, что оказалась невольной свидетельницей кровавых разборок двух пьяных павианов. Чудом осталась жива. Но в лицо собственной смерти заглянула. И, кажется, засмотрелась — все видит поверх наших голов нечто, что лишает ее прежней улыбки и светлого дара безоглядно принадлежать друзьям, близким, ученикам.

Молодого коллегу стадишко разъяренных приматов избило за «дай прикурить» на два больничных месяца. И теперь он, высокий, спортивный, выходя из дома, нервно сжимает в кармане газовый баллончик, приобретенный по баснословной «договорной» цене. И шарахается в сумерках от всех встречных мальчиков ростом поболе метра.

Заурядно? Более чем. Ежедневная газетная хроника. Регулярные сводки МВД на экране. Но когда жертвы рядом, свои, пережившие, преображенные, тут уж физически чувствуешь: кольцо сжимается, агрессивные антропоиды заселяют все жизненные среды, и время и пространство, дышат человеку в лицо смертоносным перегаром.

Наш рок — эксперимент? Наш удел — страх?

Продукт горлом хлынувшей свободы — стада быстро размножающихся приматов. Вчера мы боялись все и вся подозревающего ока государева. Сегодня омерзительно боимся ИХ — непредсказуемых, неуправляемых, с необузданными инстинктами и злобной безрассудностью.

Можно меланхолично философствовать: преступность была, есть и будет. Во веки веков. Аминь! И молиться: пронеси меня, Господи...

Но нельзя не констатировать: нынешние условия куда как благоприятны для феноменальной плодовитости человекоподобных.

Из «Жизни животных»:

«Гамадрилы всеядны... совершают набеги на поля, сады и огороды, принося им большое разорение...»

«Мандрилы — свирепые, агрессивные и драчливые животные... Говорят, что местные жители боятся их, как львов... В неволе мандрилы злобные, часто дерутся между собой, в результате многие из них оказываются с изуродованными конечностями».

И так далее. Хоть в эпиграфы бери, хоть в определитель.

Приматы пьяны, вооружены и — неодолимы?

Увы, это всего лишь черно-белый вариант понимания ситуации: Мы, люди, и Они, двуногие, угрожающие нашим домам, посевам, жизни и достоинству. Из него следует и черно-белое разрешение: Мы защищаемся от Них колючей проволокой, ответным насилием, ужесточением наказания. Не спасение. По меньшей мере по двум причинам. Если Мы все-таки соберемся с силами и обратимся к ответному насилию, Они явят нам такие ужасы и ухищрения, которые бесповоротно превратят наше бытие в кромешный мрак.

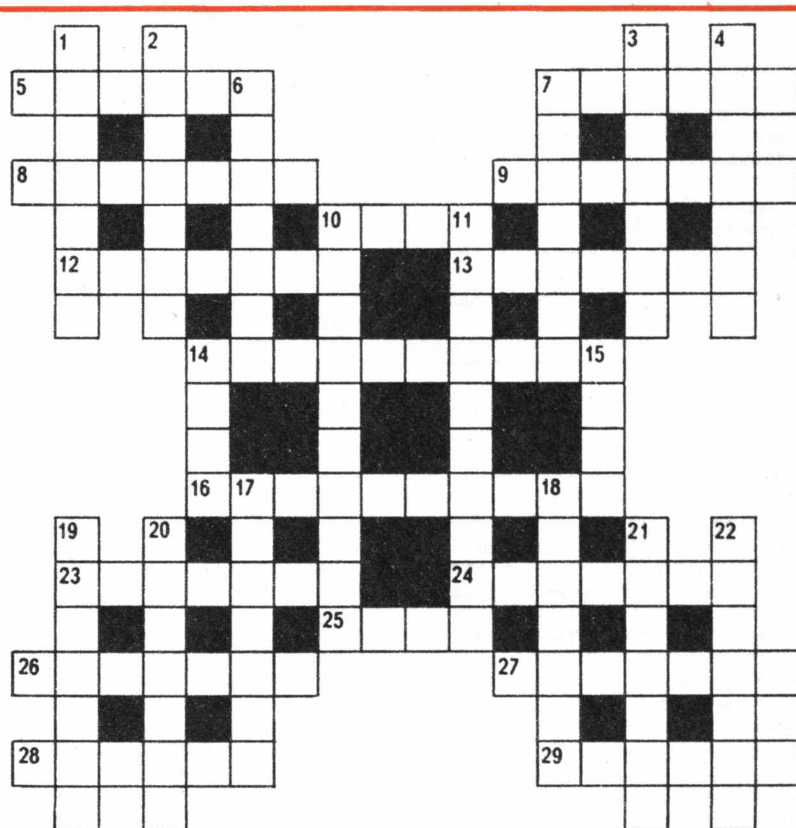
И второе. Мы и Они... Границы? Критерии? Ситуация многокрасочна. Вполне добропорядочный обыватель, не способный на убийство, охотно вступает с убийцей в мелкие сделки, радуясь выгодно приобретенному золотишку. «Паленое», зато дешевое. Сердобольные тетушки, хлопочущие о сбыте награбленного племянничками. Любящие барышни, снабжающие преступников дефицитными лекарствами. Пьющие хранители казенных ценностей. Деловые приятели, не обремененные нравственностью... Всех — за проволоку? В камеру? Под расстрел?

Многовато. На подвид «Мы» не останется.

Трое, о которых я пыталась рассказать, материализуют фантомы темного, иррационального общественного подсознания.

Поздно спрашивать, кто виноват. Да и бесплодно яростно-азартное это занятие, которому страна наша склонна предаваться с тупой оголтелостью кулачного боя.

А вот что делать... Я могу предложить только одно — те самые протоколы, которые заставляют общество заглянуть в себя. Хотя вы и не хотите знать про ЭТО... Я тоже...

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Индивидуальная манера писать. 7. Стабильная элементарная частица. 8. Отделяемая часть космического летательного аппарата. 9. Герой одной из повестей Н. В. Гоголя. 10. Французский скрипач, один из организаторов международного конкурса скрипачей и пианистов. 12. Часть пишущей машинки. 13. Редкая, ценная вещь. 14. Город в Ставропольском крае. 16. Вычислительное устройство. 23. Нарицательная стоимость ценных бумаг, банкнот. 24. Материальный результат труда. 25. Часть света. 26. Парный танец. 27. Свойство тел сохранять состояние покоя или движения. 28. Советский авиаконструктор, академик. 29. Французский живописец, график, скульптор.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Разновидность дельфина. 2. Упругий элемент подвески транспортных машин. 3. Отдельное помещение для жилья в квартире. 4. Виртуозная музыкальная пьеса. 6. Приток Северского Донца. 7. Древняя рукопись. 10. Итальянский народный танец. 11. Определение своего местонахождения. 14. Город в Колумбии. 15. Остров в Средиземном море. 17. Горная система на юго-востоке Китая. 18. Средний многолетний уровень водоема. 19. Туркменский поэт XVIII века. 20. Съедобный гриб. 21. Система международных безналичных расчетов. 22. Южная водоплавающая птица.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД № 45

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Братство. 8. Открытие. 10. Рабле. 11. Индий. 12. Манто. 15. Двор. 16. «Щелкунчик». 18. Цель. 19. «Кисель». 20. Рудник. 21. Вибрато. 22. Буриме. 24. Геллер. 27. Труд. 28. Зерноград. 31. Кадр. 32. Офорт. 34. Огарь. 35. Орион. 36. Ализарин. 37. Алконост.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Барбарис. 2. Эссе. 3. Родник. 4. Моцион. 5. Крем. 6. Станицын. 7. Боровик. 9. Егорлык. 13. Бельведер. 14. Гидрограф. 17. Уварово. 22. Барсова. 23. Радиолиз. 25. Лексикон. 26. Родонит. 29. Негина. 30. Горбач. 33. Трап. 35. «Овод».

ВНИМАНИЕ

В Москве проводится международный конкурс плакатов ТРИЕННАЛЕ-92 под девизом

«ЧЕЛОВЕК. ПРИРОДА. ОБЩЕСТВО»

Одним из учредителей конкурса является издательство «Панорама»
Плакаты регистрируются в оргкомитете до 10 января 1992 г. Работы отправлять по адресу: 123557, Москва, Большой Тишинский пер., 38, издательство «Панорама», Триеннале-92.

Для победителей установлены награды:
Гран-при — 25 тыс. руб. Первая премия — 10 тыс. руб. Вторая премия (две) — 5 тыс. руб. Третья премия (три) — 3 тыс. руб. Поощрительная премия (десять) — 1 тыс. руб.
По всем вопросам обращаться:
издательство «Панорама»
Телефоны: 205-33-78, 205-32-34, 205-33-61,
Союз художников СССР телефон: 291-30-56.

КАЧЕСТВО НАШИХ ТОВАРОВ ВСЕГДА ВЫШЕ ИХ ЦЕН.

Объединение «МММ»

КРУПНЕЙШИЙ ПОСТАВЩИК КОМПЬЮТЕРОВ И ОРГТЕХНИКИ ПРОИЗВОДСТВА ЯПОНИИ, ЮЖНОЙ КОРЕИ, США И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ.

В этом вы убедитесь, позвонив по телефонам:

173–44–15, 171–13–81, 171–03–97, 171–06–90.

«МММ» - это компьютеры, совместимые с IBM PC AT/XT

«МММ» - это большой выбор лазерных принтеров, плоттеров, сканнеров, стриммеров.

«МММ» - это автоответчики, телефаксы, ксероксы, телефоны, электронные записные книжки, бухгалтерские калькуляторы, мини-компьютеры.

Только у «МММ»:

за рубли

без предоплаты

с учетом 5 % налога

самые низкие в стране рыночные цены.

Поставка со склада в Москве или ближайшего филиала.

Внимание! «МММ» ищет партнеров.

Мы готовы открыть новые филиалы. Самые выгодные условия.

За дополнительной информацией обращаться в письменном виде по адресу:

109518, г.Москва, ул.Газгольдерная, 10.

НАДЕЖНОСТЬ И КАЧЕСТВО — НАШ СТИЛЬ

Представляем продукцию ведущих зарубежных фирм:

— телевизоры, видеомагнитофоны, видеоплееры, видеокамеры,
— телефоны, телефоны с автоответчиком, бухгалтерские калькуляторы, калькуляторы с печатающим устройством, телефаксы и термобумага к ним,
— холодильники, пылесосы, СВЧ-печи,
— ультразвуковые сканеры, стоматологическое оборудование, эндоскопы, электрокардиографы, электроэнцефалографы.

ТОЛЬКО ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИЙ ПОСТАВКА СО СКЛАДОВ В МОСКВЕ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ, КИЕВЕ И МИНСКЕ.

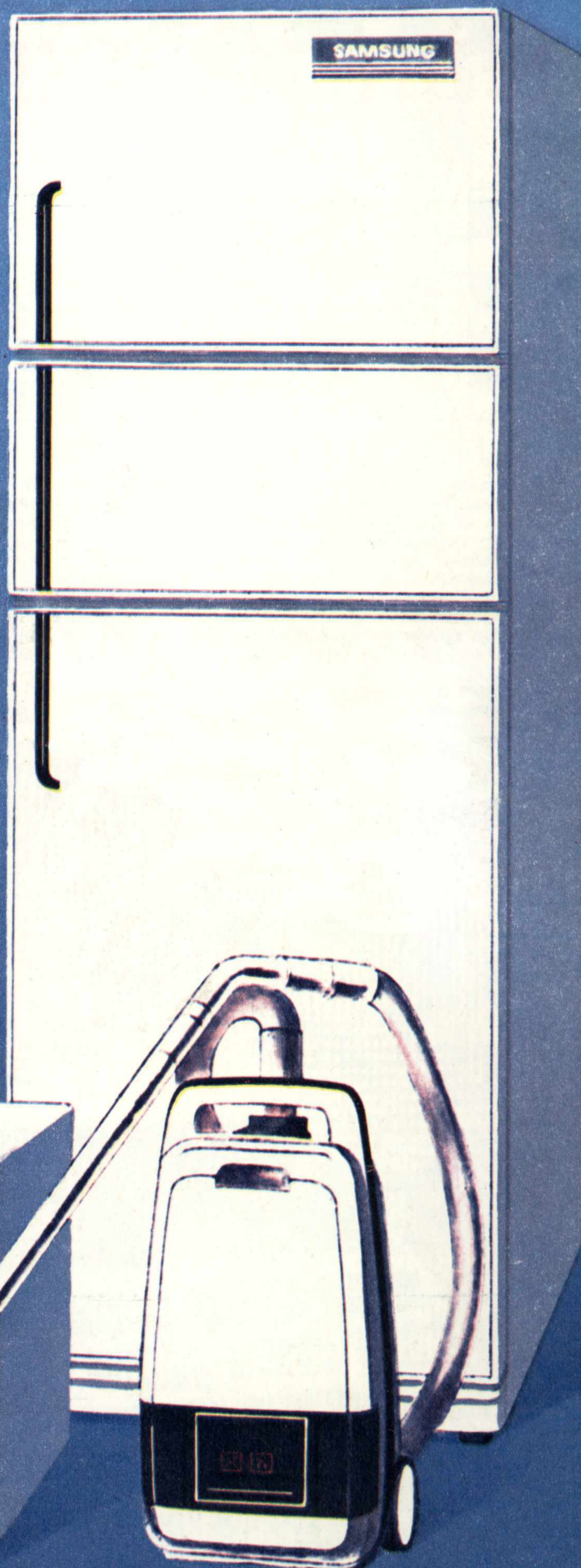
Оплата в твердой валюте или в рублях.

Наш адрес: 117593, Москва, «Ортэкс». Телекс: 131310 ORT SU.
Факс: (095) 427-64-10.
Телефоны: 427-11-01 (5 линий),
427-57-36,
427-66-11.

Представительство в Санкт-Петербурге:
проспект Карла Маркса, 84, «Ортэкс». Факс: (812) 245-21-25.
Телефон: 245-12-51.

Представительство в Киеве:
Киев-1, гостиница «Москва», «Ортэкс». Факс: (044) 229-37-21.
Телефон: 228-00-19 (5 линий).

Представительство в Минске:
проспект Машерова, 65, «Ортэкс». Факс: (0172) 23-74-79.
Телефон: 26-98-18.

1 руб. Индекс 70663

ЭКАРТ